

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

На правах рукописи

Ивашинина Надежда Сергеевна

**ДИАЛЕКТНЫЕ НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО, ЛЕШЕГО И ВОДЯНОГО:
ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА, ТИПОЛОГИЯ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Якушевич Ирина Викторовна

Москва –2021

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОМИНАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА КАК МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА	16
1. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИФА.....	16
1.1. Когнитивное понятие мифа.....	16
1.2. Когнитивные признаки мифа.....	19
1.3. Лингвокогнитивное понятие мифологического персонажа	23
1.4. Изучение названий мифологических персонажей в истории лингвистики.	25
1.5. Понятие мифологема	32
2. ДЕНОТАТИВНО-ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ	34
3. КОННОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ	44
3.1. Структура коннотативного компонента	44
3.2. Источники коннотации диалектного слова	50
3.2.1. Оценочная корневая морфема	50
3.2.2. Экспрессивные деминутивы	52
3.2.3. Энантиосемия и оксюморон	58
3.3. Внутренняя форма слова как коннотативный компонент значения номинаций мифологических персонажей	62
3.4. Символическое значение как коннотативный компонент лексического значения номинаций мифологических персонажей.....	70
3.5. Источники символического значения.....	76
3.5.1. Внутренняя форма слова	76
3.5.2. Народная этимология	77
3.5.3. Фольклорные тексты	78
3.5.4. Ландшафтные и гидрологические особенности местности, а также данные об этологии некоторых птиц и животных	80
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	83

ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ НОМИНАЦИЙ ДОМОВОГО, ЛЕШЕГО И ВОДЯНОГО.....	86
2.1. Основные принципы классификации названий мифологических персонажей в лингвистических исследованиях.....	86
2.2. Типология номинаций домового, лешего и водяного по внутренней форме слова	92
2.2.1. Типология номинаций домового по внутренней форме слова	92
2.2.1.1.Семантический портрет русского домового	129
2.2.2. Типология номинаций лешего по внутренней форме.....	130
2.2.2.1. Семантический портрет русского лешего	145
2.2.3. Типология номинация водяного по внутренней форме.....	146
2.2.3.1. Семантический портрет русского водяного.....	155
2.2.4. Семантические признаки, свойственные одновременно водяному, лешему и домовому.....	156
2.3. Типология номинаций домового, лешего и водяного по гендерному стереотипу.....	160
2.3.1. Типология номинаций домового по гендерному стереотипу	161
2.3.1.1.Семантический портрет русского домового женского пола	167
2.3.2. Типология номинаций лешего по гендерному стереотипу	167
2.3.3. Типология номинаций водяного по гендерному стереотипу	170
2.4. Типология номинаций домового, лешего и водяного по символическому значению	172
2.4.1. Порядок и уют в доме.....	172
2.4.2. Огонь	173
2.4.3. Двойник.....	176
2.4.4. Достаток и богатство	178
2.4.5. Судьба	180
2.4.6. Болезнь и смерть	181
2.4.7. Символическое значение мифологических персонажей с семантическим признаком ‘цвет’	184

2.4.7.1. Белый цвет	184
2.4.7.2. Синий цвет	186
2.4.7.3. Красный цвет	187
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	199
СПИСОК СЛОВАРЕЙ-ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ	202
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	205
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	231
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СЛОВНИК НОМИНАЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ.....	233
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. АТЛАС РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОМИНАЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ	255

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена систематизации и описанию многокомпонентной структуры лексического значения диалектных номинации трёх мифологических персонажей – домового, водяного и лешего.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, русская мифология «не восстанавливается как свод текстов» в силу «отсутствия исконной восточнославянской письменности» и реконструируется «как архаичная когнитивная парадигма» [Кошарная 2003, с. 18]. Осколки древнего мифологического мышления скрыты в диалектной разговорной среде – языковой сфере, мало известной неспециалистам. Восстановить славянскую мифологическую ветвь – задача, важная для сохранения национальной самобытности. Обращение к диалектной лексике обусловлено её уникальным свойством объединять духовный и языковой компоненты культуры [Толстой 1995, с. 27-40]. В нём отражены черты личности, относящейся к определённой национальности, полу, возрасту и имеющей определённый менталитет. Диалектная лексика хранит языческие религиозные представления, скрытые в символической семантике.

Во-вторых, особенность лексики, называющей мифологических персонажей, состоит в том, что их денотат не существует в реальной действительности. Слово зачастую является единственным уникальным хранителем мифологического образа и породившего его мифологического мышления. Номинации русских мифологических персонажей уникальны как хранители национально-культурного своеобразия, а исследование различных сторон их функционирования способствует наиболее верному определению особенностей языкового сознания нации.

В-третьих, обращение к объективным источникам (в нашем случае – диалектной лексике) продиктовано тем, что в настоящее время актуальные знания о домовом, лешем и водяном в основном складываются из авторских медийных образов – ярких, но, к сожалению, предельно обобщённых стереотипов. Так, согласно данным ассоциативных словарей [ЕВРАС, САС],

большинству людей известна только широкая локация духов (домовой – дом, угол; леший – болото, тайга; водяной – баня, болото). Реальное же представление о мифологических персонажах принципиально другое. Оно скрыто в диалектной лексике и требует дешифровки.

В-четвёртых, поскольку необходимо доскональное изучение атласов духовной культуры, диалектных словарей, сборников фольклорных текстов, исследование находится на «территории» этнолингвистики и этнопсихолингвистики, которые последние три десятилетия пребывают на пике гуманитарного знания, так как они не только находятся в русле «антропостремительных тенденций» (В.Н.Телия), но и создают точки пересечения разных дисциплин: а) лингвистических – лексикологии, этимологии и истории языка, психолингвистики и когнитивной лингвистики; б) нелингвистических – этнографии, культурологии и фольклористики, иногда даже географии и биологии.

Цель исследования: систематизация и построение понятийно-коннотативной системы диалектных номинаций мифологических персонажей (домового, лешего и водяного) на основе изучения внутренней формы и символического значения лексемы, а также отражённых в ней гендерных стереотипов.

Объект исследования: зафиксированные на территории России диалектные номинации мифологических персонажей – домового, водяного и лешего.

Предмет исследования: компоненты лексического значения (ЛЗ) номинации: понятийный, коннотативный компоненты, последний из которых включает внутреннюю форму и символическое значение.

Задачи исследования:

1. Формирование теоретической базы исследования на основе анализа научной литературы по затрагиваемым в работе проблемам, а именно: определение понятий мифа и мифологического персонажа, изучение денотативно-понятийного и коннотативного компонентов ЛЗ; выявление

рабочего определения внутренней формы, соединяющего точки зрения различных исследователей; освещение проблемы гендерного стереотипа; исследование символического значения и его источников.

2. Определение специфики денотативно-понятийного и коннотативного компонентов ЛЗ номинации мифологического персонажа.

3. Реконструкция внутренней формы номинаций мифологических персонажей.

4. Описание символического значения ряда номинаций мифологических персонажей.

5. Систематизация и создание типологических систем диалектных номинаций с критерием «внутренняя форма», «гендерная принадлежность», «символическое значение».

6. Создание семантических портретов домового, водяного и лешего на основании внутренней формы называющих их диалектизмов.

Теоретическую базу исследования составляют труды, посвящённые изучению мифа и мифологического персонажа (Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, Ю. С. Маслов, К. Леви-Строс, О. М. Фрейденберг, М. Элиаде, В. Я. Пропп, Б. М. Мелетинский, В. П. Гайденко, Е. Е. Пронина, С. А. Кошарная, М. Р. Жбанков, В. П. Шадеко, Е. С. Кубрякова, А. В. Алексеев, И. В. Якушевич), исследованию названий мифологических персонажей представителями Русской мифологической школы (А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев), Московско-таргуской семиотической школы (В. Н. Топоров, В. В. Иванов), Ленинградской лингвистической школы (О. А. Черепанова), Уральской ономастической школы (Е. Л. Березович), а также такими учёными, как Н. И. Зубов, И. И. Русинова, М. А. Гранова, С. А. Толстик; рассмотрению понятия ‘мифологема’ (О. А. Черепанова, Н. В. Черемисина, А. П. Бабушкин, О. И. Быкова, О. Н. Ракитина, С. А. Питина, О. В. Абыяккая, Е. В. Матвиенко, В. А. Маслова, В. И. Дынин, Хань Цзинхуэй), анализу денотативно-понятийного (В. Д. Девкин, И. А. Стернин, И. В. Арнольд, Г. Фреге, Г. В. Колшанский, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Л. М. Васильев, Б. Ю. Норман, И. М. Кобозева, Ю.

П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. А. Уфимцева, Н. Г. Комлев, И. В. Кононова) и коннотативного (Л. В. Щерба, Е. М. Галкина-Федорук, Ш. Балли, И. В. Арнольд, Д. Н. Шмелев, А. Н. Леонтьев, Р. Барт, В. К. Харченко, А. В. Филиппов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, И. А. Стернин, К. А. Долинин, В. А. Маслова, Ю. Д. Апресян, В. Н. Телия, Г. В. Говердовский, Л. А. Новиков, Н. Г. Комлев, В. Н. Комиссаров, Г. И. Берестнев, Е. М. Сторожева, Н. Ф. Алефиренко, Р. Г. Давлетбаева, З. Д. Ханова) компонентов, описанию внутренней формы слова (А. А. Потебня, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, Н. Ф. Алефиренко, Ю. С. Маслов, В. В. Колесов, А. А. Зализняк, Е. В. Огольцева), а также исследованию гендерного стереотипа (Ш. Берн, А. В. Кирилина, Л. В. Маркина) и символического значения (А. Н. Афанасьев, П. Рикер, В. В. Виноградов, В. Н. Телия, К. А. Свасьян, М. М. Маковский, А. А. Потебня, М. В. Никитин, Е. В. Шелестюк, В. В. Колесов, А. В. Медведева, Д. А. Тараканова, И. В. Якушевич).

Материалом исследования являются номинации мифологических персонажей, обозначенных в диалектных словарях как «домовой», «леший» и «водяной», а также «мифологическое существо», «дух», «нечистая сила». Методом сплошной выборки и направленного поиска было изучено 25 диалектных словарей. Источником фольклорного материала (паремий, загадок и заговоров) стали собрания фольклорных текстов В. Г. Зиновьева, Е. А. Грушко, А. Н. Афанасьева, М. М. Забылина, П. Н. Рыбникова. В качестве справочной литературы привлекались также исследования, посвящённые изучению славянской мифологии. Всего было найдено 395 номинаций мифологических персонажей: 238 – домового, 97 – лешего, 57 – водяного и 20 номинаций, включающих в себя семантические признаки одновременно домового, лешего и водяного.

Междисциплинарный характер исследования определил сложную научно разнородную **методологическую базу**.

Доминирующими в работе стали методы диалектологического и этнолингвистического исследования: а) **метод семантико-мотивационной**

реконструкции слова, в том числе и **метод** этимологического анализа; б) **метод** сравнительно-типологического исследования, направленный на изучение ономасиологических характеристик номинаций, позволяющий раскрыть особенности номинативной деривации и постичь закономерности членения экстралингвистической действительности носителями различных диалектов; г) **метод** формализации лингвистического материала путём формирования лексико-семантических групп как единиц типологического описания лексики; е) **метод** компонентного анализа ЛЗ.

Кроме того, для анализа отражения в словообразовательной структуре и ЛЗ диалектных номинациях гендерных стереотипов использован психолингвистический метод наложения гендерных схем на внутреннюю форму лексем; привлечены методы словообразовательного анализа и этнографического комментария.

Для анализа символического значения использован метод лингво-семиотического описания символа и мифа как билатеральной модели.

К общим методам исследования относятся метод контекстного описания, метод сплошной выборки и статистического анализа лингвистических фактов. Привлекался также метод картографического и топонимического изображения результатов исследования.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые 1) не только рассмотрены внутренняя форма и особенности денотативно-сигнификативного и коннотативного компонентов номинаций мифологических персонажей, но и внесены значительные семантические коррективы в толкование собирательного образа национальной мифологемы; 2) предложена типология мифологических персонажей с точки зрения внутренней формы номинации и гендерной характеристики персонажа; 3) рассмотрено символическое значение ряда номинаций и указаны его источники; 4) представлены семантические портреты мифологических персонажей.

Теоретическая значимость исследования. Основным результатом исследования являются формирование, систематизация и описание корпуса

лексики, называющей домового, водяного и лешего. Наибольшее научное значение имеют выводы, полученные в результате реконструкции внутренней формы лексем:

- 1) рассмотрена специфика понятийных и коннотативных сем, многогранно дополняющих современное представление о национальных мифологических персонажах: их топосе, типичных действиях, внешности, их оценке;
- 2) зафиксировано отражение гендерных стереотипов в исследуемых номинациях;
- 3) выявлены символические значения номинаций.

Практическая значимость исследования заключается в том, что реконструированный в результате этнолингвистического исследования образ домового, лешего и водяного может стать необходим как в литературно-художественном (в том числе и медийном) творчестве, так и в процессе преподавания историко-культурных и лингвистических дисциплин, таких как русский фольклор, русская литература, культурология, этнография, история языка и диалектология и др. Особое значение результаты исследования имеют для создания словаря символовических значений диалектных номинаций.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Номинации мифологических персонажей следует рассматривать как лексемы с многоаспектной структурой ЛЗ. К компонентам такой лексемы традиционно следует относить денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Денотат диалектных номинаций мифологических персонажей назвать нулевым можно лишь в том случае, если иметь в виду факт отсутствия такого референта (существа, предмета) в реальной действительности. Денотат мифологической лексики порождён народной фантазией и представляет собой совокупность эмпирических признаков, часто являющихся результатом олицетворения и персонификации – главных маркеров мифологического мышления.

2. В микрокомпонентный состав коннотации мифологемы включаются мотивационные семы внутренней формы слова, семы символического значение слова, семы гендерных стереотипов, а также семы, источником которых являются факты зоологии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов.

3. Особую роль в формировании коннотативного компонента ЛЗ номинаций мифологических персонажей играют 1) оценочная корневая морфема (*жировик*, *родимец*), 2) уменьшительные (*дитятко*, *лесик*, *кормйнчик*), экспрессивные/уменьшительно-экспрессивные (*черташка*, *дедуха*), экспрессивно-ласкательные деминутивы (*домоушка*, *ворогуша*, *жихорюшко*) и экспрессивные деминутивы со значением невзрослоти (*лешачонок*); 3) энантиосемия или оксюморон, являющиеся чаще всего следствием табуирования номинации (*жировой чёрт*, *ворогуша*, *кривохвостик*).

4. Названия мифологических персонажей необходимо рассматривать с точки зрения анализа их внутренней формы. Мотивационная семантика внутренней формы пополнит достаточно скучное представление современников о славянских мифологических существах и станет источником их объективного семантического портрета как совокупности сем, лежащих в основе наименования объекта, т. е. сем внутренней формы слова, каждая из которых – крупица мифологического мировоззрения народа.

5. Обнаруженные нами семантические признаки ‘локус’, ‘оценка’, ‘действия’, ‘таксис’, ‘табуирование’, ‘родство’, ‘ внешность’, выявленные в процессе реконструкции внутренней формы слова, являются важнейшими классификаторами всех трёх групп номинаций мифологических персонажей.

6. Недостаточно классифицировать номинации мифологических персонажей только на основе мотивирующих семантических признаков внутренней формы. Диалектизмы не только сохранили веру народа в сверхъестественных существ, но и отразили ряд гендерных стереотипов в

крестьянской среде: к примеру, проблему положения женщины в семье, её труда, отношения к некоторым чертам характера и пр.

7. Естественным следствием реконструкции внутренней формы слова является обнаружение символического значения диалектного слова ('огонь', 'предок', 'достаток и благополучие', 'судьба', 'болезнь и смерть', 'обман'), подкреплённого контекстами разговорной речи носителей языка, фольклорными текстами, а также этнографическими и географическими данными областей, где были зафиксированы диалектизмы.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, а также списка использованной литературы, перечня иллюстративного материала, списка сокращений и приложений – слова мифологических персонажей и атласа распространения номинаций мифологических персонажей на территории России.

Во **Введении** сформулированы цель и задачи, объект, предмет, языковой материал исследования. Изложены актуальность, научная новизна, методическая база, теоретическая и практическая значимость работы. Описаны положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1** содержатся общие теоретические и методологические основы настоящего диссертационного исследования. В данной части работы раскрывается многокомпонентная структура ЛЗ номинации мифологического персонажа (денотативно-понятийный, коннотативный компоненты, внутренняя форма, символическое значение), даются понятия мифа и мифологического персонажа, освещаются вопросы изучения названий мифологических персонажей, проводится анализ денотативно-понятийного и коннотативного компонентов ЛЗ диалектных номинаций. Для обозначения представления современного человека о мифологических персонажах приводятся данные толковых и ассоциативных словарей. Выводится определение основополагающего понятия данного исследования – внутренней формы слова, и уделяется внимание символическому значению слова и его источникам.

В **Главе 2** рассматриваются основные принципы типологии диалектных номинаций домового, лешего и водяного в фольклорных и лингвистических исследованиях. Проводится систематизация диалектизмов из разных регионов России на основе внутренней формы и гендерного стереотипа. Выявляются символические значения номинаций мифологических персонажей.

В **Заключении** содержатся основные выводы по проведённому исследованию и намечаются его научные перспективы.

Приложение содержит перечень всех используемых в диссертационном исследовании номинаций мифологических персонажей с указанием определений из диалектных словарей, а также карту распространения номинаций мифологических персонажей на территории РФ.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были представлены в виде докладов на следующих конференциях:

- Международная научная конференция, посвящённая памяти профессора П.А. Леканта (г. Москва, 19 ноября 2019 г.);
- Студенческая открытая конференция #ScienceJuice2019 (г. Москва, 2019; Диплом 2-й степени);
- Международная научная конференция XVI «Виноградовские чтения «История и современность филологических наук» (г. Москва, 2020 г.).
- XI Всероссийская научно-практическая конференция «Современное филологическое образование: проблемы и перспективы» (г. Москва, 21 апреля 2021).
- XIV Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», посвящённая 120-летию профессора Н. П. Прокоповича (28-30 сентября 2021 г., г. Владимир).

Основные результаты диссертационного исследования описаны в 8 научных работах автора общим объёмом 4,26 печатных листов.

Статьи в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов:

1. **Ивашинина Н. С.** Семантический портрет духов воды в говорах северорусского наречия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2020. –№ 3 (146). –С. 145-152.
2. **Ивашинина Н. С.** Внутренняя форма диалектных номинаций лешего как источник его семантического портрета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2020. –№ 2 (145). –С.166-173.
3. **Ивашинина Н. С., Якушевич И. В.** Символическое значение ‘водяной’, мотивированное ландшафтными, гидрологическими и биогеографическими особенностями края // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.– 2020. –№ 04.–С. 181-187.
4. **Ивашинина Н. С.** Внутренняя форма номинаций домовых женского пола в русских народных говорах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 166, кн. 5. –С. 144-158.

Публикации в других журналах, сборниках научных трудов иматериалах научных и научно-практических конференций:

1. **Ивашинина Н. С.** Амбивалентность семантики женского образа домового в лексике русских народных говоров. Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019: Сборник трудов Международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 191-195.
2. **Ивашинина Н. С.** Цветовой семантический признак внутренней формы в диалектных номинациях домового. Лекантовские чтения. Материалы Международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 148-152.
3. **Ивашинина Н. С.** Символическое значение ‘огонь’ в диалектных номинациях домового. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Москва-Ярославль, 2021. – С. 241-246.
4. **Ивашинина Н. С.** Явление энантиосемии в диалектных номинациях мифологических персонажей. Языковые категории и единицы:

синтагматический аспект. Материалы международной научной конференции (Владимир, 28-30 сентября 2021 года), посвящённой 120-летию проф. Н.И. Прокоповича. Владимир: Транзит-ИКС, 2021. С. 113-118.

ГЛАВА 1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОМИНАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА КАК МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА

Данная глава посвящена изучению многокомпонентной структуры ЛЗ номинаций мифологических персонажей. В ходе исследования раскрываются понятия мифа и мифологического персонажа, освещаются вопросы изучения названий мифологических персонажей (В. Н. Топоров, В. В. Иванов, О. А. Черепанова, В. И. Дынин, И. И. Русинова, Е. Л. Березович, Н. И. Зубов, С. А. Толстик). В этой главе проводится анализ денотативно-понятийного иконнотативного компонентов ЛЗ диалектных номинаций. Сформировано понятийное значение номинаций ‘домовой’, ‘леший’ и ‘водяной’ в современном русском языке на основе данных толковых словарей. Для формирования ассоциативного представления современника об этих мифологических персонажах приводятся данные ассоциативных словарей. Выводится определение основополагающего понятия исследования – внутренней формы слова (А. А. Потебня, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, Н. Ф. Алефиренко, Ю. С. Маслов, В. В. Колесов, А. А. Зализняк, Е. В. Огольцева). Особое значение имеет анализ структуры и источников символического значения слова (А. Н. Афанасьев, П. Рикер, В. В. Виноградов, В. Н. Телия, К. А. Свасьян, М. М. Маковский, А. А. Потебня, М. В. Никитин, Е. В. Шелестюк, В. В. Колесов, А. В. Медведева, Д. А. Тараканова, И. В. Якушевич).

1. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИФА

1.1. Когнитивное понятие мифа

Значительное внимание к мифу возникло в конце XIX века, когда история воспринималась как процесс, движущийся к завершению [Кошарная 2020, с.25]. Такое мировосприятие требовало найти какую-либо устойчивую силу, пребывающую над слоем культуры, т.е. миф. Европейское искусство базировалось на античной мифологии, отсюда появилось мнение, что «миф – это вечное живое начало» [Шадеко 2012, с. 380-391]. Возникло желание свести

искусство к мифу. Более того, миф – формирование именно коллективных, а не индивидуальных представлений человека о мире, предшествующих науке.

В сфере гуманитарных наук существуют два представления о мифе. Согласно первому, миф есть совокупность древних легенд, которые повествуют о действиях героев и богов [Мелетинский 2000, с. 172]. Мифы-легенды – это достояние культуры в процессе её становления и развития. Так, первые сказания о языческих богах появились в дохристианскую эпоху, затем описывались в древнерусской литературе и фольклоре. Со временем им на смену пришли библейские легенды, а после них – легенды советской эпохи. Осмысление обществом того факта, что оно сталкивается с мифами, возникает по прошествии многих лет и даже веков. Такое понимание мифа можно считать диахроническим, ведь миф-легенда рассматривается с позиции другой эпохи [Якушевич 2018, с. 13]. М. Элиаде считает, что миф является повествованием, но не в привычном нам понимании. Это не рассказ какого-либо человека об однажды произошедших событиях, а повторение архетипа, идеала, связывающего прошлое с будущим посредством настоящего [Элиаде 1998, с. 5]. Миф рассказывает о прототипическом поведении. С одной стороны, он изначально задан представителю культуры. С другой стороны, он является непрерывной реальностью. Таким образом, миф – это система мировоззрения, особая форма познания и в то же время продукт этой формы, в котором метафорически обнаруживается его результат, бытовавший на конкретном этапе развития жизни [Шадеко 2012, с. 380-391].

Согласно второму представлению, миф – это мышление, благодаря которому действительность рассматривается в чувственно-наглядных образах, воспринимающихся как самостоятельные явления реальности [Жбанков 2003, с. 634]. «Миф – это константа сознания» [Алексеев 2013, с. 38], следовательно, чтобы её познать, необходимо погрузиться в эту субстанцию, то есть начать думать мифологически. Данное понимание мифа является синхроническим. Его задача – объяснить необъяснимое, раскрыть то, что не поддаётся рациональной логике, а также помочь человеку справиться с фобиями. Так, страх перед

ночными кошмарами и болезнями, приходящими ночью, породил в сознании древнего человека *гнютеніцу, намного, пужанку*. Персонификацией страха перед водой и невидимым под ней пространством рек и озёр являются *водяные* и *русалки*. По мнению Е. Е. Прониной этот тип мышления характеризуется как «жизнь-на-границе-смерти». Это особая коммуникация, при которой человек жил с чувством победы над насильственной смертью, грозящей ему извне. Такая коммуникация порождала в нём чувство сплочённой общности, защищённости, значимости, власти. Е. Е. Пронина называет такой тип мышления магическим, так как первобытному человеку была свойственна уверенность в том, что только с помощью магии возможно подчинить себе судьбу и природу [Пронина 2002, с. 47-91].

С. А. Кошарная считает, что вся мифология находится в пределах концептуального объединения человека и природы. По мнению автора, своеобразная черта мифологического мышления заключается в том, что «мифологический» человек познаёт природу через свои ощущения. Однако в центре объективной реальности и субъективного восприятия находится бессознательное, что миф и выражает. Так, существуя в объективном мире, человек в своём сознании создаёт другой, иллюзорный мир. Эта воображаемая реальность возникает из «ощущения, осознания и запечатления в языке реально существующей картины мироздания». Такая воссозданная реальность является специфической когнитивной моделью, или парадигмой. Таким образом, как полагает С. А. Кошарная, мифология есть не исключительно сборник фантастических текстов, а в том числе и система мировоззрения, уникальный способ адаптации человеческой психики к действительности, не поддающейся логическому осмыслению [Кошарная 2002, с. 73-74].

Учение о мифе как о мышлении осуществляется в русле когнитивной лингвистики – направления, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей [Маслов 2005, с. 6]. Процессы, связанные

со знанием и информацией, называются когнитивными, или когницией. Е. С. Кубрякова, основатель когнитивно-дискурсивной парадигмы, определяет когницию как обыденное познание, важное для взаимодействия человека с миром его повседневной жизни, т.е. это манипуляция со знаниями, работа с информацией [Кубрякова 2001, с. 4-10].

К. Леви-Строс, рассматривая структуру мифа, полагал, что миф выступает как языковое явление или объект лингвистики [Леви-Строс 2001, с. 218], следовательно, и структура мифа должна иметь лингвистические основания. Тем не менее, исследователь считает, что специфические свойства мифа не ограничиваются сферой языка, а занимают место на более высоком уровне, т.е. обладают более замысловатой природой в отличие от других языковых высказываний [Леви-Строс 2001, с. 218].

С. А. Кошарная подчёркивает, что слово, как любой знак, является не только отражением когнитивных процессов, в том числе и мифа как мышления, когниции, но и кодом лексикализации мифа, его семантизации [Кошарная 2010, с. 255-257]. Автор пишет о феномене «мифа как слова»: слово может быть прочитано как микротекст, «мифолексема представляет собой миф, свернутый в слово» [Кошарная 2003, с. 6]. Таким образом, если слово является свернутым мифом, то в его ЛЗ миф присутствует в виде семантического компонента.

Итак, современное представление о мифе сформировалось на стыке когнитивной лингвистики и семиотики: миф как особого рода мышление является уникальной когницией, индивидуальной и коллективной, поскольку обусловлен национальным менталитетом. Слово как знак является кодом лексикализации мифа и может быть «свернутым» мифом, а в системе семасиологии миф «измеряется» разного рода семами культурной коннотации, чему посвящён раздел 3.1 диссертации.

1.2. Когнитивные признаки мифа

Рассмотрим когнитивные признаки мифа.

1. **Миф – процесс.** Прежде всего, миф – это цепочка событий, некое повествование, истинность которого абсолютно бесспорна [Стеблин-Каменский 2003, с. 224].

Миф непрерывен и протяжён во времени. Так, К. Леви-Строс сравнивал миф с музыкой, так как, во-первых, для постижения искусства тоже требуется время, во-вторых, музыка и миф передают бессознательное человека, и в-третьих, организуют психологическое время слушателя, включая его в повествование мифа [Леви-Строс 1994].

2. **Миф антропоцентричен:** все пространственные компоненты семантизируются с позиции человеческого тела как оппозиции: верх/низ, своё/чужое и пр. [Якушевич 2018, с. 15]. Важно учитывать границы и переходы между этими сферами. Мифологическому пространству свойственно двойничество всех реалий: всё, где чувствуется нахождение человека, имеет неземные прообразы. В славянском мифологическом мышлении дом есть центр мира. С одной стороны, его стены создают внутреннее, «своё» пространство человека, с другой стороны, устанавливают связь человека с внешним, «чужим» миром. В частности, русская изба, имела множество «отверстий», которые связывали человека с потусторонним миром: окна, дверь, дымоход, печной зёв и пр. [Байбурин 1983, с. 134-145]. Такие места часто были излюбленными для домового, отсюда номинации *запеченный, запечинушико, кутинья, голбейный, подполяники* пр.

Подчёркивая особую связь человека с природой, Е. Е. Пронина описывает понятие аниматизма (лат. *animatus* ‘одушевлённый’), подразумевая под ним «особое состояние веры во всеобъемлющую безличную одушевлённость природы, соединяющую всё и всех в единую мировую душу» [Пронина 2002, с. 51]. На феномен очеловечивания природы указывали и другие учёные. Так, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп и др. говорили о том, что посредством мифов и обрядов поэтическая фантазия откликается на природу, т.е. люди пытались воздействовать на неё [Буслаев 1861; Веселовский 1873; Фрейденберг 1997; Пропп 2000].

3. Миф–перцептивное мышление. В качестве реалий мифа выступают чувственные образы, пространственные представления, конкретные действия и другие продукты чувственного созерцания действительности. Миф, являясь ярким образом, расценивается в качестве самой реальности [Гайденко 1995, с.167-174]. Так, через этимологическое значение номинаций мифологических персонажей мы можем обнаружить их перцептивные признаки. К примеру, внутренняя форма номинаций водяного *волосán* и *волосáтик* указывает на наличие у них длинных волос, а во внутренней форме названия лешего *больша́к* содержится указание на его длинный рост.

4. Миф – синкретичное мышление: нет разграничения между образом и обозначаемой им сущностью. Синкретизм в мифологическом мышлении – следствие «антропоцентричного» познания природы и мира, в том числе и внутреннего мира человека [Якушевич 2018, с. 14]. Мифологическое мышление основывается на отсутствии границы между психической и объективной реальностью: мир = я [Пронина 2002, с. 128]. Из этого следует, что невидимые для человека физические и психические ощущения – болезни, переживания, страхи – определяются в окружающем мире или персонифицируются. Так, заблудившись в лесу, первобытный человек был уверен, что его водил леший (номинация *блуд*).

5. Мифическое время, представленное последовательностью и цикличностью событий вне и внутри мифа, – это время «первопредметов и перводействий» [Мелетинский 2000, с. 173]. Миф может повторяться бесконечное количество раз, при этом связывая историческое время с первобытием. К примеру, как и несколько веков назад, не принято купаться в водоёмах на Ильинской неделе: считается, что водяной в Ильин день обязательно накажет любого ослушавшегося [СРС, с. 81]. А в ныне известный всем День смеха обычно говорят: «1 апреля – никому не верь». Так, именно в этот день просыпается домовой, и необходимо много шутить, чтобы сбить его с толку [СРС, с. 19].

Миф выражается в словесной форме, и изучение мифа невозможно без анализа определённого, в частности, диалектного, языкового материала. Примером могут служить отрывки из быличек, сюжеты которых связаны с домовыми, лешими и водяными: «*Все ушли в клуб, а я устал с дороги, лёг спать. Вдруг старик лохматый из-за печки выходит... подходит ко мне и давай душить. Душит! Я уж думаю: «Да неужели такой старый задавит меня?!*» *Все силы собрал — как его толкну!* Он улетел. *А там западня, она открыта* оказалась — он в неё. И замолк. Опять всё тихо» [Зиновьев 1987, с. 58] // «*Поехал он домой да и заблудился, хотя недалеко от дома был. Бросил велосипед, плутал, плутал. Вдруг к нему старишок подходит, седой-седой, в рваной одежде, с бородой. И говорит: «Пойдём со мной. Я тебя выведу».* Потом говорит парню: «*Одет ты как-то не по-христиански*». Да так парень переоделся, что вся одежда задом наперёд оказалась» [Зиновьев 1987, с. 19] // «*Она (моя бабка) по речке ходила. Не ночью, а часов так около одиннадцати. Телёнка искала... Ну, и ноги, гыт, не видно, а руки-то, как у лягушки — четыре пальца. В воде сидит. И не слышно. Так-то если встанешь, слышно, как вода шумит <...> А он шевелится, всё*» [Зиновьев 1987, с. 49].

Все вышеперечисленные признаки отражены в данных примерах. Так, перед нами отнюдь не логичное повествование о неких существах, внезапно встретившихся на пути рассказчиков, уверенных в истинности своей истории. Во всех трёх примерах наблюдается чувственное созерцание действительности, синкретичность мышления рассказчиков. Все они видят, слышат и ощущают духов, испытывают к ним различные чувства (страх, доверие, неприязнь). Присутствует и указание на «своё» и «чужое» пространство: дух-старик (очевидно, домовой) убежал через западню (входное отверстие в подполье, погреб, на чердак [СРНГ, т. 10, с. 297]) в первом примере, леший встретился в лесу – во втором, и водяной сидел в воде – в третьем.

Итак, в нашей работе мы считаем **миф особым типом мышления, когницией, закодированной словом и представленный в структуре лексического значения как коннотативный компонент в ЛЗ номинаций**

мифологических персонажей. Среди основных признаков мифа – **процессуальность, антропоцентричность, перцептивность, синкетичность, цикличность.**

1.3. Лингвокогнитивное понятие мифологического персонажа

Исходя из данного понимания мифа, мы можем дать определение мифологическому персонажу. Это, во-первых, фантастическое существо, герой славянских народных легенд, во-вторых, персонификация страхов и фобий, константа сознания, возникающая в силу невозможности человека объяснить то или иное явление действительности, в-третьих, лексема.

Отметим, что в данном исследовании мы используем термин *персонаж*, так как в нашем понимании миф есть повествование, цепочка событий, а персонаж – постоянный герой этих событий. Данный термин подчёркивает процессуальность мифа.

В русской мифологической лексике существует большое количество наименований, приписываемых одному мифологическому персонажу. Так, в процессе исследования номинаций мифологических персонажей нами было найдено 97 номинаций лешего (*аблáсты́й, лéмбой, анчúтка, залúтчик* и пр.). Подобное разнообразие номинаций имеют также домовые, водяные, черти и т.д.

Существует несколько причин множественности диалектных номинаций мифологических персонажей. Во-первых, мы сталкиваемся с мифологической инверсией – «переносом мифологического наименования на принципиально иного персонажа» [Дынин 2012, с. 97]. Как один мифологический персонаж может иметь различные номинации, так и одна номинация может обозначать различных мифологических персонажей. Например, номинация *большáк* в Казанской губернии обозначала домового, а в Вятской губернии – лешего [СРНГ, т. 3, с. 86]. Подобным образом, *анчúткой* в Орловской губернии называли чёرта, а в Калужской – лешего [СРНГ, т. 1, с. 262].

Большое количество мифологических наименований является «реликтом» архаических представлений о множестве различных духов,

находящихся в мире, окружавшем людей. В.И. Дынин, акцентируя внимание на данном факте, рассматривает мифологическую лексику в аспекте исторической эволюции религиозно-мифологических представлений. По мнению автора, большая часть номинаций является эвфемизмами, связанными с табуированием настоящих названий духов [Дынин 2012].

Во-вторых, причиной множественности номинаций может являться степень освоенности человеком того или иного пространства. Мы можем отметить большее количество номинаций духов дома (*голбёшний, запеченик, овийник* и пр.) по сравнению с другими мифологическими персонажами. Пространство дома и хозяйственных построек, а также территории полей и огородов организована самим человеком. Поэтому иноминаций домового (238) намного больше, чем лешего (97) и особенно водяного (57), которые персонифицируют недостаточно освоенное и опасное пространство леса и водоёмов.

В-третьих, разнообразие номинаций объясняется разветвлённой системой табуирования названий духов. Табу есть языковое явление, характеризующееся наложением запрета на произнесение имён человека, родственника, умершего, вождя, царя, божества. Как правило, их заменяют описательными выражениями [ЛЭС, с. 501]. Так, домовой воспринимался как умерший предок и представитель потустороннего мира. Древние славяне, веря, что произнесение слов равнозначно возникновению существа, не называли духов по имени, чтобы не притянуть к семье несчастья. Отсюда такие номинации домового, как *другая половина, они, сам* и пр.

В-четвёртых, одной из важнейших причин множественности номинаций духов является актуализация во внутренней форме слова доминирующих, согласно мнению народа, признаков или действий мифологического персонажа. В частности, *водяной* мог называться *синеобразным* (цвет воды) или *гадюгой* (зооморфный облик существа в виде змеи), леший же назывался *блудом* (блудит) или *игрунком* (играет).

Итак, миф и мифологический персонаж – взаимосвязанные многоплановые понятия. Миф является выраженным в языковой форме истинным повествованием, константой сознания, в центре которого находится мифологический персонаж, лексема, фантастическое существо, герой славянских народных легенд, персонификация страхов и фобий, константа сознания, возникающая в силу невозможности человека объяснить то или иное явление действительности. Большое количество номинаций мифологических персонажей объясняется мифологической инверсией, степенью освоенности пространства человеком и системой табуирования наименований.

Перейдём к обзору исследований, посвящённых мифологическим персонажам.

1.4. Изучение названий мифологических персонажей в истории лингвистики

В научных трудах мифологические персонажи находятся по большей части в центре историко-этнографических, фольклорно-литературных и мифологико-эзотерических исследований. Известные отечественные этнографы и фольклористы М. М. Забылин [Забылин 1992], Э. В. Померанцева [Померанцева 1975], Н. А. Криничная [Криничная 2004], Т. Г. Голева [Голева 2008] и пр. уделяли внимание этой проблеме.

Что касается исследований мифологических персонажей с точки зрения лингвистики, количество работ, представляющих собой комплексный анализ диалектных номинаций, значительно меньше.

Большой вклад в данной области внесли представители русской мифологической школы А. Н. Афанасьев и А. А. Потебня. А. Н. Афанасьев провёл обширное мифологическое, этнографическое и лингвистическое исследование персонажей, относящихся к нечистой силе. Учёный описывал *домового* [Афанасьев 1850], *ведунá* и *вéдьму* [Афанасьев 1851], зооморфных славянских божеств [Афанасьев 1852], обращался к этимологическому анализу

наименований мифологических существ и понятий, связанных с ними (*очаг, изба, хоромы* и пр.), к их фольклорному анализу.

Помимо этого, А.Н. Афанасьев рассмотрел символическое значение персонажей нечистой силы (*домово́й, лéший* и пр.) и привёл их этнографическое описание [Афанасьев 1865-1869], что, безусловно, значимо для нашего диссертационного исследования.

А. А. Потебне принадлежит большое количество научных работ, в которых раскрываются вопросы как языкоznания, так и литературоведения, фольклористики, поэтики. Он описывал различные обряды и поверья [Потебня 1865; Потебня 1867], анализировал народные песни [Потебня 1883-1887]. Особое внимание учёный уделил *Бáбе-Ягé*, сравнивая её с персонажами немецкого фольклора, а также славянским словам *счастье, доля, горе* и *судьба*, проведя их этимологический анализ и рассмотрев их образы в фольклоре, где они представлены в виде персонажей [Потебня 1867]. Исследования А. Н. Афанасьева и А. А. Потебни имеют большую ценность, так как именно эти авторы связали понятия «миф», «символ» и «внутренняя форма слова».

Представителями Московско-тартуской семиотической школы являются В. Н. Топоров и В. В. Иванов. В.Н. Топоров посвятил множество своих работ исследованию этимологии и семантики слов в индоевропейских языках, пытаясь определить мотивацию обозначения исследуемых слов [Топоров 2005]. Он проводил реконструкцию мифорелигиозных систем славянских, балтийских и прочих народов и изучал связь древнейших типов текстов с ритуалом [Топоров 1995], анализировал основные символы и категории мифоэпостики [Топоров 1994], исследовал фольклорные жанры [Иванов, Топоров 1974].

В. Н. Топоров в соавторстве с В. В. Ивановым реконструировали этимологию ряда слов, сопоставив фольклорные славянские и балтийские тексты. Авторы восстановили древнейшие типы текстов, в которых воспроизводятся конкретные черты древнеславянской культуры [Иванов, Топоров 1974]. В центр их пристального внимания попали такие мифические персонажи, как *Авсéнь, волосы́ни, див, додóля, домово́й, дунáй, кúкер, суд (усýд)*,

ярила, инородец; божества *Велес, Перун, Дажьбог, Сварог, Стрибог, Хорс*; а также герои русских сказок *Иван Царевич, Иван-дурак, Волхв, Садко, Змей Горыныч* и богатыри *Алёша Попович, Горыня, Дубыня, Усыня, Вечёрка, Зорька, Полунόчка, Святогор* [Иванов, Топоров 2011].

Для нашего исследования особый интерес представляют труды, посвящённые происхождению номинаций мифологических персонажей, их этимологии и символике. Так, В. Н. Топоров, В. В. Иванов обращаются к внутренней форме номинаций *волос* [Иванов, Топоров 1974, с. 44-46], *анчутка* [Топоров 1973, с. 29-44].

Большой вклад в исследование мифологической лексики сделали представители Московской этнолингвистической школы Н. И. Толстой, А. В. Гура, Е. Е. Левкиевская.

Н. И. Толстой занимался сравнительным изучением лексики славянских языков: уделял внимание созданию лексико-семантической реконструкции славянской лексики, проводил лексические и семантические параллели между разными славянскими языками и диалектными зонами, а также изучал мифологическую и обрядовую лексику [Толстой 1997]. Также его труды посвящены описанию символики различных предметов и действий [Толстой 1995]. Особенno значимы для нас работы, связанные санализом демонологической лексики [Толстой 1995]. Подчеркнём также, что именно Н. И. Толстому принадлежит идея создания широко известного этнолингвистического словаря «Славянские древности».

А. В. Гура провёл лингвистический анализ славянских ритуальных форм речи [Гура 1981], свадебной терминологии [Гура 1984], подверг рассмотрению символики наименований животных в славянской народной традиции [Гура 1997], описал их демонологические свойства в мифологических представлениях [Гура 2000]. Используя метод семантической реконструкции, он сделал попытку на материале всех славянских традиций вскрыть символический смысл, лежащий в основе обряда бракосочетания [Гура 2003].

На его работы мы опираемся при описании символического значения мифологических персонажей.

Е. Е. Левкиевская посвятила свою докторскую диссертацию восточнославянскому мифологическому тексту, рассматривая его с точки зрения прагматики, диалектологии и семантики [Левкиевская 2007], что напрямую связано с тематикой нашего исследования. В её работах внимание уделяется поиску прототипа всем известного гоголевского Вия [Левкиевская 2007а] в украинской мифологии, субъектам и объектам мифологизации (вихрь, клад, страх и пр.) [Левкиевская 2014]. Автор провела анализ соотношения имени и функции мифологического персонажа [Левкиевская 2003], определила факторы изменения образа сидящей на ветвях русалки в прологе к поэме А. С. Пушкина [Левкиевская 2020].

Е. Е. Левкиевская, один из авторов словарей «Славянская мифология» и «Славянские древности», в соавторстве с Л. Н. Виноградовой провели обширное исследование текстов, включающих поверья о людях с демоническими свойствами (*вёдьме, колдунé, знáхаре* и пр.) [Виноградова, Левкиевская 2010], о мифологизированных посмертных ипостасях человека (*покойник, душа* и пр.) [Виноградова, Левкиевская 2012] и о мифологизации природных явлений и человеческих состояний [Виноградова, Левкиевская 2016]. Данные исследования будут использованы нами при описании мифологических персонажей.

Независимый взгляд на систематизацию диалектных номинаций мифологических персонажей имеет О. А. Черепанова.

О. А. Черепанова в рамках региональной и исторической лексикологии провела лингвокультурологическое исследование мифологической лексики русского языка и рассмотрела принципы лексикографического описания этой лексики, основываясь на представлениях о номинациях мифологических персонажей (мифологемах) в сознании носителей языка, реализуемых в фольклорных источниках, и актуализируя различные дифференциальные свойства понятия. В центре внимания автора находится низший разряд

демонологической лексики, а именно номинации: *вéдьма, лéший, домово́й, кикýмора, русáлка* и пр. [Черепанова 1983].

В основе данного широкомасштабного исследования, включающего более 700 номинаций, лежит классификация диалектных номинаций персонажей по степени ирреальности, функциям, месту и сфере обитания, формам их проявления, облику, атрибутам и отношению к ним человека. Однако исследование было написано в 1983 году, 38 лет назад. За этот, достаточно долгий период времени вышло большое количество диалектных словарей и других значимых для нас научных работ.

Хань Цзинхуэй систематизировала мифологических персонажей, проанализировав значения и употребления номинаций мифологических персонажей (мифологем), актуальных в современной языковой картине мира и встречающихся в тех или иных художественных произведениях, разговорной речи, публицистике и пр. При этом она выявила на фоне китайского языка национально-культурную специфику мифологем, называющих мифологических персонажей в русской языковой картине мира. В основе классификации номинаций мифологических персонажей данного автора лежит место их обитания и время их появления [Хань Цзинхуэй 2012].

И. И. Русиновав течение долгого времени занимается изучением лексики, действующей в мифологических текстах Пермского края и Русского Севера и охватывающей сферу бытовой магии, знахарства и колдовства, что, несомненно, затрагивается и в нашем исследовании. В частности, И. И. Русинова, М. А. Гранова акцентируют своё внимание на номинациях домового (*домохвóст, избник, старичóк, старíк, маленькая бáбка, сусéдчиха, сусéдушко* и пр.) и лешего (*шайтáн, леши, лéшай, большиúщий дýденька* и пр.), а также на сюжетных мотивах, находящихся в их основе. Исходя из анализа названных лексем, авторы определяют круг мотивов, осуществляемых в наименованиях указанных духов [Русинова, Гранова 2016]. Помимо этого, И. И. Русинова провела идеографический анализ номинаций злых духов, соотносящихся с *колдунóм* на уровне мотивационных отношений, в Пермском

крае. Автор привела различные наименования колдуна (*враг, икóта, икóтка, пóрча, чёрт* и пр.) [Русинова 2014]. Учёный также рассмотрела номинации *колдунá* и *знáхаря*, отражающие северорусские мифологические представления, на материале диалектных словарей Пермского края. Автор провела связь между номинациями и существительными, глаголами со значением речи (*заговóрица, шептárь, бормотúшка* и пр.) [Русинова 2011]. В поле зрения данного исследователя попали также номинации *бúсенки* и *кулешиáта* [Русинова 2014], *вещи́ца* [Черных, Русинова, Шкураток 2016], помощники *колдунá* (*бéси, чёртики, медуницы, жу́чки, кúтьки* и пр.) [Русинова 2014a].

С. А. Толстик описывает номинацию *бука́тый*, произведя историко-этимологический анализ в его семантической структуре параметрического значения внешности ('толстый') [Толстик 2016]. Подчеркнём, что этот корень особенно часто встречается в диалектных номинациях домового.

Особое значение для нас имеют исследования представителя Уральской ономастической школы Е. Л. Березович.

Е. Л. Березович, рассматривая концептуальные поля «человек» и «пространство», большое внимание уделяет мифологическому пространству. Автор предлагает исследовать три типа реалий, связанных с наименованиями мифологических персонажей внутренней формой: типовая (*лес, лешák, горный* и пр.), единичная (*чу́дница, патróниха* и пр.) и абстрактная (*вольнóй*). Более того, Е. Л. Березович считает, что во внутренней форме некоторых географических терминов содержится указание на мифологического персонажа или на что-либо связанное с ним, к примеру, *черторóй* 'овраг, рытвина от воды' [Березович 2007, с. 180-235]. Не осталась без внимания и демонологическая фразеология с пространственным значением: *у лéшего* 'неизвестно где', *с чёрта у тóрка* 'неизвестно откуда'. Подчёркивается и указание на мифологического персонажа в семантике пространственных обозначений: *óмут* 'нечистое место, топит или водит', *закréтье* 'заколдованное место' [Березович 2007, с. 157-162].

Кроме того, Е. Л. Березович, желая показать специфику топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа, описывает такие номинации, как *бес*, *бúка*, *дъя́вол*, *кикíмора*, *лéший*, *лешачíха*, *óборотень*, *обмéн*, *русáлка*, *сатана́*, *скоморóх*, *упýрь*, *чёрт*, *шайтáн* [Березович 1998, с. 180-192]. Помимо этого, автор уделяет внимание номинации *кулéши* и близким в формально-смысловом отношении диалектным словам русского языка, которые обладают следующими значениями: персонажи низшей демонологии (*кулешáта*, *кулиши́й*, *кулеши́мéнец*, *кулеши́мéнчик*, *кулá*, *кулёма*) и названия членов ритуальных бесчинств, облачавшихся в демонов (*гуля́ши*, *ку́лес*, *кулéс*, *кулесéнок*, *ку́леш*, *кулéши*) [Березович 2017].

Одним из наиболее значимых исследований Е. Л. Березович в соавторстве с О. Д. Суриковой является статья, посвящённая лингвистическому анализу наименований нечистой силы [Березович, Сурикова 2020], встречаемых в русских проклятиях. Авторы представляют различные номинации нечистой силы, определяют их идеографический состав, выделяют способы их наименования и разделяют их на разряды: чёрт (*сатана́*, *антíхрист*, *дéмон*, *анчибíл* и др.), леший (*лéмор*, *лéмех*, *лéман*, *лáмба* и пр.), другие природные духи-хозяева (*горнóй*, *вíхорь*, *водянóй* и пр.), домашние и дворовые духи (*дурнóй*, *хлéвник*, *жма*, *пóкиша* и пр.), другие демоны (*обмéн*, *мáры*).

Н. И. Зубов провёл этимологическое исследование, анализируя теоним *мóкошь* и связывая его происхождение с существованием религиозной номенклатуры. По мнению автора, в основе номинации заложено водное начало, реализующее представления о жизни и смерти. Исследователь приходит к выводу, что слово *мóкошь* имеет праславянское происхождение, но при этом не отрицает возможной связи с иранскими верованиями [Зубов 1981]. Принципы анализа, использованные автором, будут задействованы в нашей работе.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что мифологические персонажи находятся на пересечении фольклорного, идео-

иэтнографического, лингвокультурологического, лингвистического, историко-этимологического, прагматического исследований, осуществлявшихся в рамках Русской мифологической (А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев), Московско-таруской (В. Н. Топоров, В. В. Иванов, А. В. Гура, Е. Е. Левкиевская), и Уральской ономастической школ (Е. Л. Березович), а также описанных в работах таких учёных, как Н. И. убов, О. А. Черепанова, Хань Цзихуэй, И. И. Русинова, С. А. Толстик. Тем не менее, исследований, посвящённых систематизации и классификации диалектных названий мифологических персонажей, крайне мало. Не нашли мы и классификации, где в качестве критерия взята внутренняя форма слова. В нашей работе мы будем опираться на труды О. А. Черепановой, Е. Л. Березович и Хань Цзинхуэй. Количество работ, авторы которых анализируют отдельные номинации (В. Н. Топоров, И. И. Русинова, Н. И. Зубов, С. А. Толстик), значительно больше. Их точки зрения также будут учитываться в нашем исследовании.

1.5. Понятие мифологема

О мифологеме современная лингвистика имеет двойственное представление. Одни исследователи понимают её как концепт [Быкова, Ракитина 1999, с. 139; Матвиенко 2010, с. 6]. Другие указывает на неё как на наименование, не имеющее денотата [Питина 2002, с. 35] и причисляют мифологему к единицам лексической системы [Черепанова 1983; Абыяккая 2004 и пр.].

А. П. Бабушкин полагает, что понятия, являющиеся фактами воображения (мифологемы), не имеют денотат, содержат нулевой объём. Притом, воображение понимается как деятельность сознания и её результат, выражающийся в создании образов, которые не имеют соответствующего оригинала в реальной действительности [Бабушкин 1997, с. 44].

О. А. Черепанова понимает под мифологемой «слова, служащие обозначением мифологических понятий, и среди них интересующие нас наименования мифологических персонажей» [Черепанова 1983, с. 24].

В отличие от О. А. Черепановой, В. А. Маслова понимает мифологему ещё шире: это не только мифологические понятия, в том числе персонажи, но и конкретные ситуации, переходящие из мифа в миф. По мнению В. А. Масловой, мифологема есть совокупность представлений, объединённых с конкретным сценарием, причем большинство из них направлено на ведущих персонажей и ситуации, передающиеся из одного мифа в другой. Мифологемой является также и «главный герой» мифа [Маслова 2001, с. 30]. Мифологемы образуют мир в человеческом сознании и позволяют описать многие черты национального образа мышления [Маслова 1988, с. 38]. Таким образом, подчёркивается культурная и ментальная значимости номинаций мифологических персонажей.

Хань Цзинхуэй в своём диссертационном исследовании представила узкое понятие мифологемы, обозначая её как «слово особого мифологического содержания, служащее наименованием персонажа и являющееся результатом деятельности мифологического мышления по структурированию мира» [Хань Цзинхуэй 2012, с. 9].

Аналогичную точку зрения о данном понятии имеет В. И. Дынин, раскрывающий причины множественности номинаций мифологических персонажей, или мифологем [Дынин 2012, с. 96-110]. Более подробно его работа была описана ранее.

О. И. Быкова, О. Н. Ракитина считают мифологему культурным концептом, с помощью которого конкретная лингвокультурная общность интерпретирует действительность [Быкова, Ракитина 1999, с. 133-140].

С. А. Питина, с одной стороны, называет мифологему культурным концептом, а с другой стороны, именем, не имеющим денотата. По её мнению, мифологемы воспроизводят национально-культурную специфику в отдельной мифологической концептосфере денотата [Питина 2002, с.5-18].

В нашей работе под мифологемой мы будем понимать **слово (Х. Цзинхуэй), называющее главного героя мифа (В. А. Маслова) и отражающее национальное мифологическое мышление народа и,**

следовательно, имеющее культурную ценность. Среди найденных нами номинаций мифологических персонажей мы выделили несколько их типов:

- 1) номинации с первичным номинативным значением «мифологический персонаж»: *подполыник*, *бáенник* и пр.
- 2) номинации, включающие имена собственные: *Ванюшка*, *Соломия-бáбушка*, *Ивáн чародéй*, *Камышáнов* и пр.
- 3) номинации с вторичным переносным значением: *сусéдка*, *бáйстрюк*, *мéльник* и пр.
- 4) номинации с семой «мифологический персонаж» в фоновом ореоле как символическое значение: *дед*, *тень*, *куráнко* и пр. Под фоновым ореолом мы понимаем непонятийные семы, являющиеся частью семантики слова и передающие представления и знания о явлении или предмете [Черемисина 1991, с. 38-39].

2. ДЕНОТАТИВНО-ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ

Компонентный состав лексического значения – один из дискуссионных вопросов современной лингвистики [Комлев 2003; Девкин 1979; Стернин 1979; с. 37–38; Кобозева 2004, с. 61–62, 92; Васильев 1990 и др.]. Предметом научной дискуссии является как сам набор компонентов ЛЗ, так и статус, внутренняя структура каждого из них. Не исключение и денотативно-понятийный компонент.

Уже в определении денотата мнения учёных разделились: что считать денотатом – конкретный предмет (явление, действие, признак предмета), как реалию действительности или обобщённое представление о нём? Так, например, в ряде источников денотат-реальность и денотат-представление остаются недифференцированными. Например, в словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой денотат – это предмет или явление окружающей нас действительности, с которыми соотносится данная языковая единица [ССЛТ, с. 61].

И. А. Стернин акцентирует внимание на этой двойственности денотата и разделяет «предметную отнесённость» и «денотативную отнесённость».

Первый тип появляется в акте речи и есть конкретный предмет, т.е. референт. Эта отнесённость ситуативная. Второй тип (а именно его учёный называет денотатом) – это «совокупность реальных признаков в их отвлечении от реальных предметов». Это обобщённые эмпирические признаки предмета, и их мы можем представить «не глядя». Эта отнесённость системная [Стернин 1979, с. 35].

Разграничение референта и денотата восходит к работам Г. Фреге [Frege 1974] и Г. В. Колшанского, который считал, что денотат «фиксируется в сознании в логической форме и закрепляется в той или иной конкретной языковой единице» [Колшанский 1976, с. 13–14]. И. В. Арнольд также разделяет информацию ЛЗ на системную и актуальную, относящуюся к конкретному коммуникативному акту, а денотат относит к первой группе [Арнольд 1973, с. 105–106]. И. М. Кобозева выделяет два вида денотата – актуальный (референт) и виртуальный, передающий информацию о классе объектов, которые могут одинаково именоваться [Кобозева 2004, с. 61–62, 92]. Аналогичная точка зрения у А. А. Уфимцевой [Уфимцева 1974, с. 43]. Ю. П. Солодуб также писал о двойственности денотата: он может обозначать и конкретный предмет действительности и целый класс предметов. Однако акцент учёный делает всё же на идеальной сущности денотата [Солодуб, Альбрехт 2003, с. 51].

Таким образом, большинство лингвистов указывают на сложную природу денотата: денотат как референт и денотат как обобщённое представление о классе предметов. Эта двойственность инициирует дискуссию о статусе денотата в мифологемах. Ряд исследователей считает, что мифологемы имеют так называемый нулевой денотат [БЭС, с. 129; см. также о «лексических фантомах» Норман 1994, с. 54].

Однако большинство учёных склоняются к тому, что у мифологем также есть денотат: нулевым его можно считать как денотат-референт – явление pragmatики. Однако если же денотат имеет идеальную сущность и является представлением, пусть и вымышленным, то такой денотат нельзя назвать нулевым. Так, Н. Г. Комлев называет такие денотаты «конструктами»,

поскольку они сформированы в сознании говорящего из отдельных эмпирических признаков [Комлев 1969]. Согласно точке зрения Л. М. Кобозевой, А. А. Уфимцевой, Л. М. Васильева, денотат мифологем является вымышленным, виртуальным как совокупность эмпирических представлений носителя языка [Васильев 1990; Кобозева 2004; Уфимцева 1974, с. 43].

Мы разделяем точку зрения ряда диалектологов, считающих денотат мифологем вымышленным, виртуальным. Кроме того, в контексте данного исследования нам важна мысль о когнитивной природе денотата как результате дологического, а точнее мифологического мышления [Кошарная 2003, с. 47–49; см. также Кириллова 2010, с. 74]. О. Г. Черепанова в своей диссертации о мифологической лексике уточняет, что такой денотат отличается от денотата абстрактных слов, поскольку в нём очень много эмпирических признаков, появившихся вследствие прозопопеи – одушевления и персонификации чего-то отвлечённого (лихорадка как домовой женского пола *гнетея*). Одушевление и персонификация, как выше уже отмечалось, являются основными признаками мифологического мышления. Таким образом, согласно О. А. Черепановой, специфика денотата мифологических существ заключается в том, что он, являясь результатом олицетворения и персонификации, состоит из эмпирических признаков [Черепанова 1983, с. 102-109]. Эта же мысль у И. В. Кононовой: образные мифические объекты, несуществующие в реальном мире, имеют более явственную «конкретность» для сознания по сравнению с существующими в действительности, хоть и неосозаемыми явлениями [Кононова 2005, с. 205].

Итак, денотат диалектных номинаций мифологических персонажей назвать нулевым можно лишь в том случае, если иметь в виду факт отсутствия такого референта (существа, предмета) в реальной действительности (БЭС, Б. Ю. Норман). Денотат мифологической лексики порождён народной фантазией и представляет собой совокупность эмпирических признаков, часто являющихся результатом олицетворения и персонификации – главных маркеров мифологического мышления (Л.

М. Васильев, И. М. Кобозева, А. А. Уфимцева, С. А. Кошарная, И. В. Кононова, О. А. Черепанова).

Среди ряда специфических особенностей ЛЗ мифологем О. А. Черепанова отмечает «гипертрофированную по сравнению с прочими типами словесных знаков роль образа в формировании понятия» [Черепанова 1983, с. 109]. В дологическую эпоху язычества мифологическое мышление доминировало, и в реальности существования домового, лешего и водяного не сомневались.

В настоящее время информация о мифологических персонажах, являющихся частью русской культуры, стремительно исчезает именно потому, что поменялось доминирующее мышление: сейчас в приоритете рациональная логика, а также клиповое мышление. Поэтому понятийный компонент мифологем крайне скучен. Под понятийным компонентом мы понимаем предметнологическое значение слово, входящее в первую часть информации, называющее понятия и соотносящееся через понятие с действительностью, составляющей предмет сообщения [Стернин 1979, с. 70].

С целью наглядно доказать факт утраты сведений о мифологических персонажах мы обратились к толковым и ассоциативным словарям. ЛЗ слова, как правило, отражено в толковых словарях, а ассоциативные словари определяют «круг понятий, наиболее важный для современного русского языкового сознания, т.е. для образа мира современных русских» [Уфимцева 1996, с. 141]. Следовательно, они отражают актуальные представления о названных персонажах.

Мы систематизировали сведения о понятийном значении лексем *домовой*, *водяной* и *леший*, обратившись к известным толковым и ассоциативным словарям: САР; СРЯ18; МАС, НСРЯ, ТСЖВЯ, словарям Ожегова; Срезневского; Ушакова; ЕВРАС; САС; БАС. Визуальное и количественное соотношения значений данных лексем представлены в таблицах 1, 2 и на рисунках 1, 2, 3.

Слово *домовой* имеет два значения:

1) ‘Относящийся к дому’. Первичное значение в СРЯ18 [СРЯ18, т. 3, с. 260-262] и в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 767]. В САР данная лексема используется только в словосочетании «домовой припас» [САР, т. 2, с. 727].

2) ‘Добрый или злой дух, живущий в доме’. Первичное значение в СРЯ18 [СРЯ18, с. 260-262] (наряду с предыдущим), «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 415] и МАС [МАС, т. 1, с. 427]. Вторичное – в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 767]. В словарях «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой является единственным [Ожегов, с. 169; НСРЯ, т. 1, с. 400].

К слову *домовой* в САС отмечено единственное ассоциативное слово – ‘дом’ [САС, с. 284], а в ЕВРАС – ‘дом’, ‘деловой’, ‘ленивый’, ‘угол’, ‘хозяин’ [ЕВРАС, т. 2, с. 174].

Слово *леший* имеет три значения:

1) ‘Сказочное существо, живущее в лесу’. Первичное значение в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 774], БАС [БАС, т. 6, с. 202], «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 2, с. 54], МАС [МАС, т. 2, с. 180]. Вторичное – в СРЯ18 [СРЯ18, т. 11, с. 166-167]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов, с. 314] является единственным.

2) ‘Лесной’. Первичное значение в СРЯ18 [СРЯ18, т. 11, с. 166-167] в первичном значении. Вторичное – в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 2, с. 875].

3) ‘Бранное слово’. Вторичное значение в СРЯ18 [СРЯ18, т. 11, с. 166-167], в «Толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 774] и «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 2, с. 54], а также в МАС [МАС, т. 2, с. 180] и БАС [БАС, т. 6, с. 202].

К слову *леший* в САС ассоциативные слова отсутствуют, а в ЕВРАС – ‘болото’, ‘люди’, ‘тайга’ [ЕВРАС, т. 2, с. 306].

Слово *водяной* имеет значения:

- 1) ‘Прилагательное к слову вода’. Первичное значение в БАС (с пометой *прил.*) [БАС, т. 2, с. 521-522], МАС [МАС, т. 1, с. 195], САР [САР, т. 1, с. 801], СРЯ18 [СРЯ18, т. 3, с. 261-262], «Толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой (с пометой *прил.*) [НСРЯ, т. 1, с. 190], «Словаре древне-русского языка» И. И. Срезневского [Срезневский, т. 1, с. 279], «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 329] и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 194].
- 2) ‘Приводимый в движение водой’. Вторичное значение в БАС [БАС, т. 2, с. 521-522], МАС [МАС, т. 1, с. 195], САР [САР, т. 1, с. 801], СРЯ18 [СРЯ18, т. 3, с. 261-262], «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 190], «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 329].
- 3) ‘Как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий’. Вторичное значение в БАС [БАС, т. 2, с. 521-522], МАС [МАС, т. 1, с. 195] и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 194].
- 4) ‘Хозяин водных вместилищ, обитающий в воде’. Вторичное значение в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой (с пометой *м.*) [НСРЯ, т. 1, с. 190], «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 194]. Единственное в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов, с. 314] и БАС (с пометой *м.*) [БАС, т. 2, с. 521-522].
- 5) ‘Живущий в воде или на воде’. Вторичное значение в «Толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 190] и СРЯ18 [СРЯ18, т. 3, с. 261-262]. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 329] входит в состав первичного.
- 6) ‘Чиновник, хранитель водоёма’. Данное значение встречается только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 194].

7) ‘Бесцветный или слабоокрашенный’. Данное значение является вторичным в БАС [БАС, т. 2, с. 521-522], «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 190].

8) ‘Предназначенный для движения по воде’. Имеется только в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 190].

К слову *водяной* в САС ассоциативные слова отсутствуют, а в ЕВРАС – ‘баня’, ‘бедствие’, ‘болото’ [ЕВРАС, т. 2, с. 96].

Проанализировав данные толковых словарей, мы можем сделать вывод, что слово *домовой* в первую очередь имеет значение ‘духа’, реже ‘чего-либо относящегося к дому’. Слово *леший* также означает ‘ дух’ или ‘бранное слово’ и лишь иногда синонимично прилагательному *лесной*. Самым популярным значением слова *водяной* является прилагательное ‘относящийся к воде’. Немного реже встречается значение ‘хозяин вместилищ’ и ‘приводимый в движение водой’. Менее популярными являются значения ‘живущий в воде или на воде’, ‘составная часть ботанических и зоологических названий’ и ‘бесцветный’. В единичных случаях имеются значения ‘чиновник, хранитель водоёма’ и ‘предназначенный для движения по воде’.

Таблица 1. Значения мифологических персонажей в толковых словарях

Словари/ значения	СРЯ 18	САС	Ожего в	НСРЯ	БАС	ТСЖВ Я	Срезнев ский	Ушак ов	МАС
Домовой									
Относящийся к дому									
Добрый или злой дух, живущий в доме				+					
Леший									
Сказочное существо, живущее в лесу				+					
Лесной									
Бранное слово				+					

Водяной								
Прил. к вода				+			+	
Приводимый в движение водой				+				
Как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий								
Хозяин водных вместилищ, обитающий в воде				+			+	
Живущий в воде или на воде				+				
Чиновник, хранитель водоёма								
Бесцветный или слабоокрашенный				+				
Предназначенный для движения по воде				+				

Рисунок 1. Количественное соотношение значений домового в толковых словарях

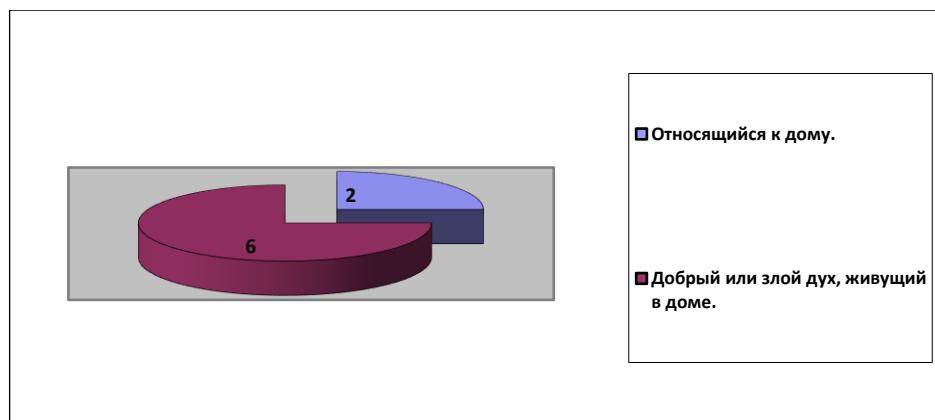

Рисунок 2. Количественное соотношение значений лешего
в толковых словарях

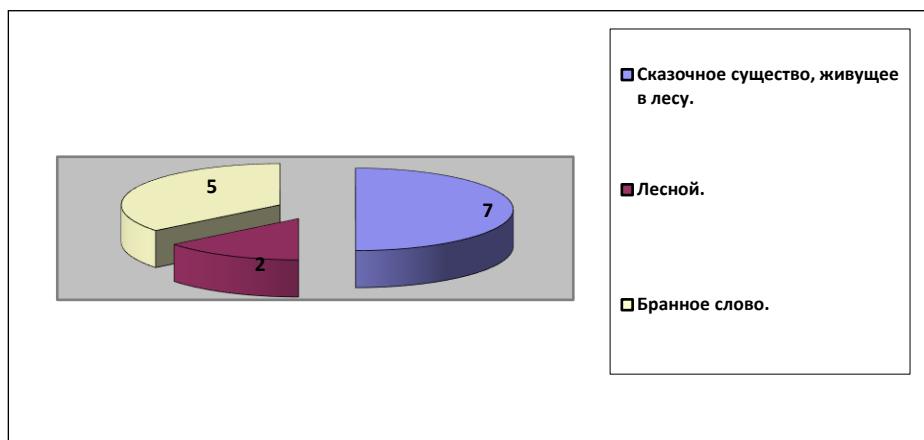

Рисунок 3. Количественное соотношение значений водяного
в толковых словарях

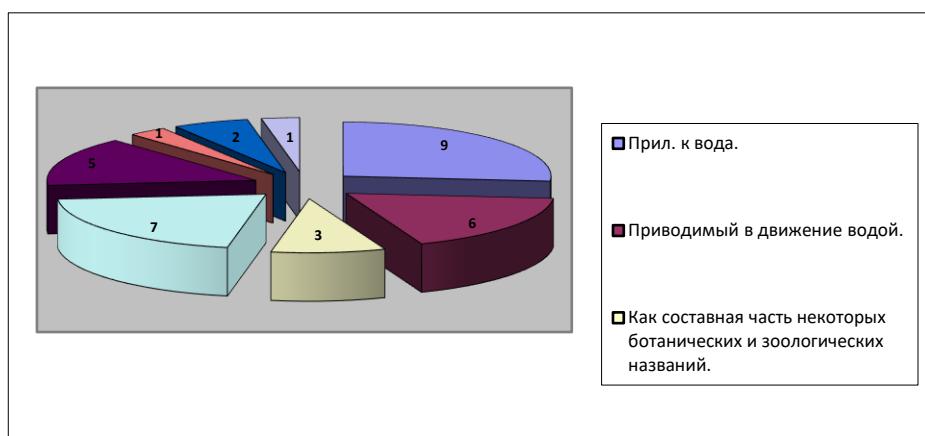

Таблица 2. Значения мифологических персонажей
в ассоциативных словарях

Словари / значения	САС	ЕВРАС
Домовой		
Дом	+	+
Деловой		+
Ленивый		+
Угол		+
Хозяин		+
Леший		
Болото		+
Люди		+
Тайга		+
Водяной		
Баня		+

Бедствие		+
Болото		+

Таким образом, обобщая данные таблиц, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, значение ‘мифологический персонаж’ остаётся актуальным в современном русском языке. Во-вторых, в наиболее известных толковых словарях названия выбранных нами мифологических персонажей имеют и другие значения. В-третьих, в сигнifikативной составляющей ЛЗ данных понятий включена семантика, исходящая из производящего слова, называющего локус персонажа (*домовой* – относящийся к дому, *леший* – относящийся к лесу, *водяной* – относящийся к воде). В-четвёртых, в сигнifikате *домового* даже в современных словарях указана амбивалентность этого мифологического персонажа: он и злой, и добрый дух одновременно. В-пятых, что касается ассоциативных словарей, они также не детализируют значение мифологического персонажа: уточняется лишь локация персонажа (*домового*–угол; *лешего* – болото и тайга; *водяного* – баня и болото). В-шестых, обратим внимание на то, что локус *водяного* и *лешего* в ассоциативном словаре пересекается: оба имеют отношение к болоту. Таким образом, современное представление о домовом, лешем и водяном крайне скучное.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что в толковых и ассоциативных словарях отражена информация лишь о локусах мифологических персонажей и их добром и (или) злом отношении к человеку. Несмотря на значимость перцептивного компонента в сигнifikате номинаций мифологических персонажей, словари не предоставляют данные об их внешности, специфических действиях, функциях. Да и локусы предельно обобщены и не дают нам полное представление о месте «обитания» домового, лешего и водяного. Такая картина говорит о потере национально значимой информации о персонажах русской мифологии и побуждает исследовать другие компоненты ЛЗ в поисках детализирующей семантики.

3. КОННОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ

3.1. Структура коннотативного компонента

Коннотация представляет собой дополнительные семантические и стилистические оттенки, налагающиеся на основное значение и передающие эмоционально-экспрессивную окраску [ССЛТ, с. 111]. Как и денотативный, коннотативный компонент относится к макрокомпонентам ЛЗ. Он не однороден и в свою очередь включает более мелкие микрокомпоненты (или семы) [Стернин 1979, с. 34], количество которых является предметом не теряющей актуальность научной дискуссии. Существует несколько направлений, изучающих коннотацию: семиотическое направление [Барт 1975], психолингвистическое направление [Леонтьев 1971], собственно лингвистическое направление, включающее стилистический [Шмелев 1973], прагматический [Стернин 1985], лексикологический [Телия 1986], лингвокультурологический [Апресян 1995, Маслова 1988, Алефиренко 2006] аспекты.

Несмотря на разное количество микрокомпонентов коннотации, большинство учёных выделяют так называемый традиционный состав сем:

- 1) оценочный [Арнольд 1970, Стернин 1979, Комиссаров 2002, Новиков 2001 и др.];
- 2) эмоциональный [Арнольд 1970, Стернин 1979, Комиссаров 2002, Телия 1986, Филиппов 1978, Шмелев 1973, Галкина-Федорук 1985 и др.];
- 3) стилистический [Арнольд 1970, Шмелёв 1973, Стернин 1979, Комиссаров 2002 и др.];
- 4) экспрессивно-образный [Арнольд 1970, Балли 1961, Харченко 1976 и др.].

Оценочный компонент есть базовая часть прагматического (эмотивного) значения слова. Л. А. Новиков считал его зафиксированным в языковой практике отношением говорящих к используемым знакам и соответствующим влиянием знаков на людей. По его мнению, в семантическую структуру оценочных слов входит денотативное значение, показывающее

объективную действительность, предмет и понятие, а также прагматическое значение, или коннотация, выступающее в роли языкового выражения оценки. Так, прагматическое и денотативное значения образуют лексическое значение оценочных слов [Новиков 2001, с. 459].

Эмоциональный компонент, как полагает В. Н. Телия, выполняет иллокутивную функцию, т.е. побуждает испытывать «чувство-отношение» и представляет собой реализацию конкретного иллокутивного намерения, достигая перлокутивного эффекта. Благодаря таким свойствам В. Н. Телия разделяет психологическую оценку, связанную с эмоциональной сферой, на два типа: описание чувств и побуждение чувства-отношения. Автор приводит два примера: *Он – предатель, а я презираю предателей / Он – иуда, а я презираю иуд*. На первый взгляд, предложения идентичны. Однако в первом случае речь идёт об изменнике, а во втором – об изменнике, похожем на Иуду, что вызывает дополнительную эмоциональную окраску [Телия 1986, с. 61].

Стилистический компонент. Д. Н. Шмелёв называет экспрессивно-стилистическую окраску информацией, указывающей на отношение говорящего называемым данными словами явлениям, предупреждающей об условиях речевого общения, описывающего говорящего с разных сторон [Шмелёв 1973, с. 249]. Мы полагаем, что стилистический компонент коннотации выполняет прагматическую функцию, т.е. устанавливается отношение говорящего к предмету речи. И. А. Стернин анализирует «коннотативный семантический компонент», отмечая, что данный компонент отражает отношение адресата к предмету в виде оценки и эмоций [Стернин 1985, с. 45].

Экспрессивный компонент. Е. М. Галкина-Федорук определяет экспрессию как «усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного. И всё, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией» [Галкина-Федорук 1958, с. 107]. В роли экспрессивного средства выступают семантические взаимодействия корневой морфемы с суффиксом. Они

выражают какое-либо отношение к лицу: уменьшительно-ласкательное, пренебрежительное и пр.

Говоря об экспрессивности в слове, стоит отметить и фонетическую организацию, или звуковой образ слова. К примеру, номинация *léсик*, образованная с помощью мягкого бокового сонанта [л'] и шумных глухих с', к, соединённых гласными переднего ряда (э, и), дополняет своё уменьшительно-ласкательное значение.

Экспрессивно-стилистические синонимы, как правило, создают широкий диапазон номинаций с положительной оценкой: *домовóй*, *домовéдушико*, *домóвушико*, *домовíтушико* и пр.

Образный компонент. Образность возникает вследствие взаимообусловленности образно мотивирующего и образно мотивируемого значений [Балли 1961, с. 228].

В. К. Харченко, рассматривая образность как элемент коннотации наряду с экспрессивностью, оценочностью и эмоциональностью, называет её способом представления значения слова. Он выделяет два признака образности: зрительность и сравнительную недолговечность, т.к. со временем слова могут приобретать различную образность на основе метафорического оценочного значения [Харченко 1976, с. 66-68]. Слова могут быть оценочными, но не образными (номинация *милáк*) или образными, но не оценочными (номинация *лéший*), а могут совмещать в себе образность и оценочность: *жировíк*, *гробóвка*. Так или иначе, образность присутствует в большинстве номинаций мифологических персонажей, так как сами по себе мифологические персонажи выдуманы народом в целях объяснения определённых жизненных ситуаций, а значит, в каждом из них заложена определённая метафоричность, т.е. образность.

Однако мы считаем, что в связи с ослабленной гипертрофированной эмпиричностью номинаций мифологем [Черепанова 1983, с. 109] **наша задача – реконструкция семантики образа национальных мифологических персонажей, в частности, деталями внешнего облика и уникальных**

действий – может быть выполнена только при расширенном понимании микрокомпонентного состава коннотации мифологемы и включении в неё мотивационных сем внутренней формы слова, сем символического значения, сем гендерных стереотипов, а также сем, источником которых являются факты зоологии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов.

Впервые о национальной специфике коннотаций в русской лингвистике писал Л. В. Щерба [Щерба 1958, с. 86], положив начало лингвокультурологическому направлению в структурировании коннотации. За основу берётся положение о том, что коннотация отражает культурные традиции, национальные представления о мире, которые Ю. Д. Апресян называет «семантическими ассоциациями» [Апресян 1995, с. 67]. В концепции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова носителями такого рода информации являются непонятийные, фоновые, семы, которые в совокупности формируют лексический фон [Верещагин, Костомаров 1980].

Традиция рассмотрения коннотации как мотивационных сем внутренней формы и инициируемых ими символических смыслов восходит к учению А. А. Потебни. В. Н. Телия называет «культурной коннотацией» (термин В. Н. Телия) образно-мотивированный аспект в категории культуры – внутреннюю форму слова [Телия 1986, с. 5]. В. А. Маслова к культурной коннотации относит не только внутреннюю форму слова, но и «компоненты с символическим прочтением» [Маслова 2001, с. 42]. Вслед за Ю. Д. Апресяном Н. Ф. Алефиренко считает, что к культурной коннотации следует относить «образную структуру» внутренней формы, «этимологическую память слова». Особое внимание автор акцентирует на «внеязыковой (пресубпозиционной) природе культурных коннотаций» [Алефиренко 2010, с. 209]. Н. Г. Комлев также подчёркивает, что «созначения» можно считать символическим компонентом семантики слова, являющимся центральным компонентом коннотации и относящимся и к языковому, и к речевому уровням языка [Комлев 2003, с. 116-119]. Р. Г. Давлетбаева и З. Д. Ханова акцентируют своё

внимание на национальной специфике в коннотативной лексике и считают её лингвокультурологической категорией, эмоциальнопрессивными, метафорическими, символическими, мифологическими компонентами [Давлетбаева, Ханова 2012, с. 340-343].

В отечественном языкоznании возникла традиция относить к коннотации не только национально ориентированные, но и социальные, а также гендерные семы. Так, К. А. Долинин включает в коннотацию стилистическую окраску, отражающую социальную дифференциацию общества [Долинин 1987].

Г. И. Берестнев выделяет в коннотации pragматический микрокомпонент, куда относит характеристиками, стереотипами, которые определились в данной культурно-исторической обстановке [Берестнев 2002].

Наиболее полно этот компонент коннотации разработан Г. В. Говердовским, который в структуру стилистического значения (коннотации) включает социально-жанровый компонент, в состав которого входят разные типы окрасок: ситуативно-психологические (ирония, эвфемистичность, усиление и пр.), социально-лингвистические (жаргонность, разговорность, книжность), собственно языковые (иноязычность, архаичность, терминологичность), локальные (диалектность), окраска принадлежности трём стилям (возвышенное, сниженное и т.д.), окраска, показывающая принадлежность к определённому классу речевых жанров (разговорное, официально-деловое, научное и т.д.) и, наконец, что особенно важно подчеркнуть, окраска, связанная с биологическими признаками носителя (пол, возраст и т.д.) [Говердовский 1989].

Е. М. Сторожева предлагает делить все компоненты коннотации на внутриязыковые и внешнеязыковые. К первым относятся те компоненты, которые соответствуют восприятию слова с учётом исторического развития языковой системы. Они, в свою очередь, делятся на диахронические (прослеживают изменения в слове, произошедшие в течение какого-либо времени) и мотивационные (дополняют значение языковой единицы ассоциативно-образным представлением с помощью внутренней формы слова).

Вторую группу составляют внешнеязыковые компоненты коннотации. Главную роль здесь играют эксталингвистические факторы, включающие в том числе и социальную среду [Сторожева 2007, с. 115].

Таким образом, идея учитывать в коннотативном компоненте социальное и гендерное поведение, а также локальную (областную) специфику слова активно обсуждается в лингвистической науке. **Мы полагаем, что к культурной коннотации следует отнести ряд сем, источником которых являются:**

1) национальные гендерные стереотипы – культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов, отражение гендерной стереотипизации на всех уровнях языка, а также её тесную связь с формами выражения оценки в языке [СГТ, с. 98; Маркина 2019, с. 246];

2) факты зоологии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов. Их роль в раскрытии внутренней формы диалектизмов, возникших в определённых районах России, иногда имеет решающее значение. Уникальность ряда мифологем (см. параграф 3.4.2.4) заключается в том, что в их внутренней форме особенно отчётливо «звучит» голос природы той местности, где эти слова были зафиксированы. А значит, национально-культурная и когнитивная составляющая слова материализуется в образах конкретного животного, ландшафта или водоёма России. Об этом см. в статье [Якушевич, Ивашинина 2020, с. 181-186].

Итак, учитывая значимость для нашего исследования лингвокогнитивной концепции мифологического персонажа и скудность информации в понятийном толковании исследуемых номинаций, мы разделяем точку зрения ряда учёных о расширенном составе микрокомпонентов коннотации ЛЗ и включаем семы национальных гендерных стереотипов, а также семы, отражающие этнографические, зоо- и этологические факторы, данные географии ландшафта и гидрообъектов. Таким образом, помимо традиционных микрокомпонентов в состав коннотации мифологемы входит:

- 1) внутренняя форма слова (В. Н. Телия, Ю. Д. Апресян, Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова);
- 2) символическое значение слова (В. А. Маслова, Н. Г. Комлев, Р. Г. Давлетбаева, З. Д. Ханова);
- 3) социальные семы, полученные в результате индивидуальной или групповой дифференциации общества, в том числе и гендерные (Е. М. Сторожева, Г. В. Говердовский);
- 4) этнографические, зоо- и этологические факторы, а также данные географии ландшафта и гидрообъектов.

3.2. Источники коннотации диалектного слова

3.2.1. Оценочная корневая морфема

Корневым называется морф, который имеется во всех словоформах и содержит в себе базовый элемент ЛЗ [CCA, с. 14]. Среди номинаций мифологических персонажей мы выделили номинации, в корневой морфеме которых включена положительная (*родимец*, *лásка*, *доброхóт*, *лад* и др.) и отрицательная (*вóрог*, *негóдный*, *ляд* и др.) оценки.

По суеверным представлениям, леший незаметно проникал в дом и, подобно домовому, следил за тем, чтобы люди жили ладом [Калашников 2014, с. 104]. Вероятно, так возникла номинация – *лад* ('домовой'). Слово *лад* считается однокоренным с *лágодой* в значении 'мир, лад, порядок' [ЭСРЯ1, с.231]. Пример: *Лад тя возьми. Где у ладов!* [СРНГ, т. 16, с. 227].

Положительная оценка в номинации *норовоюшко* [СВГ, т. 5, с. 112] отмечена не только ласкательным суффиксом *-юшк-*, но и тем, что произошла от *норовить* 'угождать' [Фасмер, т. 3, с. 84]: *Норовоюшко дома живёт, ребята видели его* [СВГ, т. 5, с. 112].

Номинации по прилагательным *родимый* – *родимец* (Орл., Калуж., Новосиб.) [СРНГ, т. 35, с. 133] и *милый* – *милák* (Курск.) [СРНГ, т. 18, с. 159] – подчёркивают уважительное отношение домочадцев к их духу-покровителю. Отметим, что производящее прилагательное *родимый* указывает и на связь мифологического персонажа с родом. Как уже было сказано ранее, домовой

считался предком-родоначальником. Пример: *Приедут, как родимцы, волосы накрашены, вот так юбашки* [СРНГ, т. 35, с. 133].

Мифологический персонаж *гробóвка* (*Волог.*) [СГРС, т. 3, с. 136] обитает в воде и топит других: *Утонет девка кака – станет гробовкой, сама других топит* [СГРС, т. 3, с. 136]. Номинация восходит к праславянскому **grobъ* ‘могила, склеп, гробница’ [ЭССЯ, т. 7, с. 133]. Вероятно, вода становится могилой для тех, кого топит описываемый дух.

Слова *дурнóй* и *лихóй* объединены синонимичными производящими словами – *дурь* и *лихо*. В некоторых оценочных значениях слова *лихо* и *ляд* синонимичны: 1) ‘нечистая сила’, 2) ‘горе-беда’. А ‘болезнь’ есть в трёх номинациях – *дурь*, *лихо* и *ляд*. Отрицательная оценка этих слов сохраняется и в значении ‘домовой’, о чём можно судить из контекстов: *Aх, горя какая! Дурной – от всю лошадь измучал, кости да кожа тольки остались* [СРНГ, т. 8, с. 268] // *Лихой тебя возьми (измучь, избей)!* [СРНГ, т. 17, с. 76] // *Пошёл ты к ляду!* [СРНГ, т. 17, с. 259].

Древнерусский корень -*лих-* ‘злой, дурной, несчастный’ [Фасмер, т. 2, с.505] имеется в диалектизме *лихомáнник* (*Яросл.*) [СРНГ, т. 17, с. 80]. Отметим, что в составе последней номинации выделяется ещё и корень -*ман-* ‘что-либо манящее’ [ЭСРЯ1, с. 255]. Таким образом, леший и делающий, и манящий зло. Пример: *Я слышал, как лихоманник-то кричал около полуночи в ближнем лесу разными голосами* [СРНГ, т. 17, с. 80].

Диалектные номинации домового, лешего и водяного, в корневых морфемах которых отображена положительная и отрицательная оценки, систематизированы в Таблице 3.

Таблица 3. Оценочные корневые морфемы

в номинациях домового, лешего и водяного

Оценка	Домовой	Леший	Водяной
Положите льная	<i>Доможíл, доможíрко, доброхóд ушко, доброхóт, жировíк, жирóвый, жýтель,</i>	<i>Вольный, лад, прáведный, сесíльный</i>	<i>Жýтель</i>

	<i>жі́харь, жихарёк, жихори́чка, жихарíха, жі́хоръко, жихорюшко, ма́тица- доброхóтица, милáк, норовоюшко, родýмец</i>		
Отрицател ьная	<i>Страхила́т, дурно́й, страхила́тка, ляд, лихо́й, черта́н, анчúтка, марда́с, навно́й, упýрь, кикýмора, кику́мора, еретни́к, кикýморка, мару́шка, ма́ра, шилику́н, коловёрши, лéмбой, шайтáн, Ваню́шка, нечисть банная</i>	<i>Анчúтка, вóрог, враг, дикий, диконький, Ива́н чародéй, лéман, лéмбой, лéмор, лихомáнник, неведом ый, негóдный, некреищёный, проклянённый, проклятый, сата́ла, сатана́</i>	<i>Албáста, анци́бал, анчúтка, воро́гуша, гадио́га, гробóвка, кондрáшка, кривохвóстик, кромéшники, куля́ши, ма́вка, ма́ртушка, проклянённый, проклятый, русáлка, руслáнка, свя́тка, чертáшка, шелю́кин, шуликин</i>

Номинации *домового* имеют и положительную (17 ном.), и отрицательную (22 ном.) оценки практически в равной степени, тогда как вноминациях *лешего* отрицательная оценка значительно преобладает: 4 положительных ном. и 17 отрицательных ном. Номинация *водяного* с положительной оценочностью обнаружилась в единичном случае.

3.2.2. Экспрессивные деминутивы

Исследователи выделяют словообразовательные форматы как источники коннотации в слове. Е. А. Земская включает сюда все словообразовательные суффиксы, выражающие ту или иную оценку, либо эмоционально характеризующие предмет или явление [Земская 2011, с. 125-128]. На способность словообразовательных суффиксов выражать дополнительные оттенки значения слов указывают такие исследователи, как В. В. Лопатин, Улуханов [CCA, с. 5; Улуханов 2011], Н. А. Бекетова [Бекетова 2014] и др.

С целью систематизации аффиксальных средств в данном исследовании особое значение мы придаём уменьшительно-ласкательным суффиксам, или деминутивам. Под деминутивом мы подразумеваем суффикс, который не меняет лексическое значение и часть речи производящего слова и выражает ласкательность как основное (-ушк(a)-безударный, кровинушка), одно из основных (-чик-, трамвайчик), или побочное значение (-онок-, внучонок) [Фуфаева 2017, с. 19].

Частотное использование деминутивов при наименовании мифологических персонажей обусловлено табуированием: чтобы неразозлить или не обидеть духов, люди ласково обращались к ним. Примером могут служить приговоры: *Дедушко-домовеюшко, вот тебе дар Божий, скотинка. Корми сладко, стели местушко гладко, сам не обижтай и детям не давай* [Мадлевская 2005, с. 201] // *Дворовой батюшка, дворовая матушка со своими малыми детушками, Христос воскресе!* [Мадлевская 2005, с. 202]. Деминутивы применялись и при обряде приношения с целью задобрить духа. Так, в Костроме *овиннику* приносили пироги и петуха, чтобы отблагодарить его за хорошую работу: *Спасибо, хозяинушко-батюшко, что подсобил обмолотиться* [Мадлевская 2005, с. 212].

И.В. Фуфаева выделяет 4 типа деминутивов, в которые входят суффиксы, выражающие не только экспрессию, но и нейтральные деминутивные значения [Фуфаева 2017, с. 61-73]:

1. Уменьшительные / Уменьшительно-экспрессивные. К этой группе относятся суффиксы, придающие как уменьшительность с окраской (номинация лéсик), так и без неё. Среди номинаций мифологических персонажей мы обнаружили суффиксы: -ок/-ек-, -к(a/o)-, -ик-, -чик-: *игрунóк, дíтятко, лéсик, кормíнчик*.

Отметим, что суффикс -ок- имеет сопутствующие значения: отдельный акт действия, способного повторяться неоднократно, названного мотивирующим словом (*кивок*), предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом (*стрелок, объедок*), предмет, сходный с

другим предметом, названным мотивирующим словом, или представляющий собой его разновидность (*язык – язычок*), единичный предмет, принадлежащий к массе вещества или совокупности однородных предметов, названной мотивирующим словом (*мелок*) [CCA, с. 577-593]. Суффикс *-к(о)-* имеет такие значения, помимо ласкательного: животное, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (*воронко*) и неодушевлённый предмет, сделанный из материала, названного мотивирующим словом (*железко*) [CCA, с. 476]. Суффиксу *-ик-* принадлежат также значения: предмет, названный мотивирующим словом (*мультик*), лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом (*романтик*) [CCA, с. 360-362]. Суффикс *-чик-* встречается в стилистически сниженных синонимах (*субъект – субчик*) [CCA, с. 362], а также обозначает предмет или лицо, характеризующиеся действием, названным мотивирующим словом (*лётчик*) [CCA, с. 695].

По нашему мнению, в данную группу также необходимо добавить деминутив *-инк(а)-*, образующий существительное женского рода суменьшительно-ласкательным значением: *домовинка*. Помимо этого, этот деминутив также образует имена существительные женского рода со значением частицы (*росинка*), признака или носителя признака (*слабинка*) и предмета или явления, которые характеризуются признаком, названным мотивирующим именем прилагательным (*первинка*) [НСРЯ, т. 1, с. 591].

2. Уменьшительно-экспрессивные/экспрессивные суффиксы. К этой группе принадлежат суффиксы, которые выражают уменьшительность только с экспрессивной окраской. Это суффиксы *-ишк(а)-*, *-ушк(а)-* ударный, *-ёнк(а)-/-онк(а)-*, *-ёшк(а)-*, *-урк(а)-*, *-аишк(а)-*, а также малопродуктивные суффиксы *-ец-*, *-и(е/о)-/-ец(о)-/-ице-*. Среди номинаций мифологических персонажей обнаружились следующие суффиксы: *-ушк(а)-* и *-юшк(а)-* ударный, *-ёнк-*, *-оньк-*, *-онок-*, *-аишк-*: *мáтушка-подворёнка*, *мару́шка*, *Ванюшка*, *дико́нький*, *чертáшка*. Автор отмечает, что при отсутствии уменьшительности данные

суффиксы выражают пренебрежительность, иногда с оттенками снисходительности, жалости (номинация *чертáшка*).

Отдельно отметим номинации с суффиксами *-ух-*, *-юх-*: *дедúха*, *дворовúха*, *двору́ха*, *леснúха*, *саráюха*, *водянúха*. Данная группа суффиксов достаточно спорна, так как эти суффиксы могут образовывать названия лиц женского пола, характеризующиеся признаком или действием, которые названы мотивирующими словами. Среди найденных нами номинаций нет названий лиц женского пола, образованных от прилагательного или глагола, например: *стяпать* - *стяпуха*, *толстый* – *толстуха* [РГ80, т. 1, с. 150]. Помимо этого, данные суффиксы образуют: 1) стилистически сниженные синонимы мотивирующих имён существительных – личных имён и нарицательных существительных (*Валюха*, *Гришуха* и пр.); 2) предмет, действие или явление, характеризующиеся отношением к тому, что названо мотивирующим словом (*восьмуха*, *голодуха*, *желтуха* и пр.); 3) названия животных по их характерному признаку (*белуха*, *лысуха*, *серуха* и пр.) [НСРЯ, т. 1, с. 1112].

Для того чтобы оценить экспрессивность в данных номинациях, мы рассматриваем их производящую основу. Так, номинации *дворовúха*, *водянúха* и *леснúха* имеют мужские эквиваленты: *дворовóй*, *водянóй* и *леснóй*, следовательно, в данном случае деминутив имеет значение ‘фантастическое существо женского пола, принадлежащее к разряду существ, названных мотивирующим существительным’ [CCA, с. 411]. Таким образом, мы отрицаем экспрессивность в названных наименованиях. Номинации *саráюха* и *двору́ха* называют мифологических персонажей, обитающих в сарае и во дворе, следовательно, данные деминутивы называют лиц женского пола лицо, по роду занятий имеющих дело с тем, что названо мотивирующим существительным [CCA, с. 671]. Экспрессивность также отсутствует. Мы полагаем, что лишь номинация *дедúха*, образованная от слова *дед*, имеет пренебрежительный оттенок, так как с помощью деминутива образуется женское наименование

мифологического персонажа, при этом сохраняются мужские черты, заложенные в сигнификате.

3. В данную группу входят исключительно экспрессивные ласкательные суффиксы, не выражающие уменьшительность вообще: *-ушк(a/o)-* *безударный*, *-енък(a)-*, *-онък(a)-*, *-ан(я)-*, *-ул(я)-*, *-ус(я)-*, *-аш(a)-*, *-уш(a)-*, *-ун(я)-*, *-ушек-*. Среди номинаций мифологических персонажей нами найдены суффиксы *-ушк-* и *-юшк-* *безударный*, *-уш-*, *-ашк-*: *домо́вушка*, *жихóрюшко*, *ворогúша*, *чертáшка*.

В эту группу следует отнести суффикс *-он(я)-*, который, по мнению автора, является «мёртвым», вытесненным суффиксом *-онък-* (номинация *лопухоня*) [Фуфаева 2017, с. 23].

Особое внимание, по нашему мнению, необходимо уделить лексемам *бабушка* и *дедушка*, имеющим суффикс *-ушк-*. И. В. Фуфаева подчёркивает, что при длительном употреблении диминутивов их экспрессия стирается, они приобретают нейтральное значение [Фуфаева 2017, с. 70].

4. К данной группе относятся суффиксы *-онок-*, *-ёнок-* и *-ёныши-*, в которых обнаруживаются экспрессивные диминутивные значения при основной специализации невзрослоти. Суффиксы *-онок-*, *-ёнок-* также часто используются в основах с семантикой «высшие животные», а малопродуктивный суффикс *-ёныши-* образует экспрессивные окказионализмы со значением невзрослоти: *шимпанзёныши*, *зайчоныши*, *галчоныши*, *детёныши* и пр. Среди номинаций мифологических персонажей номинации с данными суффиксами мы обнаружили: *лешачо́нок*, *водянёно́к*.

Номинации мифологических персонажей, образованные с помощью экспрессивных деминутивов, систематизированы в таблице 4.

Таблица 4. Экспрессивные деминутивы в номинациях мифологических персонажей

Суффиксы	Домовой	Лепший	Водяной
Уменьшительные или уменьшительно-экспрессивные	-чик- <i>Корми́нчик</i> -ок- <i>Домовичок</i>	-ик- <i>Лéсик</i> -ок- <i>Игрунок, мужичок</i>	-к(a/o) <i>Дéдушко</i> <i>водянóй</i> -ик-

деминутивы	<p>-ёк- Жихарёк</p> <p>-к(а/о)-</p> <p>Букáнко, гнётко, дéдка, дéдко, дéдко- рыгáч, дéдушико, дýдько, домовéйко, доможíрко, жíхорько, кикíморк а, котáнко, лýско, манíлко, медведко, овíнушико, сосéдко</p> <p>-инк(а)- Домовíнка</p>	<p>-к(а/о)-</p> <p>Белолáпко, дéдушико, курáнко, лесnóй дýтятко, лесnóй дéдушико, лесовóй дéдушико.</p> <p>-ик- Волосатик</p>	<i>Кривохвóстик</i>
Экспрессивные или уменьшительно- экспрессивные деминутивы	<p>-ёнк- Máтушка- подворёнка</p> <p>-ушк-/юшк- ударный Марúшка, Ванюшка</p> <p>-ух(а)- дедýха</p>		-аик- Кондрáшка, чертáшка
Экспрессивно- ласкательные деминутивы	<p>-ушк- безударный Батáнушика(о), бáтишка, ботамáнушико, братáнушико, дворóвушко, доброхóдущко, домовéдущка, домовéюшико, домовíдущко, домóвушко, жихóрюшико, запéчинушко, норовóюшико, овíнушико, сéдушико- букáнушико, сосéдущка, сосéдущко, сусéдущка, сусéдущка- букáнушико, сусéдущка-</p>	<p>-ушк- безударный Дólгий дáдюшка</p> <p>-енък-/онък- Дикóнький</p>	-ушк- безударный Máртушка -уш- Ворогúша -он(я)- Лопухónя

	<i>бурёдышка,</i> <i>сусéдышко</i>		
Экспрессивные деминутивы при специализации невзрослости		-енок- Лешачонок	-ёнок- Водянёнок

Итак, номинации *домового* содержат наибольшее количество суффиксов, придающих слову уменьшительно-экспрессивное значение (25ном.), экспрессивное значение пренебрежительности (1 ном.), экспрессивно-ласкательное значение (22 ном.).

Названия *лешего* и *водяного* значительно уступают в количестве названиям *домового* с точки зрения экспрессивности. Так, номинации *лешего* имеют экспрессивно-ласкательное значение (2 ном.), уменьшительно-экспрессивное значение (10 ном.) и экспрессивное значение невзрослости (1ном.).

Названия *водяного* включают экспрессивно-ласкательное (3 ном.), уменьшительно-экспрессивное (2 ном.), пренебрежительное значение (2ном.) и экспрессивное значение невзрослости (1 ном.).

3.2.3. Энантиосемия и оксиоморон

Мы отметили, что в случае, когда наблюдается конфликт корневой морфемы, имеющей отрицательную оценку, и аффиксальной морфемы с уменьшительно-ласкательным значением, возникает энантиосемия. Такой «взрыв» оценок происходит по причине уважения и боязни к духу. К примеру, люди, стараясь задобрить водяного, проснувшегося после зимней спячки, топили лошадь в качестве подарка и приговаривали: *Вот тебе, дедушка, гостинец на новоселье: люби да жалуй нашу семью!* [СРС, с. 81].

В лингвистике явление энантиосемии впервые было описано в XIX веке и породило множество точек зрения. Так, В. Шерцль рассматривал антонимичные значения в слове и подразумевал под энантиосемией явление, при котором в одном слове совмещаются два абсолютно противоположных значения [Шерцль 1884, с. 1]. В. М. Панов считал энантиосемию

разновидностью антонимии, акцентируя внимание на том, что с греческого данный термин означает «противоположность значений внутри слова» [Панов 1984, с. 336]. Ряд исследователей акцентируют внимание на когнитивном аспекте энантиосемии. Так, К. Леви-Строс писал, что в сознании древнего человека не существовало различия между бытием и сознанием, и поэтому в мифе истина смешивалась с вымыслом [Леви-Строс 2001, с. 162-163]. О.Г. Скворцов считал, что в мифологическом мышлении каждая часть не только репрезентирует целое, но им и является, как бы вбирая в себя силу целого, его значение и действенность» [Скворцов 1991, с. 96]. И. В. Якушевич считает, что энантиосемия возникает в результате символизации – стремления максимально полно в чувственном образе «объять» познаваемую метафизическую реальность и установить противоположные пределы ее проявления [Якушевич 2012, с. 75].

В ряде исследований явление энантиосемии рассматривается в историческом аспекте как особенности внутренней формы слова: появлению энантиосемии способствует неопределенность семантики древних корней [Булаховский 1988, с. 78; Новиков 1973, с. 185], полисемичность морфем, выполняющих словообразующую функцию [Булаховский 1988, с. 79]. Более подробно феномен энантиосемии рассматривается в статье Н. С. Ивашининой [Ивашинина 2021, с. 113-118].

По нашему мнению, для номинаций мифологических персонажей особенно важна энантиосемия как источник противоположных оценок персонажа. Ведь одной из значимых черт мифологического мышления является амбивалентность. Амбивалентность (от лат. *ambo* – *оба* и *valentia* – *сила*; противоречивый, двойственный) – сосуществование в глубинной структуре личности противоположных, взаимоисключающих эмоциональных установок (например, любви и ненависти) по отношению к какому-либо объекту или человеку [ФС, с. 25]. Так, в мифе постоянно присутствует противопоставление света и тьмы, добра и зла, своего и чужого.

Отметим также ещё одно проявление амбивалентности мифологического мировоззрения: аспект «правда – вымысел». К. Леви-Строс объяснял это тем, что первобытному мышлению было свойственно упорядочивание чувственного многообразия мира через классификацию окружающих объектов. Тем не менее, в мифе истина смешивалась с вымыслом, так как в сознании древнего человека не существовало различия между внешним бытием и внутренним сознанием, то есть он полагал, что абсолютно всё в этом мире реально [Леви-Строс 1994, с. 162-163].

Феномен энантиосемии О. С. Ахманова определяет следующим образом: «1. (поляризация значений). Способность слова (морфемы и т. п.) выражать антонимические значения. 2. То же, что антифразис (во 2 знач.)» [СЛТ, с. 526].

Так, наличие энантиосемии присутствует в номинациях *ворогуша*, *к правохвостик*, *чертáшка*, *мару́шка* и др.

В семантике номинации *ворогуша* [СВГ, т. 1, с. 83] сталкиваются положительная оценка ласкательного суффикса *-уши-* и отрицательная корневая морфема: (от ст.-слав. *врагъ* ‘враг, нечистый, чёрт’ [Фасмер, т. 1, с.352]).

Мару́шка (Пск.) [СРНГ, т. 17, с. 377] – фантастическое существо, незаметно похищающее вещи [СРНГ, т. 17, с. 377]. Мотивирующая основа *-мара-* (диалектное ‘домовой’, укр. *марá* ‘призрак, привидение’ [Фасмер, т. 2, с. 571]) сочетается сэкспрессивно-ласкательным суффиксом *-ушк-*.

Очевидное указание на нечистую силу содержится в номинациях *чертáшка* [СРГЮП, т. 3, с. 351] и *к правохвостик* (Перм.) [СРНГ, т. 15, с. 247]. Ведь чёрту часто приписывают зооморфные признаки: рога, хвост, копыта и пр. и характеризируют его как злое существо, сидящее на левом плече [Кононенко 2013]. А одно из значений праславянского корня **krivъ-* ‘левый’ [ЭСРЯ, т. 8, с. 391; Фасмер, т. 2, с. 376], т.е. неправильный [ТСЖВЯ, т. 2, с.873]. Такое отрицательное значение в номинациях сопровождается уменьшительными суффиксами *-аик-* и *-ик-*.

Интересно, что амбивалентность может проявляться не только на уровне морфем, но и на уровне словосочетания, что является оксюмороном. Так, Г. Г.

Курегян в своём диссертационном исследовании рассматривает оксюморон с точки зрения прагматики. Автор считает, что оксюморон усиливает признак объекта: «Внутри этого бинарного амбивалентного знака атрибут и носитель атрибуции дополняют, усложняют значения друг друга контрастными характеристиками. Атрибутивность модифицируется в оксюморонном сочетании с последующей реализацией осложненного смысла в определённом контексте. Оксюморон — это проявление «смежной» атрибуции» [Курегян 2007, с. 7]. Такие оксюморонные сочетания, или оксюморонные аналитемы, образуются на основе определённой синтаксической модели и обладают денотативной соотнесённостью [Курегян 2007, с. 8].

М. В. Никитин считает, что оксюморон производит гибридное значение, так как комбинирует интенсионал первого слова с нетипичным для него импликационалом, заимствующимся у второго слова. Таким образом, одно слово жертвует импликационалом, а второе — интенсионалом. В результате, оксюморон сочетает несовместимые признаки [Никитин 2007, с. 107-108].

К примеру, в номинации *леснóй херувíм* также присутствует амбивалентность. Это оксюморон: херувимы на небе, а лес в народной мифологии — место тёмных сил и зла. Это пространство потустороннего мира [Соколов 1980, т. 2, с. 49-50].

Аналогичным примером проявления оксюморона может служить номинация *жировóй чёрт*. Слово *жировой* является производным от слова *жир*, этимология которого синкетична и соединяет значения 1) ‘живь’, 2) ‘есть’ [Фасмер, т. 2, с. 56], а также ‘нажитое’, ‘изобилие в доме и пище’ [ЭСРЯ, т. 5, с. 293]). А слово *чёрт* называет нечистую силу и имеет негативное значение.

В таблице 5 обозначены номинации мифологических персонажей, включающие энантиосемию и оксюморон.

Таблица 5. Энантиосемия и оксюморон в номинациях домового, лешего и водяного

Феномен	Домовой	Леший	Водяной
Энантиосемия	<i>Гнеткó,</i>	<i>Дикόнький, леснóй</i>	<i>Ворогúша,</i>

	<i>мару́шка, Ваню́шка, кикýморка, сусéдушка- бакáнушка, сéдушко- бука́нушко</i>	<i>дýтятко</i>	<i>кривохвóстик, кондрáшка, мáртушка, чертáшка</i>
Оксюморон	<i>Жировóй чёрт</i>	<i>Леснóй херувíм, лес честnóй</i>	

Все три мифологических персонажа имеют номинации, содержащие энантиосемию и оксиморон, практически в равной степени: *домовой* – 7 ном., *леший* – 4 ном., *водяной* – 5 ном.

Подведём итог. Коннотация является структурой объединённых между собой элементов. Отсутствие или наличие каких-либо элементов коннотации зависит от функционирования слова в конкретных областях, социальных группах, ситуациях, а также от оценки говорящего. Следовательно, каждое слово самостоятельно актуализирует коннотативные компоненты. При анализе номинаций мифологических персонажей для нас имеют особое значение такие компоненты коннотации, как психологические, социальные, функционально-стилистические, национально-культурные, этнографические, зоо- и этологические факторы, а также данные географии ландшафта и гидрообъектов. Таким образом, в ЛЗ номинаций мифологических персонажей экспрессивность выражается с помощью словообразовательных формантов, или суффиксов, имеющих уменьшительно-экспрессивное, пренебрежительное, экспрессивно-ласкательное значения и экспрессивное значение невзрослости. Помимо этого, нами были обнаружены номинации мифологических персонажей сположительной и отрицательной оценками, а также номинации, имеющие энантиосемию и оксиморон.

3.3. Внутренняя форма слова как коннотативный компонент значения номинаций мифологических персонажей

Данный параграф посвящён ключевому понятию исследования – «внутренняя форма».

В концепции В. Гумбольдта язык формируется из представлений и понятий и определяет поведение человека и его позицию по отношению к объективной действительности, т.е. язык является деятельностью, трансформирующей внешний мир в собственность духа [Гумбольдт 2001, с.83]. В. Гумбольдт различал внешнюю и внутреннюю формы языка, основываясь на том, что язык есть единство материального и идеального. Он считал, что первое выражается звуковой (внешней) формой, а второе – психической субстанцией (внутренней формой). Согласно данной теории, звуковая оболочка слова взаимосвязана с обозначением предмета.

Внутренняя форма, согласно мнению В. Гумбольдта, есть проявление «духа народа». Она обусловлена психическими свойствами народа, его философией, наукой, образом мыслей, искусством и пр. Называя язык средством проявления «духа народа», В. Гумбольдт писал, что существует что-то систематическое в деятельности духа, перевоплощающее артикуляционный звук в выражение мысли, что и образует форму языка. Однако автор не рассматривал форму языка как постоянное явление или неимеющее реального бытия умозаключение, т.к. в конечном итоге она является индивидуальным способом, с помощью которого народ воспроизводит в языке свои чувства и мысли [Гумбольдт 2001, с. 71].

В учении В. Гумбольдта для нашего исследования важно то, что язык является деятельностью, трансформирующей внешний мир в собственность «духа народа». Это некая психическая субстанция, которая сначала объективируется во внутренней форме, а потом воплощается в языке [Гумбольдт 2001, с. 83]. А. А. Зализняк считает, что данное понимание внутренней формы сходно с современным пониманием термина «языковая картина мира» [Зализняк 2002, с. 41].

В концепции В. Гумбольдта миф осмысляется в качестве способа концептуализации действительности. Так, мифологическая картина мира есть мировоззренческая система, характерный образ мироведения, индивидуальный способ распознавания действительности.

В отличие от В. Гумбольдта, А. А. Потебня в своих исследованиях уделял внимание внутренней форме слова, а не языка. Учёный выявил ментальный механизм преобразования внешней формы слова, или фонетической, во внутреннюю. Как полагал Ю. С. Маслов, это своего рода лежащий в слове отголосок движения мысли, существовавшей в период возникновения слова [Маслов 2005, с. 113]. В данном процессе лишь один признак осознаваемого человеком предмета принимал участие. К примеру, в образе стола таким признаком является наличие плоскости и допустимость стлать что-либо на ней. Соответственно, этимологическое значение данного слова содержит сему ‘стлать’. Подобным образом слово *туча* имеет признак льющейся жидкости, ведь корень *-ту-* означает ‘пить, лить’. А слово *окно*, связанное со словом *око*, имеет признак смотрящего глаза [Потебня 1999, с. 97].

Внутренняя форма, по мнению А. А. Потебни, представляет собой вовсе не этимологическое значение, а его связь с общепринятым представлением о предмете, т.е. отношение содержания мысли к сознанию [Потебня 1999, с.98]. Так, внутренняя форма слова *туча* – это соотношение всего образа тучи и наличия в ней жидкости. Таким образом, по А. А. Потебне, внутренняя форма слова есть выделенное народным сознанием одно ключевое свойство предмета (т.е. этимон), соотнесённое с обобщённым полным представлением об этом предмете, т.е. денотатом, и воплощённое в звуковом облике слова, т.е. внешней форме. Например, в слове *соседка*: мотивирующая основа *–сосед–* имеет общеславянский корень **sosēdъ*, соотносительно с *sъsēdēti* ‘сидеть рядом, жить вместе’, в котором *съ* ‘вместе’, а *sēdēti* ‘сидеть’ [ЭСРЯ1, с. 422]. Концепция А. А. Потебни незаменима при анализе внутренней формы слова с непроизводной основой или в случае затемнённого значения производящего слова.

А. Ф. Лосев также считал, что внутренняя форма есть отношение мысли к сознанию. Под мыслию он подразумевал идею предмета, её смысл, а не человеческую мысль о предмете. А. Ф. Лосев, как и А. А. Потебня, акцентировал внимание на том, что внутренняя форма может возникать в процессе общения, т.е. в контексте. Однако, по А. Ф. Лосеву, предметом

общения становится объективная вещь со своей объективной идеей. Разные люди, смотря на одну и ту же вещь, могут называть её по-разному, но понимание этой вещи остаётся похожим, а вот интерпретация предмета различается. Именно таким образом, по его мнению, появляется внутренняя форма слова: изначально объективная вещь имеет общую идею для всех людей, потом её смысл сравнивается со смыслом другой вещи и становится её внутренней формой, или ноэмой [Лосев 1993, с.64]. Следовательно, внутренняя форма, по А.Ф. Лосеву, – это субъективное восприятие объективного смысла предмета, которое под влиянием общения может приобрести или не приобрести общеязыковой характер.

Особый взгляд на внутреннюю форму изложен в концепции П. А. Флоренского. Он сравнивал её с «телесной душой», которая происходит от акта духовной жизни. Так, внешняя форма является неизменяемой, а внутренняя – индивидуальной. Исследователь отмечал трёхфазовое строение слова. Внешняя форма имеет две составляющие: фонему и морфему. Морфема же поддерживает семему и внутреннюю форму слова. Так, философ убеждён, что слово обладает так называемой душой, поэтому семема имеет свойство безгранично расширяться, влияя на строение содержащихся в ней духовных элементов, принимать новое содержание, связанное с предыдущим, менять свои очертания. Эта душа не порождает внешнюю форму, а только «облекает», трансформируя её [Флоренский 2013, с. 132]. Такой взгляд на внутреннюю форму в полной мере можно соотнести с диалектными номинациями, так как они возникли путём чувственного восприятия народом того или иного феномена действительности. Наглядным примером трансформации морфемы может служить номинация лешего *блуд*. Ст.-слав. *Блждъ* имеет значение ‘беспутство, распутство’ [ЭССЯ, т. 2, с. 126]. Со временем значение номинации расширилось, и появилось значение русск. *блуд* ‘уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле’ [ТСЖВЯ, т.1, с. 88].

Н. Ф. Алефиренко исследует внутреннюю форму в совокупности всех смыслообразующих компонентов, рассматривая её ономасиологическую и

семасиологическую трактовки, на примере фразем. При детальном анализе внутренней формы Н. Ф. Алефиренко задаётся вопросом: «Внутренняя форма — синхронный компонент значения или его культурно-исторический стимулятор?» [Алефиренко 2006, с. 132].

Автор подвергает сомнению точки зрения лингвистов, наблюдающих взаимозависимость предметов с их генетическими образами. В представлении Н. Ф. Алефиренко внутренняя форма слова не может быть отождествлена с генетическим образом, т.к. она становится его единственным выразительным признаком, представляющим собой всю универсальность дискурсивно-когнитивного образа. Он подчёркивает, что необразные знаки также имеют внутреннюю форму, и утрата внутренней формы не всегда придаёт знакам статус необразных: «В таких случаях образность создаётся двуединым «видением двух картин», проектируемых – первичной денотативной ситуацией, закодированной прямыми номинативными значениями контекста, и вторичной денотативной ситуацией, репрезентируемой обобщённо-переносной семантикой» [Алефиренко 2006, с.133]. Лингвист пишет о сигнификативной природе внутренней формы: она является эпидигматическим звеном между денотатом и коннотацией и предстаёт как обобщённо-абстрагированное понятие о денотате, формирующее предельно конкретные ассоциативно-образные коннотации [Алефиренко 2006, с. 135].

Н. Ф. Алефиренко, помимо внутренней формы эпидигматического типа, указывает ещё и на внутреннюю форму словообразовательного типа. Такой вид внутренней формы свойственен словам, образованным от общего для них другого слова по живой словообразовательной модели. В результате любое слово, имеющее деривационную историю, является носителем внутренней формы. Примером может служить слово *поджарка* (*под-жар-ка* – *жарить*). Однако, как замечает автор, не во всех словах внутренняя форма очевидна, как, например, у слова *вертлуг* – ‘подвижный конец бедренной кости, входящий в чашку таза’. При этом следует различать равные деривационные истории сходных по звучанию слов. Их внутренняя форма также отличается. Например,

слово *поджарка* могло быть мотивировано словом *поджарый* – ‘сухощавый и мускулистый, сухопарый’. Это важно для различия слов-омонимов [Алефиренко 2006, с. 136].

Таким образом, в учении Н. Ф. Алефиренко внутренняя форма слова обладает способностью к субъективному представлению номинации в языковом сознании носителей определённого языка. Она не ограничивается лишь концептом, эмосемой или этимологическим значением. Автор говорит о внутренней форме слов как о словесно-логическом представлении заключённого в них смысла [Алефиренко 2005, с. 7]. Эта теория играет важную роль в нашем исследовании, так как мы имеем дело с диалектной лексикой, насыщенной словами с деривационной историей.

Ю. С. Маслов считает, что базовую часть внутренней формы большинства слов составляет мотивировка [Маслов 2005, с. 122]. Данное понятие даёт обоснование звуковой оболочке слова. Так, мотивированными являются слова *столяр* (делает столы) или *кукушка* (кричит ‘ку-ку’). В том случае, если слово не имеет очевидную мотивировку, оно является немотивированным (*орёл*, *слесарь* и пр.) [Маслов 2005, с. 123]. Следовательно, по мнению Ю. С. Маслова, внутренняя форма слова – содержащийся внутри слова след того движения мысли, которое присутствовало во время появления слова [Маслов 2005, с. 81]. Более того, мотивировка иногда бывает связана с эмоциональной коннотацией. Автор приводит в пример слова с «неприятной» мотивировкой, которые сознательно заменили на слова с нейтральной мотивировкой: *прислуга* – *домашняя работница*, *жалование* – *заработка плата* [Маслов 2005, с. 123].

В. В. Колесов, рассуждая об образовании концептов, полагал, что на первом уровне развития корня стоит концептум, мысль (то, что А. А. Потебня называл внутренней формой). Первообраз, или первосмысл, материализованный в слове, с течением времени приобретает иные значения за счёт прибавления суффиксов.

В. В. Колесов считал, что внутренняя форма, заключаясь в слове, «необъективна» по отношению к сущности вещи и в то же время само её присутствие свидетельствует о необходимости к познанию сущности вещей. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что концептум, или внутренняя форма – это «инвариант всех возможных значений, данный как отношение смысла знака к обозначенной им вещи» [Колесов 2018, с. 444]. По мнению автора, данный «первосмысл» является исходной точкой символического значения, его источником [Колесов 1992, с. 34].

С точки зрения Е. В. Огольцевой, внутренняя форма включает в себя совокупность представлений, чувств, характерных для носителя того или иного языка. Она является способом обозначения предметов реального мира и отражает путь их видения, их духовное проявление. Внутренняя форма – промежуточное звено между мышлением и языком. Рассматривая внутреннюю форму слова, автор полагает, что она есть образ, предшествующий формированию понятия. В семантике производных слов с конкретным предметным значением (подснежник – под снегом, опёнок – около пенька и пр.) наиболее отчётливо отражается связь между образом и понятием. Е. В. Огольцева считает внутреннюю форму компонентом семантики производного слова, компонентом его лексического значения [Огольцева 2019, с. 37-39].

Подведя итог обзору точек зрения на понятие «внутренняя форма» и суммируя их, приведём итоговую таблицу 6.

Таблица 6. Ключевые понятия внутренней формы

Учёный	Термин	Значение термина
А. А. Потебня	Внутренняя форма слова	Выделенное народным сознанием одно ключевое свойство предмета, т.е. этимон, соотнесённое с обобщённым полным представлением об этом предмете, т.е. денотатом, и воплощённое в звуковом облике слова, т.е. внешней форме
П. А. Флоренский	Внутренняя форма слова	Соотношение содержания слова и собственно внутренней формы слова

А. Ф. Лосев	Внутренняя форма слова	Субъективное восприятие объективного смысла предмета, которое под влиянием общения может приобрести или не приобрести общеязыковой характер
Н. Ф. Алефиренко	Внутренняя форма слова	Внутренняя форма слов как словесно-логическое представление заключённого в них смысла
Ю. С. Маслов	Мотивировка	Содержащийся внутри слова след того движения мысли, которое присутствовало во время появления слова
В. В. Колесов	Концептум	Инвариант всех возможных значений, данный как отношение смысла знака к обозначенной им вещи
А. А. Зализняк	Внутренняя форма	Это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определённый способ построения заключённого в данном слове концепта
Е. В. Огольцева	Внутренняя форма	Компонент семантики производного слова

В нашем исследовании мы опираемся на определение внутренней формы А. Зализняк [Зализняк 2002], суммирующей, на наш взгляд, точки зрения разных учёных: **это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем (Н. Ф. Алифиренко)** или **исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации (А. А. Потебня, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский)** и задающие **определённый способ построения заключённого в данном слове концепта (В. В. Колесов)**, компонент семантики производного слова (Е. В. Огольцева); иногда в том же значении

используется термин мотивировка (напр., [Маслов 2005]); несколько шире используется термин мотивация ([Толстая 2002]). Кроме того, внутренняя форма, имеющая семную природу, является коннотативным компонентом ЛЗ.

3.4. Символическое значение как коннотативный компонент лексического значения номинаций мифологических персонажей

Уникальность диалектного слова как знака состоит в целостности языкового и культурного бытования. В диалектизме кодируются черты личности, относящейся к определённой национальности и имеющей определённый менталитет – систему религиозных представлений, или иначе – мифологическое мировоззрение народа. В настоящее время крайне мало работ, посвящённых языковой природе символического значения, его иерархическому статусу в системе смыслов слова, источникам его появления в слове.

Согласно классическому учению А. А. Потебни, лингвистически обусловленным источником символического значения является внутренняя форма слова. Учёный полагал, что слово имеет два содержания. Одно из них – совокупность субъективно выделенных признаков. Так, перцептивным образом слова *окно*, является обобщённое представление о раме со стеклом. В числе его многочисленных признаков – прозрачность, отверстие в стене, квадратная или прямоугольная форма и пр. Другое, объективное, – ближайшее этимологическое значение слова. Это только один признак, объективно выделенный в народном сознании как ‘прозрачность, то, куда смотрят или куда проходит свет’ [Потебня 1999, с. 97]. Именно так признак ‘куда проходит свет’ соотносится с обобщённым перцептивным образом окна и мотивирует номинацию предмета через уподобление с человеческим глазом: ведь только при помощи него мы можем судить о прозрачности и светопроникновении окна. Так возникает внутренняя форма слова *окно*: буквально ‘то, что прозрачно и поэтому подобно глазу’. Уподобление глазу – символическое значение слова *окно*. Этимон как источник символического значения рассматривается в исследованиях А. Н. Афанасьева [Афанасьев 1854], М. М. Маковского [Маковский 1996], К. А. Свасьяна [Свасьян 1989].

«Зерно первосмысла», или «концептум», «первосмысл» В. В. Колесова соотносимый с понятием «внутренняя форма» А. А. Потебни, присутствует во всех корнях индоевропейских языков и инициирует «ментальную матрицу» семантики образа, символа и понятия [Колесов 2018].

Анализ мотивационной функции внутренней формы как источника символического значения положило начало исследованиям о многозначности слова, включающего символическое значение – слова-символа. Так, символ в теории В. В. Виноградова вырастает из тезиса «лексема – это синкretизм смыслов» [Виноградов 1976, с. 372], который «всплывает», разворачиваясь в тексте в виде слов или словосочетаний («целостных лексем»). Они формируют смысловые ряды, переход между которыми возможен благодаря параллелизму и метафоре. Столкновение между этими рядами в одном из «сцепляющих» механизмов вызывают у читателя эффект внезапности и вспышку эмоций. Символ, по В. В. Виноградову, подобен лексеме своей синкretичностью смыслов, но отличается тем, что является единицей речи: «сеть» смысловых приращений дополняют его семантику и являются важнейшим источником символического значения [Виноградов 1925, с. 12-21].

Близко к теории В. В. Виноградова более позднее понимание символа как проявление речевой полисемии П. Рикером: в контексте реализуются несколько разных и даже противоположных значений, объединённых под одним именем [Ricoeur 1969, с. 72].

В. Н. Телия символическим значением называет переносное значение конкретной единицы, помогающей представить непредметное явление. При этом предметная (перцептивная) семантика преобразуется в отвлечённое значение [Телия 1981, с. 270].

Е. В. Шелестюк в своём исследовании рассматривает символ как многосмысловой мотивированный знак, «репрезентирующий помимо собственного денотата ...качественно иной, отвлечённый или абстрактный референт». Исследователь отмечает мотивацию означающим символа его означаемого. Механизмами такой мотивации является метафора и метонимия

[Шелестюк 1997, с.46 – 54]. Слово имеет «символическую ауру» имплицитных сем, имеющих древний архитипический характер. «При актуализации имени в соответствующем контексте аура воплощается в переносном символическом значении. Возможно воплощение сразу нескольких слоёв ауры, в этом случае в слове реализуются сразу несколько символических значений» [Шелестюк 1997, с. 140]. Аналогичное мнение у М. В. Никитина, который считает, что символическое значение возникает на импликационной (метонимия), аналогической (метафора), гипер-гипонимической природе ассоциаций [Никитин 1996, с. 191].

А. В. Медведева также считает, что символическое значение возникает из сопоставления семем в составе одной лексемы («семантема»), точнее из двух денотативных и двух коннотативных значений – это вторичное коннотативное значение, не имеющее мотивированную связь с первичным денотативным значением [Медведева 2000, с. 46–48].

Опираясь на историко-языковую концепцию символа В. В. Колесова, А. В. Алексеев утверждает, что исследование символического значения слова обязательно должно осуществляться в диахроническом аспекте и основываться на тесной связи языка и культуры в перспективе исторического изменения ЛЗ [Алексеев 2016, с. 108]. Символическое значение возникает при условии, что слово пересекается с каким-либо кодом культуры, и вместе с тем «означаемое первой системы становится означающим во второй». По мнению А. В. Алексеева, символическому значению свойственна двуплановость: слово фигурирует и в языковой, и в культурной коммуникации. В таком случае символическое значение определяется экстралингвистическими факторами, то есть ограничивается обрядовым дискурсом [Алексеев 2016, с. 109].

В диссертации Д. А. Таракановой, исследовавшей диалектную лексику обрядового дискурса, символическое значение – компонент культурной коннотации диалектного слова. Он реализуется в фольклорном тексте, магических приговорах, рассказах диалектоносителей. Например, в контексте

погребального обряда – тризны – блин символизирует вечную жизнь, а свадебного – любовь и брак [Тараканова 2012, с. 42–43].

В нашем исследовании мы опираемся на семантико-семиотическую концепцию слова-символа И. В. Якушевич. Символ – это языковой знак с тремя компонентами и двумя ступенями означения: 1) звуко-буквенная форма слова; 2) перцептивный образ, представленный как понятие и совпадающий, как правило, с первичным номинативным значением; 3) символическое значение. Символизация – это процесс означения перцептивно-обобщённым образом или его деталями некой другой, мало исследованной человеком, чаще абстрактной реальности ('зрение', 'мир', 'смерть', 'душа', 'плодородие' и пр.) [Якушевич, 2018, с. 56–83]. Полученное в результате символизации значение и следует называть символическим. Так, слово-символ «окно» состоит из 1) звукобуквенной формы слова окно; 2) перцептивного образа 'отверстие для света и воздуха в стене здания, окно' [СРЯ11-17, с. 327]; 3) закреплённых за означающим символических значений, отражённых в русской культуре, среди которых и мотивированное внутренней формой значение 'окно как глаз' [Якушевич 2020, с. 171]. Означаемому символа автором присваивается термин «символическое значение».

1. Оно абстрактно или непознанно и часто обозначает либо не подающиеся чувственному восприятию реалии действительности (жизнь и смерть, мироздание, бог и пр.), либо перцептивную, но неуправляемую стихию природы (**воздух, огонь, вода и пр.**). К примеру, домовой (означающее) как хранитель домашнего очага является символом огня (означаемое): *хозяин, подпечник, гнетея, печая, калёная печка, печной хозяин и др.*

2. Ономногозначно: диалектизм может иметь несколько симвлических значений. Об имманентной многозначности символа писала Е. В. Шелестюк: это наличие у символа «перспективы, цепочек значений, все более абстрактных по мере удаления от исходного значения» [Шелестюк 1997, с. 56]. К примеру, диалектизм *бобовница* символизирует жизнь и смерть. У южных славян бобы считаются символом здоровья и жизни, так как воспринимались как семя. Тем

не менее, многие славянские народы верили, что бобы вселяют души предков и являются пищей мёртвых [Плотникова 1995, т. 1, с. 201-202].

3. Оно антропоморфно, т. е. содержит значение, которое относится как сфере «макрокосма» (это огонь, вода, земля, воздух, небо, солнце и пр.), так и к «микрокосму» человека (болезнь, домашний уют, предок, чувства и пр.). В частности, каждый из исследуемых нами мифологических персонажей является персонификацией 4 стихий мира: домовой – огня, леший – леса и земли, водяной – воды. Примером также может служить номинация домового *гнете́я*, так как у этого слова и слова *огонь* есть общий корень *-гн-*. ('гореть'). Именно эта сема и инициирует символическое значение 'огонь': домовой – персонификация печного огня [Афанасьев 1865-1869, т.2, с. 24]. Из фольклорных текстов известно, что второе символическое значение этого слова – 'болезнь', 'лихорадка'. По сути, это переносное значение корня *-гн-*, т.к. высокая температура воспринималась как телесный огонь – лихорадка.

4. Оно энантиосемично. В. В. Колесов считал, что энантиосемия (наряду с метонимичностью русского языка) является наследием синкретизма древнего мифологического мышления и, как следствие, семантики праиндоевропейских корней, из которых развиваются противоположные символические значения [Колесов 2002, с. 146, 148]. И. В. Якушевич причиной энантиосемии символического значения называет гносеологическую природу символа как «механизма познания неведомого для человека метафизического иррационального начала (неба и небесных явлений, Бога, духа и души, жизни и смерти) посредством чувственного образа ... в своём стремлении «объять» познаваемую реальность сознание вычленяет пределы его проявления, что и порождает энантиосемию» [Якушевич 2012, с. 72–77].

Энантиосемия символического значения характерна и для названий мифологических персонажей. К примеру, номинации *мотови́лиха* и *прáха*, мотающие нити, могут предсказывать как долгую жизнь, так и скорую смерть, ведь в мифологии нити – символ судьбы. Отсюда и выражение «связать судьбу».

Номинации *белолápко*, *бéля*, *бéлая бáба*, *белúн* содержат в своей семантике указание на белый цвет, что обычно противопоставляется чёрному: хороший – плохой, добрый – злой, мужской – женский. Так, появление данных персонажей – символ добра, жизни. Тем не менее, белый цвет может символизировать и несчастье [Толстой 1995, т.1, с. 151-154].

5. Символическое значение отражает ту или иную мифологическую систему – языческую, христианскую, коммунистическую и пр. В названиях большинства мифологических персонажей отражено языческое мировоззрение. Христианское мировоззрение сквозит в таких номинациях, как *Иван Чародей*, *упырь*, *полуношница*, *праведный* и пр. Но чаще всего диалектизмы отражают факт народного смешения реалий языческой и христианской мифологии. К примеру, в день Герасима Грачевника 17 марта читали молитвы, чтобы изгнать *кики́мору* [CPC, с. 198]. Помимо этого, христиане обращались к пророку Илие, чтобы тот изгнал *удéльницу* [CPC, с. 475].

Итак, в современной лингвистике очевидны два подхода к понятию «символическое значение»: семантико-семиотический и семасиологический. С точки зрения первого слово является знаком второй степени и означает нечто отличное от себя, непознанное и неосвоенное человеком. В этом случае символическое значение – означаемое этого знака, антропоморфное и многозначное (включая энантиосемию). С точки зрения второго, символическое значение – компонент культурной коннотации ЛЗ слова. На наш взгляд эти две позиции не исключают друг друга, но термин «символическое значение» все же требует дополнительного комментария:

1. Символическое значение как сема культурной коннотации (об этом см. раздел 3.4.2.1). Это основная точка зрения в диссертации и связана с анализом слова в языке, точнее в том или ином его говоре. Означаемое символа как сема ЛЗ понимается нами в большинстве рассмотренных примеров, в которых источником символического значения является внутренняя форма слова. Компонентом ЛЗ слова символическое значение является и в том, случае, если их источником стали ландшафтные и гидрологические

особенности местности, а также данные об этологии некоторых птиц и животных. О такого рода семах культурной коннотации см. выше в разделе 3.1. Если источником символического значения является фольклорный текст или речь диалектоносителя, то и в этом случае символическое значение считаем семой культурной коннотации ЛЗ, актуализированной контекстом.

2. Символическое значение как лексико-семантический вариант слова отмечен нами только в ряде лексем, чьё первичное значение относится к литературному языку, а вторичное – к диалектной речи. Например, слово *выль* в 1 значении – ‘птица’, а во втором – ‘водяной’. Хозяин: 1) ‘владелец, собственник’ (МАС). 2) ‘домовой’ (БАС).

3.5. Источники символического значения

3.5.1. Внутренняя форма слова

Как уже было сказано выше, А. А. Потебня утверждал, что именно этимон является источником символического значения. Приведём в качестве примеров несколько номинаций мифологических персонажей, в которых внутренняя форма перетекает в символическое значение.

Так, в номинациях *кузютка*, *Кузя*, образованных от праслав. **kosť* ‘волос, волокно, масть, цвет шерсти (животного)’ [ЭССЯ, т. 11, с. 143]. По народным поверьям, волосатые домовые символизируют богатство, достаток.

Номинация лешего *кура́нко*, образованная от слова *кур* ‘петух’ [ЭССЯ, т. 13, с. 119] или, по другой версии, от *курити* ‘раскладывать огонь, разжигать’ [ЭССЯ, т. 13, с. 123]. Этимологическая сема огня, совмещённая с общим представлением о птице с ярким опереньем и красным гребешком, мотивирует символическое значение ‘солнце, огонь’.

Символическое значение богатства наблюдается в номинациях *жировíк*, *жирóвый*, *жíхарь*, *жихарéк*, *жíхорько*, *жíхорюшко*, *доможíл*, *доможíрко*, *жихари́ха*, *жихори́чка*. В частности, *жир*, совмещающая в себе значения ‘живь’ и ‘есть’ [Фасмер, т. 2, с. 56], является символом достатка. Наиболее ярко он прослеживается в северных говорах, где в условиях сурового климата достаточно трудно достичь благополучной «жирной» жизни.

Другой источник символического значения – словообразовательная мотивация. И. С. Улуханов подразумевает под ней следующие отношения между двумя словами, имеющими один и тот же корень: 1) значение одного слова в полной мере входит в значение другого (*палец* – *пальчик* ‘маленький палец’), 2) ЛЗ одного слова тождественно ЛЗ другого, но синтаксические позиции этих слов различны (*скорый* – *скоро*), 3) ЛЗ одного слова тождественно ЛЗ другого, но слова различаются стилистически (*погода* – *погодка*) [Улуханов 2010, с. 10-11].

Так, номинация *лешák* символизирует нечистую силу, а однокоренная номинация *лешачónок*, образованная с помощью экспрессивного суффикса -*онок-* символизирует ребёнка лешего.

3.5.2.Народная этимология

Символическое значение не всегда вырастает из «зерна» этимологического значения. Причина этого заключается в том, что «слово участвует как в собственно языковой, так и в культурной коммуникации, то есть определяется экстралингвистическими факторами» [Алексеев 2016, с. 108].

Народная (ложная) этимология – это переосмысление слова по модели схожего по звучанию слова родного языка, формирование семантических связей между ними по принципу лишь внешнего звукового соответствия, при этом игнорируются реальные факты их происхождения [CCLT, с. 139]. А. А. Зализняк объясняет этот феномен тем, что людям присуще устанавливать возможную логическую связь между понятиями. Вследствие этого переосмысляется, а иногда и переделывается непонятное слово, благодаря чему появляется некая понятная для человека внутренняя мотивированность. Так, известное слово *близорукий*, ‘плохо видящий на далёкое расстояние’, изначально имело форму *близозорокий*, в буквальном смысле ‘имеющий близкое зрение’. С течением времени повторяющийся слог -зо- утратился, а непонятный элемент -рок- превратился -рук-. Полученное слово *близорукий* приобрело значение ‘видящий близко, на расстоянии своей руки’

[Зализняк 2010, с. 30-31]. К «народной» этимологии, в понимании В. Н. Топорова, относятся слова с прозрачной внутренней формой, заимствования, описательные слова и пр. Их отличает тот факт, что, кроме основной информации, заключающейся в слове, они содержат и дополнительную. Так, по мнению автора, научная этимология напрямую связана с «народной», так как при анализе слова нельзя ограничиваться только словарными статьями. Автор предлагает использовать синхронический подход к этимологии, предполагающий «выяснение мотивированного данного слова внутри каждой из систем, пересечение которых и образует это слово». Данный подход позволит создать элементарную модель акта этимологизации и организовать этимологический анализ, построенный на структурных принципах, и сделает понимание этимологии наиболее содержательным, стирая границу между научной и «народной» этимологией [Топоров 2005, с. 30].

Среди диалектных номинаций мифологических персонажей народная этимология встречается возвучных названиях *доброхóт* и *доброхóдушка*. В действительности они имеют различные корни. Так, *доброхóт* – буквально ‘добро хочет’, а *доброходушка* – ‘добро ходит’, т.е. в первом случае мифологический персонаж приносит добро в дом, а во втором – сам является олицетворением добра.

Примером народной этимологии может служить наименование *большак*, образованная от прилагательного *большой*. На первый взгляд может показаться, что данная номинация домового указывает на размер мифологического персонажа. Однако в крестьянской традиции так называли главу семьи. Подтверждением этому являются слова из свадебной песни: *Большаком он был в дому да настоятелем. На крестьянскую работу разрядителем* [СРНГ, т. 3, с. 86].

3.5.3. Фольклорные тексты

Ещё один источник символического значения – это текст фольклорного произведения. В таком случае символ актуализируется в речи в полном

объёме (означающее и означаемое вербализованы) или частично (означаемое имплицитно).

Приведём в пример былички «Домовой заранее знал»: *Этот случай у нас был давно уже. Поженились одни а через месяц война началась. Мужа тут же забрали а жена одна осталась. Никаких вестей от него не было: а как тут – оккупация вскоре разруха! А как немцы-то ушли тут ей домовой показался. Испугалась она вначале а потом и спрашивает: – К худому иль к доброму батюшка кажешься? – К доброму внученька к доброму. А через неделю получила она письмо от мужа из госпиталя: жив мол скоро приедет на побывку. Приезжал он тогда неделю гостил – вот бабе счастье-то подвалило! У других-то мужики и без вести иной раз пропадали. тут как складно-то получилось – прямо в точку! Домовой-то видно заранее знал. Правильно тогда сказал – так получается [Глебова 2011, с. 296-297].*

В данном тексте домовой выступает в качестве символа судьбы, предсказывая будущие события хозяйке дома. В то же время в другой быличке «Страху натерпелась» тот же самый персонаж символизирует смерть, приходя к людям по ночам и пытаясь их задушить: *Вот. Легла я спать – ещё и не заснула, а так – дремала. Вдруг навалилось мне что-то на грудь: прям не вздохнуть – не выдохнуть. Хочу встать а тело-то прям отвердело не пошевелюсь. Чую: смертушка моя пришла. Тут вдруг ка-ак вырвется из меня: – Господи спаси меня сохрани и помилуй! Отдышилась после этого кое-как. А самой так плохо так плохо что прям не передать. Вот: что это было? Я на сердце тогда подумала. А бабка наша так та прямо на домового указала: только он де так наваливается – не иначе. Да кто ж точно-то знает: домовой – не домовой?! Но страху я тогда точно натерпелась [Глебова 2011, с. 60].* В пословице «Леший пошумит – домой не пустит; водяной пошумит – утопит» [ПиПРН, т. 2, с. 337] леший выступает как символ обмана, коварства, так как он путает людей, приходящих в лес, и не позволяет им вернуться домой, вынуждая плутать

по лесу. Водяной же предстаёт символом смерти, топя людей в своих водах.

Согласно народным суевериям, на Покров Пресвятой Богородицы, 14 октября, лешие, наслаждаясь последним днём свободы перед «спячкой» до весны, ломают деревья, кусты, кричат, распугивая всех вокруг. В связи этим люди не ходят в лес в этот день и говорят: *Леший — не свой брат переломает косточки не хуже медведя!* [СРС, с. 254]. В данном случае леший является символом болезни или смерти. Это значение не вербализовано, но следует из фразеологизма *переломать косточки* [Фёдоров 2008, с. 462].

Таким образом, фольклорный текст актуализирует то или иное символическое значение – сему в составе семемы. Оно может быть выражено эксплицитно (вербализовано) или имплицитно (предполагается с большой очевидностью).

3.5.4.Ландшафтные и гидрологические особенности местности, а также данные об этологии некоторых птиц и животных

Помимо вышеперечисленных источников символического значения мы также уделяем внимание данным этнографии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов, так как полагаем, что для понимания значения именно диалектного слова они играют важнейшую роль. Уникальность таких диалектизмов состоит в том, что их внутренняя форма раскрывает особенности природы того края, где эти слова были найдены.

На первый взгляд, внутренняя форма номинации *лопухόня* очевидна: она образована от слова *лопух*. Тем не менее, в северных русских говорах *лопухом* называются любые растения с крупными круглой формы листьями [СГРС, т. 17, с. 144-145]. Само слово восходит к прасл. *lop- ‘лист’. Исходя из того, что данный корень является производящим для слов *лопушистый* ‘широколистый’, *лопата лопасть* и пр., мотивирующими семами стали ‘большой’ и ‘широкий’ [ЭССЯ, т. 16, с. 69-73]. Местом обитания

мифологического персонажа *лопухоня*, по всей видимости, является река Бакланка Грязовецкого района Волог. Данная река известна медленным течением и болотистыми берегами [Карандеева 1957, с. 110-111], заполненными лопухой – кувшинками и кубышками, поэтому *лопухоня* – Вологодский водяной, обитающий среди кувшинок.

Номинация водяного *камышанов* образована от слова *камыш*. Её возникновение объясняется тем, что данный мифологический персонаж обитает в Соль-Илецком районе Оренб., который перенасыщен мелководными озёрами, заросшими камышами. Даже известные в той местности реки Урал и Илек наполняются большим количеством воды только в период весеннего половодья, в остальное время уровень воды ничтожно мал, камышами покрывается всё пространство поймы и русла [РПВ СССР, т. 12, в. 2, с. 46–49]. Подчеркнём, что данный мифологический персонаж, возможно, совмещает в себе функции и водяного, и лешего. Ведь Соль-Илецком районе нет лесов. В настоящее время поймы рек уже не существуют: они были распаханы в период освоения Целины.

Другая номинация – название водяных, лесных, домовых и пр. – *кромéиник*. Он обитает в Кадуйском районе Волог. Мы полагаем, данное наименование принадлежит водяному-картёжнику из знаменитых легенд об озёрах Кадуйского и Вытегорского районов. В частности, известно, что куштозёрский водяной постоянно проигрывал воду, рыбу и себя в кости хозяину озера Онего, после чего уходил к нему отрабатывать долг [Максимов 2006, с. 74]. Мотивирующим словом данной номинации является *кромешный* ‘ад, преисподняя’: «*Провались-ко ты в кромешный*» (*Вят. Костром.*) [СРНГ, т. 15, с. 275]. Данное слово входит в состав фразеологизма «*кромешная тьма*». Кромешными называли опричников или нечистую силу. В Кадуйском районе эта номинация возникла ввиду того, что на территории Мегорской гряды периодически исчезают карстовые озёра, в одном из которых и обитал данный мифологический

персонаж – водяной-картёжник. Периодическое исчезновение озёр связано с тем, что подземные полости, по которым течёт грунтовая вода, сообщаются с поверхностью земли. *Кромéшник*, таким образом, есть персонификация ушедшей воды и «знаток» преисподней, по которой он «ходит» и «возвращается». Отметим, что переносным значением слова *кромéшник* является ‘жадный, корыстный человек’ [СГРС, т. 6, с. 170].

Мифического червя *волосатика* в некоторых областях отождествляли с водяным, например, в Волог. В Тул. Им пугали детей, чтобы без разрешения не ходили на речку. А в Смол. распространено было суеверие о том, что *волосатик* больно кусает людей до смерти. По мнению Н. А. Криничной, волосы, как и шерсть, водяного – «знак средоточия в нем стихийной жизненной силы, физической и магической» [Криничная 2004, с. 326].

Номинация имеет праславянский корень *volsъ со значением ‘волос’ [РЭС, т. 8, с. 166]. Волос – имя славянского языческого бога, покровителя крупного рогатого скота, бога плодородия. Возможно, именно поэтому червь *волосатик* по легенде возникает из шерсти животного (лошади, коровы, реже – свиньи) или из волос человека, упавших в реку. В воде у волоса вырастает головка, и он становится живым червяком: *А он прямо вот волос небольшой а весь... и как у человека мордочка-то* (Читин.) [СГРСБС, т. 8, с. 93-95].

Внутренняя форма слова *волосатик* – метафора волоса человека или шерсти животного. Реальный червь-паразит (волосатик или конский волос) также очень тонкий и длинный (до 1,5 м). Его зоологическое название – немательминт (греч. *nema* – ‘нить’ и *helmins* – ‘червь’). Сходство с жёстким конским волосом ему обеспечивает прочная оболочка-кутикула. Этот червь-паразит живет в реках и озёрах. Однако в отличие от мифологического персонажа, реальные волосатики человеку почти не опасны: у них нет ротового отверстия и пищеварительного тракта, поэтому питаться в теле человека они не могут и паразитируют в основном в организме насекомых: кузнециках, жужелицах, стрекозах. Есть предположение, что под видом

волосатика может скрываться более опасный паразит – ришта. Этот червь, также тонкий и длинный, действительно живёт в теле человека, попав в него грязной водой перорально. Однако ришта живёт в тропиках и субтропиках Азии и Африки, поэтому на роль водяного волосатика тоже не подходит. Таким образом, *волосатик* как зооморфный образ водяного сходен с реальным червём-паразитом только внешне и является собирательным народным образом, персонифицирующим страшные и до сих пор малообъяснимые (как, например, рожистое воспаление или флегмона) инфекционные заболевания, сопровождаемые опасными симптомами [Ивашинина 2020, с. 181-186].

Итак, данные этнографии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов относятся к источникам символического значения. Они могут играть значимую роль в анализе внутренней формы диалектизмов, появившихся в определённых районах России. Уникальность исследуемых нами слов состоит в том, что в их внутренней форме «слышен» голос природы той местности, на которой были обнаружены данные слова. Следовательно, национально-культурные и когнитивные элементы слова, чувство Родины, выражаются в образах определённого животного, ландшафта или водоёма России.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. В данном исследовании центральными являются два взаимосвязанных понятия: ‘миф’ и ‘мифологический персонаж’. Под мифом мы понимание когнитивное мышление, уникальную индивидуальную и коллективную когницию, обуславливающую сферу национального менталитета; истинное повествование, в центре которого находится мифологический персонаж.

2. Многие фольклористы, этнографы и лингвисты, обращаясь к номинациям мифологических персонажей, в большинстве своём

анализируют отдельные номинации. В трудах, где номинации рассматриваются системно, мифологические персонажи классифицируются по тематическому и культурологическому принципу.

3. Мы рассматриваем номинации мифологических персонажей как лексемы с многоаспектной структурой ЛЗ. К компонентам такой лексемы традиционно следует относить денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Денотат диалектных номинаций мифологических персонажей назвать нулевым можно лишь в том случае, если иметь в виду факт отсутствия такого референта (существа, предмета) в реальной действительности. Денотат мифологической лексики порождён народной фантазией и представляет собой совокупность эмпирических признаков, часто являющихся результатом олицетворения и персонификации – главных маркеров мифологического мышления. Источниками коннотации диалектного слова являются оценочная корневая морфема, экспрессивные деминутивы, энантиосемия и оксюморон.

4. Мы разделяем точку зрения ряда учёных о расширенном составе микрокомпонентов коннотации ЛЗ и включаем семы национальных гендерных стереотипов, а также семы, отражающие этнографические, зоо- и этологические факторы, данные географии ландшафта и гидрообъектов. Таким образом, помимо традиционных микрокомпонентов в состав коннотации мифологемы входит: внутренняя форма слова (В. Н. Телия, Ю. Д. Апресян, Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова), символическое значение слова (В. А. Маслова, Н. Г. Комлев, Р. Г. Давлетбаева, З. Д. Ханова), социальные семы, полученные в результате индивидуальной или групповой дифференциации общества, в том числе и гендерные (Е. М. Сторожева, Г. В. Говердовский), этнографические, зоо- и этологические факторы, а также данные географии ландшафта и гидрообъектов.

5. Экспрессивность в ЛЗ номинаций мифологических персонажей выражается с помощью словообразовательных формантов, или суффиксов,

имеющих уменьшительное, уменьшительно-экспрессивное, экспрессивное и экспрессивно-ласкательное значения. Помимо этого, нами были обнаружены номинации мифологических персонажей с положительной и отрицательной оценками, а также номинации, имеющие энантиосемию и оксюморон в ЛЗ.

6. Являясь компонентом коннотации, внутренняя форма слова – осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем (Алефиренко) или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации (Потебня, Лосев, Флоренский) и задающие определённый способ построения заключенного в данном слове концепта (Колесов).

7. Как компонент коннотации символическое значение – это отражающее определённую мифологическую систему (Якушевич) абстрактное значение (Колесов, Якушевич), которое получено в результате означения перцептивным образом или его деталями некоей метафизической реальности, не познанной человеком (Шелестюк, Якушевич).

8. Среди диалектных номинаций мифологических существ мы обнаружили следующие источники символического значения: внутренняя форма, народная этимология, фольклорные тексты, а также ландшафтные и гидрологические особенности местности, данные об этологии и некоторых птиц и животных.

ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ НОМИНАЦИЙ ДОМОВОГО, ЛЕШЕГО И ВОДЯНОГО

В данной главе рассматриваются основные принципы типологии диалектных номинаций мифологических существ в фольклорных (Н.А.Криничная, Т.Г. Голева, Л.Н. Виноградова, О.Ю. Николенко, Н.А.Файлерт) и лингвистических (О.А. Черепанова, Е.Л. Березович, Хань Цзинхуэй) исследованиях. Систематизированы диалектные номинации домового, лешего и водяного в разных регионах России на основе внутренней формы, гендерного стереотипа (А.В. Кирилина, Л.В. Маркина) и символического значения.

2.1. Основные принципы классификации названий мифологических персонажей в лингвистических исследованиях

В фольклорных исследованиях основной принцип классификации мифологических персонажей – тематический. Известны классификации мифологических персонажей Н. А. Криничной [Криничная 2004], Т. Г. Головой [Голева 2008], Е. Е. Левкиевской, Л. Н. Виноградовой [Левкиевская, Виноградова 2010-2019], О. Ю. Николенко, Н. А. Файлерт [Николенко, Файлерт 2014] и др. Авторы, как правило, создают лексико-семантические группы, объединённые одной из архисем.

Так, Н. А. Криничная, анализируя былички, бывальщины, легенды и поверья о различных мифологических персонажах, разделяет их на два типа: духи-«хозяева» (покровители территорий: *водянóй*, *лéший*, *домовоý* и сопряжённые с ними персонажи) и властители мироздания (божества судьбы, люди с магическими способностями: *знахари*, *колдуны*, *вéдьмы* и т.д.). Согласно мнению автора, важнейшей хозяйственной постройкой была баня, поэтому её хозяин – *баénник* – открывает **первый тип** мифологических персонажей. Продолжают ряд этого типа персонажей домовой (*дворовоý*, *хлéвник*, *ови́нник*, *ригáчник* и пр.), леший (*дáдя*, *навъ*, *дéдушко* и пр.) и

водяной (*мельник*, *водяница*, *навной* и пр.). **Второй тип** мифологических персонажей включает чародеев (*чародейка*), ведунов-зелейников (*вецун*, *вецница*, *вецель*, *ведунья*) и оборотней (*ведьма*, *векишица* и пр.) и пр. [Криничная 2004].

Т. Г. Голева составила классификацию мифологических персонажей в зависимости от мировоззрения и образа жизни коми-пермяков. Так, в **первую группу** входят мифологические персонажи, отражающие привычную деятельность народа: охоту (*вёрись*, *вёрисьинька*), рыболовство (*ваись*), земледелие (*вуншёрика*, *обороника*), животноводство и пастушество (*суседко*, *суседушко-батюшко*), мельничное (*шулюкун*, *мельникишишуюма*) и кузнечное (*кузничачуды*, *чуды*, *черти*) дела, строительство (*вёрись*) и новоселье (*кикимора*, *суседко*, *суседка-братан*, *нянь кётан*), домоводство и прядение (*суседка*). **Вторую группу** составляют персонажи, связанные с обрядами жизненного цикла: рождением и крестинами (*некодя*, *ичетики*, *выгдул-лоза*, *кутыси*, *тёдись*), свадебными обрядами (*вежливец*), проводами в солдаты, представлениями о смерти и похоронно-поминальной обрядностью (*ены*, *каляны*, *тёдись*) [Голева 2008].

Соавторы Е. Е. Левкиевская и Л. Н. Виноградова представили в четырёх томах полевые материалы по народной демонологии из украинского и белорусского Полесья и ближайших южнорусских областей [Левкиевская, Виноградова 2010-2019]. В соответствии с собранными текстами авторы делят мифологических персонажей на несколько категорий. К **первой категории** относятся люди со сверхъестественными способностями: ведьма (*знахárка*, *чародéйка*, *колдунка*, *ворожса* и пр.), колдун (*ведьмáч*, *чарóвник*, *чорнокníжник*, *чухмáр* и пр.), колдунья (*колдунíха*, *колдунíца*, *чародéйница*, *ворожса* и пр.), залом(*завýтка*, *закrúтка*, *завъязка*, *ку́кла* и пр.), знахарь (*шептúн*, *дед*, *дéдушка* и пр.), знахарка (*бáбка*, *бáбушка* *шептúха* и пр.), волколак (*вовкулак*, *вовколáк*, *вукодлáк* и пр.). В эту группу входят колдуны –

представители разных профессий (гончары, мельники, пастухи и пр.), а также «чужие» (нищие, цыгане и пр.).

Вторую категорию составляют умершие души. Авторы полагают, что именно душа является проводником в иной мир, и рассматривают различные виды душ: *покойники, деды, умершие некрещёными дети, ходячие покойники, самоубийцы и русалки*.

Третья категория посвящена слабо персонифицированным мифологическим существам. Например, персонификацией страха являются *страх, ляк, ляки, ляковка, пужайло, пужака, пужайка, зданки* и пр. Персонажи-устрашители – существа, относящиеся к традиционной полесской мифологии (*русалка, чёрт, ведьма, знахарь, домовой, топельник, волколак, дикие люди* и др.), детские персонажи-устрашители (*баба, железнная баба, баба Агата, баба Яга, голобаба, дед, дядька, бабай* и др.) и социальные и этнические чужаки (*цыган, цыганка, еврей, поп* и др.).

Стоит отметить, что авторы только одно явление рассматривают отдельно и не включают ни в одну из групп – вихрь (*лихий круйтит, лихе кружит, нечисты крутить, чёрты крутять* и пр.).

О. Ю. Николенко и Н. А. Файлерт предлагают другой принцип классификации – культурологический, с точки зрения генезиса сверхъестественных существ. **Первую группу** составляют языческие сказочные герои, представляющие дохристианскую славянскую мифологию: *леший, домовой, водяной, русалка, Баба-Яга* и пр. Ко **второй группе** относятся античные персонажи: *муза, титан, кентавр, василиск* и пр. **Третью группу** представляют мифологические персонажи иудео-христианского и европейского оккультизма: *дьявол, бес, дух, дракон, единорог* и пр. **Четвёртая группа** – *джинн, гурия* и пр. – относятся к восточно-мусульманской мифологии. Отдельно исследователи выделяют лексемы обобщённого значения (*божество, бог* и пр.), и лексемы, обозначающие людей, имеющих сверхъестественные способности (*маг,*

колдун, *вёдьма* и пр.) [Николенко, Файлерт 2014]. Описанные выше фольклорные классификации мифологических персонажей будут учтены и в нашей диссертации.

Лингвистических исследований, в которых систематизируются диалектные номинации мифологических персонажей, значительно меньше. Этому посвящены труды О. А. Черепановой [Черепанова 1983], Е. Л. Березович [Березович 2007] и Хань Цзинхуэй [Хань Цзинхуэй 2012].

Особое значение для нас имеет диссертация профессора О. А. Черепановой. Учёный выделяет 5 типов мифологических существ по степени их фантастичности и характеру ирреального признака [Черепанова 1983]. К **первому типу** относятся повелители, хозяева, персонажи, связанные со временем, и протекторы. В частности, повелители – это некие божества, распорядители вод, лесов, зверей. Верховный правитель, бог, противопоставлен боженятам. Кроме того, в классификации учитывается специализация богов: *бог под землёй*, *бог над землёй*, *бог детиной*, *волосатик-бог* и пр. Между повелителями и следующим типом мифологических персонажей, хозяевами, находятся цари: *царь лесной*, *царица небесная*, *царь дорожный* и пр.

Духов-хозяев О. А. Черепанова распределяет по сферам обитания: дом (*домовой*, *дворовой*, *запечник* и пр.), вне дома (*лесной*, *блуд*, *зыбочник* и пр.), ниже земли (*подземный царь*, *водоильник*, *мельник*, *царь морской* и пр.), выше земли (*ветренник* и пр.). Отдельного внимания заслуживают персонажи, персонифицирующие время: *полуночник*, *долудница*, *дённик* и пр. Есть персонажи-протекторы, выполняющие функции указателей, распределителей в разных сферах хозяйственной деятельности – земледелии, скотоводстве, промыслах и в их сезонной цикличности: *Лукá-залётчик*, *Сергéй-курятник* и пр.

Ко **второму типу** относятся мифологические персонажи – источники зла. В первую очередь, это названия чёрта: *бес*, *чёрт*, *сатана*, *дьявол* и пр. В

номинациях некоторых низших существ христианские названия сочетаются с народными эпитетами: *чёрт подпольной*, *бес полуденный*, *дедка водяной дьявол* и пр. Этому типу принадлежат и члены семьи мифологического персонажа (*бесенята*, *бесиха*), табуистические названия чёрта (*лукавый*, *некошной*, *некошиха* и пр.), а также имена собственные, называющие духа зла (*Сенахия*, *Елизда*, *Дайл*, *Мардикия* и пр.). В группу включены названия нехристианского чёрта: *оагаль*, *мёrek*, *куд* и пр. Отдельный подтип составляют духи-персонификации болезней: *оспа Ивановна*, *икота Васка*, *холера*, *коровья смерть* и пр.

Третий тип включает персонажей-помощников, являющихся порождением культа предков: ожившие покойники и приведения (*стень*, *ерётник*, *игоша* и др.). Они попали в категорию нечиисти, так как были некрещёными. В этом скрыт корень амбивалентности этих существ. Культ предков является важной семантической доминантой домового, водяного и лешего.

Четвёртый тип составляют персонажи-устрашители. Они или покровительствуют человеку, или приносят ему вред. Самую большую группу составляют персонажи, для которых устрашение является единственной функцией (*кока*, *бомка*, *мёка* и пр.). Названия устрашителей смешиваются с номинациями низших существ: *бука*, *букарыца*, *буканушка*, *воза*, *рояля* и пр.

В пятый тип мифологических персонажей входят номинации тех существ, у которых ведущая функция или признак прямо не называется, а всё внимание уделяется второстепенным признакам: *любостай*, *шишика*, *чёрт* и пр.

Е. Л. Березович рассматривает мифологических персонажей с точки зрения пространства в русской языковой традиции. Так, исследователь выделяет три группы мифологических существ, во внутренней форме номинаций которых заложена пространственная характеристика: типовая

ландшафтная реалия (*лес, леши́к, болотник, горный* и пр.), единичная ландшафтная реалия (*патроми́ха, чудни́ца* и пр.) и абстрактная, неопределенная пространственная характеристика (*вольны́й, вольно́й* и пр.). Внутренняя форма номинаций является в нашем исследовании ведущим принципом систематизации, так как именно в ней заложена основная идея обоснования сущности персонажа.

Другая классификация мифологических персонажей принадлежит Хань Цзинхуэй, которая выявляет наиболее употребительные русские номинации мифологических существ на фоне китайского языка. Классификация этого автора определяется местом обитания мифологического персонажа и отрезком времени. В её исследовании фигурирует следующая типология: домашние духи (*домово́й, кикимора*), небесные духи (*жар-пти́ца, Змей Горы́ныч*), водные духи (*водяно́й, руса́лка*), лесные духи (*леши́й, ве́дьма, Бáба-Ягá*), духи без определённого места обитания (*Кошéй Бессмéртный*), временные и сезонные духи (*полунóчник, ржани́ца* и др.) [Хань Цзинхуэй 2012].

Автор выявляет внутреннюю форму номинаций, рассматривает их содержательную сторону на основе словарных дефиниций, прослеживает синтагматические и деривационные связи номинаций в языке и выявляет лингвокультурологические различия в русской и китайской языковых картинах мира.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что известные нам фольклорные классификации мифологических персонажей строятся по тематическому (Н. А. Криничная, Т. Г. Голева, Е. Е. Левкиевская и Л. Н. Виноградова) и культурологическому (О. Ю. Николенко, Н. А. Файлерт) принципам. Мы полагаем, что авторы пытались определить закономерность существования персонажей и объединить их номинации в группы, основываясь на лексическом значении слов и их общей архисеме.

В лингвистических классификациях (О. А. Черепанова, Е. Л. Березович, Хань Цзинхуэй) внимание также уделяется тематическому принципу, однако основным критерием является внутренняя форма наименования.

Отметим, что лингвистических классификаций диалектных номинаций мифологических персонажей в настоящее время крайне мало, и они требуют дальнейшего исследования.

2.2. Типология номинаций домового, лешего и водяного по внутренней форме слова

2.2.1. Типология номинаций домового по внутренней форме слова

В данном исследовании именно внутренняя форма стала критерием классификации номинаций мифологических персонажей, так как в большинстве случаев она является единственной характеристикой образа. Внутренняя форма содержит информацию, которая была забыта или утеряна, и, следовательно, играет важную роль для формирования сигнификата. Особое внимание этому вопросу было уделено в **Главе 1**.

Главный критерий соотнесения мифологических персонажей к категории «домовой» – определение «домовой» в словарной статье диалектного словаря, а также определения «мифический персонаж», «добрый или злой дух», «нечистая сила», «сверхъестественное существо» с указанием на характеристики:

- 1) Место обитания – пространство, освоенное человеком (дом, домовые постройки, огород и пр.) [Байбурин 1983, с. 18].
- 2) Мифологический персонаж является предком человека [Левкиевская 2000, с. 276].
- 3) Мифологический персонаж является духом огня, хранителем домашнего очага [Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 106].

Нами были выделены следующие группы номинаций домового по внутренней форме: ‘локация’, ‘родство’, ‘действие’, ‘оценка’, ‘внешность’, ‘табуистический характер домового’, ‘таксис’.

I. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘локация’

В представлении славян пространство имеет символическую организацию. В первую очередь, его делили на своё (внутри дома) и чужое (за пределами дома), что символизировало этот мир и потусторонний. А. К. Байбурин, описывая пространство восточных славян, ввёл понятие «освоенности» и объяснил его так: «Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что к сфере освоенного относится не просто всё то, что подверглось изменениям вследствие вмешательства человека в область «природы», но получившее при этом некоторое «избыточное» (с точки зрения оценки физических свойств объекта) содержание, необходимое для включения этого объекта в простейшие классификации, без чего он также не может считаться освоенным» [Байбурин 1983, с.18].

С позиции мифологического мышления дом является центром мира. Пространственные границы вне его пределов расходились концентрическими кругами: 1. Дом. 2. Двор, усадьба. 3. Изгородь, ворота, калитка. 4. Улица в деревне. 5. Граница деревни. 6. Пашня, луг за деревней. 7. Окрестности деревни. 8. Дорога около деревни [Якушевич 2018, с. 31]. По степени отдаления от центра «своё» пространство переходит в «чужое» (природное). Так, чем дальше от центра, печи, тем признаки домового становятся слабее [Белова 2002, с. 425-426]. Для нашего исследования важны три концентрические окружности – дом, двор, поля. Концентрические круги пространства домового представлены на **рисунке 4**.

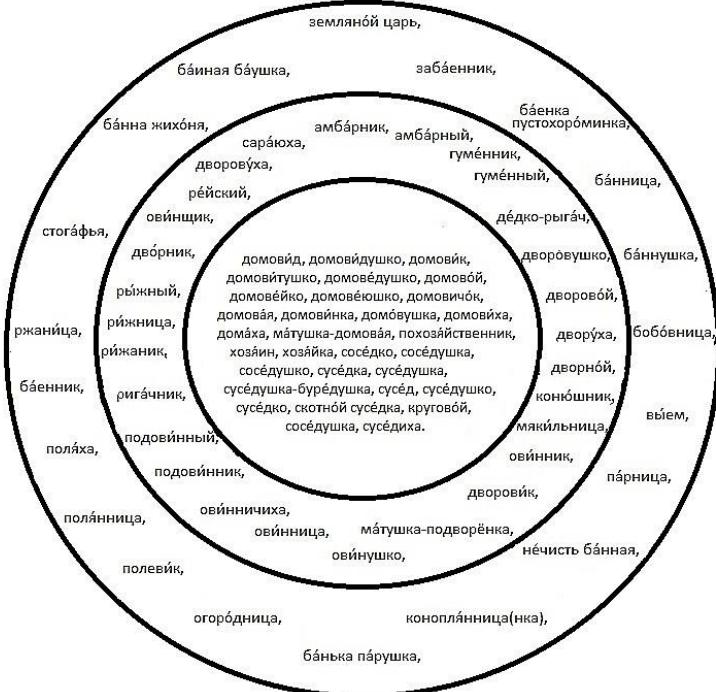

Рисунок 4. Концентрические круги пространства домового

В первую группу входят диалектные названия домовых, обитающих в доме и прилегающих к нему дворовых постройках, а также освоенных угодьях для хозяйственных нужд: в огороде, в саду, в поле, т.е. в местах, буквально спасавших людей от голода. Для того, чтобы получить богатый урожай, люди с особым трепетом выращивали различные культуры, при этом проводя специальные ритуалы и обряды. Поле отнимало большое количество времени, в связи с чем нередко в поле не только работали, но и ели и даже рожали [Барановы, Зимина 2005, с.41].

Номинации *домово́й* (Томск.) [ВС, т. 2, с. 150], *домо́вушка* (Урал.) [СРНГ, т. 8, с. 121], *домовáя* [СГП, т. 1, с. 183], *мáтушка-домовáя* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 254], *домовéдушка* (Симб.) [СРНГ, т. 8, с. 119], *домовíд* (Волог.) [СРНГ, т. 8, с. 119], *домовíдушко* (Волог., Самар.) [СРНГ, т. 8, с. 119], *домовíк* (Новг., Олон., Калуж., Орл.) [СРНГ, т. 8, с. 119], *домовíнка*

[СРГСУ, т. 1, с. 141], *домовитушико* (Ворон., Костром.) [СРНГ, т. 8, с. 120], *домовейко* (Арх.) [СГРС, т. 3, с. 248], *домовёюшко* (Арх.) [СГРС, т. 3, с. 248], *домовичок* (Волог.) [СГРС, т. 3, с. 249], *домовиха* (Волог.) [СГРС, т. 3, с. 249], *домаха* (Смол.) [СРНГ, т. 8, с. 117] имеют общую мотивирующую основу – *дом-*. Внутренняя форма раскрывает основное значение номинаций: ‘относящийся к дому’. Экспрессивные суффиксы (-ушк-, -юшк-, -инк-, -ик-, -чок-, -к(о)-) подчёркивают уважительное отношение к духу дома, а суффиксы -ах-, -их- придают номинациям значение женского пола [CCA, с. 111]. Приведём примеры из речи респондентов: *Старушка-домовушка* живёт. *Маша была дома и пела песни. Из-за печки вылезла домовушка* и сказала: «Перестань!» *Маша закричала, а старушка испугалась и обратно за печку убежала* [Криничная 2004, с.141] // *Домовитушико* давит во время сна; как шар какой прикатится и прямо на грудь [СРНГ, т. 8, с. 120].

Хозяин [СВГ, т. 11, с. 199], *похозяйственник* [БТСДК, т. 413] *хозяйка* [СВГ, т. 11, с. 199], являющиеся производными от *хозяя* ‘господин’ [ЭСРЯ1, с.479] называют персонажей, имеющих власть в доме. Приведём примеры: *Пахазаяствиник* весь пух на козах спутал [БТСДК, с.413] // *Хозяин-то наш шалить стал много. То дверью скрипнет, то посудою громыхнёт* // *Иной раз цюю, на пеце кто-то постукивает эдак-то: тук-тук. То хозяин хозяйку греться зовёт* [СВГ, т. 11, с. 199] // *Хозяин, хозяин! От нас нятивайся, пайдём с нами у новаю жилишишу* [Криничная 2004, с. 232].

Соседко (Влад., Перм., Вят.) [СРНГ, т. 40, с. 41], *соседка* (Якут.) [СРНГ, т. 40, с. 41], *сосед* (Вят.) [СРНГ, т. 40, с. 41], *соседушка* (Нижегор., Тобол., Свердл.) [СРНГ, т. 40, с. 42], *соседушко* (Вят. Свердл.) [СРНГ, т. 40, с. 42], *суседиха* (Перм.) [СРНГ, т.42, с. 295], *суседка* (Вост.-Сиб.) [СРНГ, т. 42, с. 295], *суседушка* (Костром., Свердл., Ср. Урал., Иркут.) [СРНГ, т. 42, с. 297], *сусед* (Ленингр.) [СРНГ, т.42, с. 295], *скотной суседка* (Енис.) [СРНГ, т. 38, с. 117], *суседушко* (Перм., Арх., Сев.-Двин., Костром., Свердл.) [СРНГ, т. 42, с. 297], *суседко* (Сиб., Север., Арх., Волог., Новг., Костром., Вят., Киров.,

Перм., Оренб., Свердл., Тобол., Тюмен., Новосиб., Кемер.) [СРНГ, т. 42, с. 296] – духи, обитающие в доме. Происхождение данных номинаций, описанное на стр. 65, даёт все основания отнести их к группе ‘локация’. В них также присутствуют экспрессивные суффиксы (-к(о)-, -ушк-) и суффикс, придающий значение женского пола –их- [CCA, с. 111]. Приведём примеры из речи респондентов: *Конь ко двору пришёлся: соседко колтун сколтунил* [ПиПРН, т. 2, с. 389] // *Поздно вечером видели, как соседиха, вся обвшанная картошкой, насобираанной на нитку до самого пола, тоже вслед за ними переходила* [Криничная 2004, с. 235] // *Сплю-де и слышу — жужжит веретено, а кто прядёт у меня, боюсь посмотреть. Подняла голову, а там женищина сидит, соседка-то* [Криничная 2004, с. 488].

Круговой – домовой [CCГ, т. 5, с. 112]. Мотивирующая основа этого мифологического персонажа — -круг-. Мы связываем данную лексему с концентрической организацией пространства вокруг дома. Находясь на своей территории, он оберегал дом. Пример: *А у доми ищё кругавой живётъ* [CCГ, т.5, с. 112].

Погребница-пыхтёлка (Сев.-Двин.), по суеверным представлениям, обитает в погребе и пожирает людей [СРНГ, т. 27, с. 312]. Внутренняя форма данной номинации определяется через этимологическое значение: *погреб* – производное от *погребати* ‘копать’. Погреб буквально – выкопанная и покрытая яма [ЭСРЯ1, с. 346]. Любопытно, что, по мнению некоторых исследователей, все отверстия в доме (дымоход, двери, окна, чердак, подполье) являются «вратами» в мир иной. Погреб, или подпол, не исключение [Криничная 2004, с. 180]. Слово *пыхтёлка* происходит от глагола *пыхтеть*, восходящего к звукоподражательному *пы* [Фасмер, т. 3, с. 421]. Внутренняя форма слова указывает на тот факт, что данный мифический персонаж издаёт звуки, вроде «пых», т.е. пыхтит: *Пыхтелка зла не делает человеку, только спать не даёт ему, всё пыхтит вот так: пых-пых-пых* [СВГ, т. 6, с. 116].

Другим излюбленным местом домового является печь. *Запечельница* [СРГК, т. 2, с. 173], *запеченник* (Арх.) [СРНГ, т. 10, с. 315], *запечнушко* (Волог.) [СГРС, т. 4, с. 153], *калёная пёчка* (Свердл.) [СРНГ, т. 27, с. 7], *печая* (Эст.) [СРНГ, т. 26, с. 346], *печной хозяин* (Мурман.) [СРНГ, т. 27, с. 9], *подпёчник* [СРНГ, т. 28, с. 135] обитают на печи или за ней. Номинация *запечнушко* имеет уменьшительно-ласкательное значение благодаря экспрессивному суффиксу *-ушк(о)-*. Приведём примеры: *А за печкой жила запечельница, и говорят: положи пряжу, благословясь, а то придёт запечельница* [СРГК, т. 2, с. 173] // **Печая не любит, когда ночью топят.** *Она хозяйка печки* [СРНГ, т. 26, с. 346] // **Калёная печка** *поймает тебя* [СРНГ, т. 27, с. 7].

В припечном пространстве расположен голбец – невысокий ящик у русской печи, имеющий горизонтальную опускающуюся дверь, или чулан со спуском в подполье [Криничная 2004, с. 143]. Там обитали *подпольник* (Пудож. Олон.) [СРНГ, т. 28, с. 145] и *голбёшный* [СПГ, т. 1, с. 168]. Слово *голбец* заимствовано из др.-сканд. *golf* ‘пол, отделение’ [Фасмер, т. 1, с. 427]. Приведём пример: *Ночью в голбец-от не ходили, голбешного боялись* [СПГ, т. 1, с. 168].

Углы дома имели сакральное значение. В четырёхугольной структуре крестьянского жилища углы именовались так: *передний* (мужской), *печной*, *куть* (женский) и *задний*, или *дверной* [Агапкина 2011, с. 15]. *Куть*, или *бабий кут* [Рябцев 1997, с. 218], считался сугубо женским углом, так как там располагалось всё необходимое для приготовления пищи. По народному поверью, в этом углу обитала *кути́нья* (Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 16, с. 169]. Слово *кути́нья* образовано от общеслав. **kotъ* ‘угол, укрытие’ [ЭСРЯ, т. 8, с. 460].

В сенях обитал *сенно́й* (Калин.) [СРНГ, т. 37, с. 167]. Сени — общеславянское слово со значением ‘тень, защита’ [Фасмер, т. 3, с. 602]. По мнению А. К. Байбурина, сени являются своеобразным мостиком,

переходной зоной между домом и двором [Байбурин 1983, с. 139]. Пример: *Не ходи в сени, а то заберёт сенной* [СРНГ, т. 37, с. 167].

Иногда сени назывались ещё и сараев [СВГ, т. 9, с. 93]. Сарай охраняет *сараяху* [СВГ, т. 9, с. 94]. Данное слово происходит от персидского *sarai* ‘дом, дворец’ [Фасмер, т. 3, с. 560], а суффикс *-юх-* придаёт значение женского пола. Пример: *Эта, видно, сараюха скреблась* [СВГ, т. 9, с. 94].

В кладовке обитали *кладовик* [СРНГ, т. 13, с. 258], *кладовой* [ОСВГ, т. 5, с. 47] и *байдарошник* [СРГЮП, т. 1, с. 36]. Мотивирующая основа — *клад* ‘то, что положено’ [ЭСРЯ, т. 8, с. 144]. Слово *байдарка* впервые встречается в САР в 1789 году [САР, т. 1, с. 83]. Оно образовано от заимствованного из тюркских языков сущ. *бадъя* ‘лодка’ [ЭСРЯ, т. 2, с. 12]. Лодки, как и другие ценные вещи, крестьяне хранили именно в кладовке, отчего там поселился названный дух. Приведём пример: *Байдарошник в байдарке живёт, вон кладовочка* [СРГЮП, т. 1, с. 36]. Вероятнее всего, появление такого духа, как *байдарошник*, свидетельствует о важности для местных жителей рыболовецкого промысла на Каме и её притоках.

Визуальное расположение домового в русской избе можно наблюдать на **рисунке 5**.

По мнению многих учёных [Ушаков 1896; Успенский 1952; Померанцева 1975], пространство домового не ограничивается только домом. Оно включает в себя ещё и прилегающие к нему локации: двор, овин, сараи, огороды, даже поля, т.е. все места, освоенные человеком и используемые в хозяйстве.

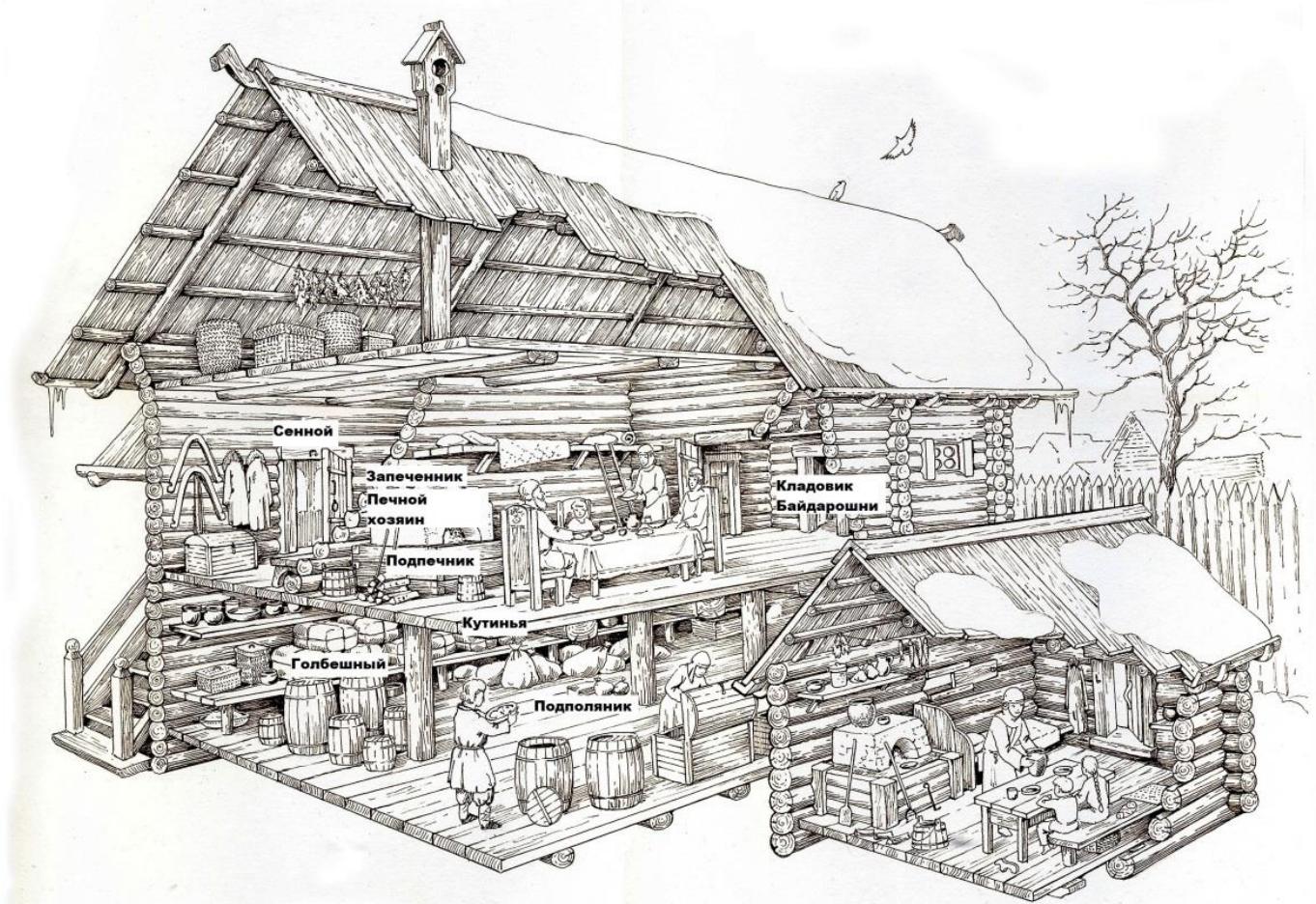

Рисунок 5. Мифологические персонажи в русской избе

Двор охраняют такие духи, как *дворнóй* [АОС, т. 10, с. 338], *дворово́й* [СГП, т. 1, с. 167], *дворóвушко* [СВГ, т. 2, с. 13], *дво́рник* [СВГ, т. 2, с. 12], *мáтушка-подворёнка* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 254], *дворовíк* (Пск.) [СРНГ, т. 7, с. 300], *дворовúха* (Арх.) [АОС, т. 10, с. 339], *двору́ха* (Арх.) [АОС, т. 10, с. 339]. Мотивирующая основа *двор* имеет индоевропейский характер. Интересно, что *двор* и *дверь* обладают одним корнем, т.е. двор – то, что находится за дверьми, воротами [ЭСРЯ, т. 5, с. 28]. Диалектизм *мáтушка-подворёнка* получила уменьшительное значение (суффиксы *-уик-*, *-ёнк-*).

Приведём примеры: *Дядя дворовой, приходи ко мне, не зелен, как дубравный лист, не синь, как речной вал, приходи таким, каков я, — а я тебе Христовское яичко дам!* [ССМ, с. 120] // *Хозян-от у меня последние денёчки*

доживал. Тогда я и слышала, как *двороушко* плачет // На неё навалилась тягость какая-то. Она и спросила: «**Батюшко дворовушко**, к худу или к добру?» Он как ухнёт! А поутру она встала да пошла — её параличом и розбило [СВГ, т. 2, с. 13].

Мякильница (Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 19, с. 77], по народному поверью, есть дух плодородия и достатка, обитающий в помещении, где хранится мякина — отходы, получаемые при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков, льна и некоторых других культур [НСРЯ, т. 1, с. 894]. Переработав остатки, крестьяне получали дополнительный корм для скота. Хранилась мякина в мякиннике, защищающем её от дождей и снега.

Амбар — строение для хранения зернового хлеба, муки и др. [ТСЖВЯ, т. 1, с. 12], что подтверждает его внутренняя форма: заимствовано из перс. *anbār* ‘сарай, кладовая’ [Фасмер, т. 1, с. 75]. В амбаре обитали *амбáрник* (Арх.) [СРНГ, т. 1, с. 251] или *амбáрный* (Яросл.) [СРНГ, т. 1, с. 251].

Хлеб молотили на гумне [ТСЖВЯ, т. 1, с. 362]. Данное слово образовалось из двух корней **gi-* ‘говядина’ и **tъnti* ‘мять’. Так появилось значение ‘место, где скотина мнёт, топчет скошенный хлеб’ [Фасмер, т. 1, с. 474]. Гумно оберегали *гумéнник* (Пск., Новг., Смол., Перм.) [СРНГ, т. 7, с. 228] или *гумéнный* (Арх., Новг., Волог., Пск., Смол., Енис.) [СРНГ, т. 7, с. 229]. Приведём примеры: *Девушки (под новый год) ходят в баню или на гумно, чтобы гуменный или военный погладил голую часть тела* [СРНГ, т. 7, с. 229] // *Гуменник мохнат — крестьянин богат* [КЭСМ, с. 221].

Изменчивый климат не позволял крестьянам поддерживать хлеба постоянно сухими. Поэтому для хранения зерна и муки использовали специальное помещение — овин. Его оберегали такие духи, как *овíнник* [CCГ, т. 7, с. 148], *овíнник* (Волог., Новг.) [СРНГ, т. 22, с. 299], *овíнница* (Арх.) [СРНГ, т. 22, с. 299], *овíнничиха* (Арх.) [СРНГ, т. 22, с. 299], *овíнушко* (Арх.) [СРНГ, т. 22, с. 299] *подовíнник* (Новг., Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 28, с. 109], *подовíнный* (Мурман.) [СРНГ, т. 28, с. 109]. Номинации образованы с

помощью мотивирующей основы *овин*, суффиксов, указывающих на лицо, производящее действие (-*щик*-, -*ник*-, -*их*-), диалектизм *овинушко* – спомощью диминутивного суффикса -*ушк(о)*-, придающего ему ласкательное значение. Примеры: *Пъд празник гнали тарелку в авине, а нада была малица, нас так выпужжу авинишишк, къмнями стау кидаца, чуть убегли* [CCГ, т. 7, с. 148] // *Овин, ты, овин, возьми мой утин, а не возьмёшь утина, сожгу тебя, овина* [СРНГ, т. 22, с. 299] // *Овинник умеет лаять по-собачьи и, когда удаётся ему напакостить мужикам, хлопает в ладоши и хохочет не хуже лешего* [КЭСМ, с. 383].

Многие исследователи указывают на любовь духа дома к лошадям [Криничная 2004, с. 120]. Поэтому одна из его излюбленных локаций – конюшня. Отсюда номинация *конюшник* [СРНГ, т. 14, с. 278]. О существовании данного мифологического существа свидетельствуют поговорки, записанные В.И. Далем: *Есть домовые одиночки, есть сдружливые, пускающие во двор гуменника, сарайника, конюшника и пр. Домовой лешему ворог, а полевой знается и с домовым, и с лешим* [ПиПРН, т.2, с. 389].

Огород и сад – те места, которые не позволяли крестьянам голодать, но занимали много времени и сил. Люди верили, что *огородница* [СРГЮП, т. 2, с. 221] защищает их плоды от бед. Номинации *бобовница* [СПГ, т. 1, с. 41], *коноплянница* [ОСВГ, т. 5, с. 86] и *земляной царь* [СРГЮП, т. 3, с. 331] мотивированы семантикой плодов и почвы: *бобовница* – бобы, *коноплянница* – конопля, *земляной царь* – земля. Приведём пример: *Говорили раньше – земляной царь, дай нам урожай полный амбар* [СРГЮП, т. 3, с. 331] // *Коноплянница в конопле сидит, пойдёшь – ухватит* // *Если кто-то в огороде щиплет, то это конопляница* [ОСВГ, т. 5, с. 86] // *Люди говорят, что мол в огороде бобовница водится* [СПГ, т. 1, с. 41]. Отметим, что конопля и бобы были незаменимы в крестьянской жизни. Бобы являлись неприхотливой зерновой культурой, способной прокормить и людей, и

животных. У конопли же было намного больше функций: из неё не только варили кашу, но и шили одежду, а также использовали как лекарство от множества болезней. Сеяли эти культуры особым образом. При посеве бобов приговаривали: *Уродись, бобы, и круты и велики, на все доли, на старых и малых! В поле густы, на столе вкусны!* [Усачёва 2008, с. 109]. Сея коноплю, славяне разбрасывали по полю яичную скорлупу в надежде, что конопля вырастет такой же белой: *Роды, Боже, конопли билы, як яйца!* [Усачёва 2008, с. 94]. Более того, в пожеланиях на праздниках также упоминались зерновые культуры и конопля как особо ценные продукты: *Здесь и дети, и домашние животные, птица, разного рода зерновые, масло, мёд, сыр, конопля, лён, деньги и главное — пожелание долгих лет жизни и здоровья всем* [Усачёва 2008, с. 78].

Стогафья [СВГ, т. 10, с. 122] – обитательница стога. Стога сена также были неотъемлемой частью крестьянской жизни. Заготовленные на зиму стога обеспечивали питанием домашний скот, а значит и хозяев. Пример: *Будешь шалить, дак вот ужо стогафья заберёт // Детей пугали стогафьями, чтоб на сенокос-то не просились* [СВГ, т. 10, с. 122].

В риге не только сушили снопы, но и проводили традиционные святочные гадания [КЭСМ, с. 447]. Данное слово образовано от фин. *rīhi* ‘сарай для молотьбы’ [Фасмер, т. 3, с. 482]. Ригу охраняли *дедко-рыгач* (Арх.) [СГРС, т. 3, с. 198], *ригачник / ригашник* (Олон., Ленингр.) [СРНГ, т. 35, с. 101], *рижанник* (Петерб.) [СРНГ, т. 35, с. 102], *рижница* [СВГ, т. 8, с. 56], *рыжный* (Сиб.) [СРНГ, т. 35, с. 306]. Отметим здесь и номинацию *рейский* (Смол.) [СРНГ, т. 35, с. 44], образованную от сущ. *рей* ‘рига, овин’ [Фасмер, т. 3, с. 463]. Пример: *Рыгачиха как сарайка така, в рыгачихе дедко-рыгач живёт, по ночам пугает* [СГРС, т. 3, с. 198].

Места обитания домового в крестьянском дворе отображены на **рисунке 6**.

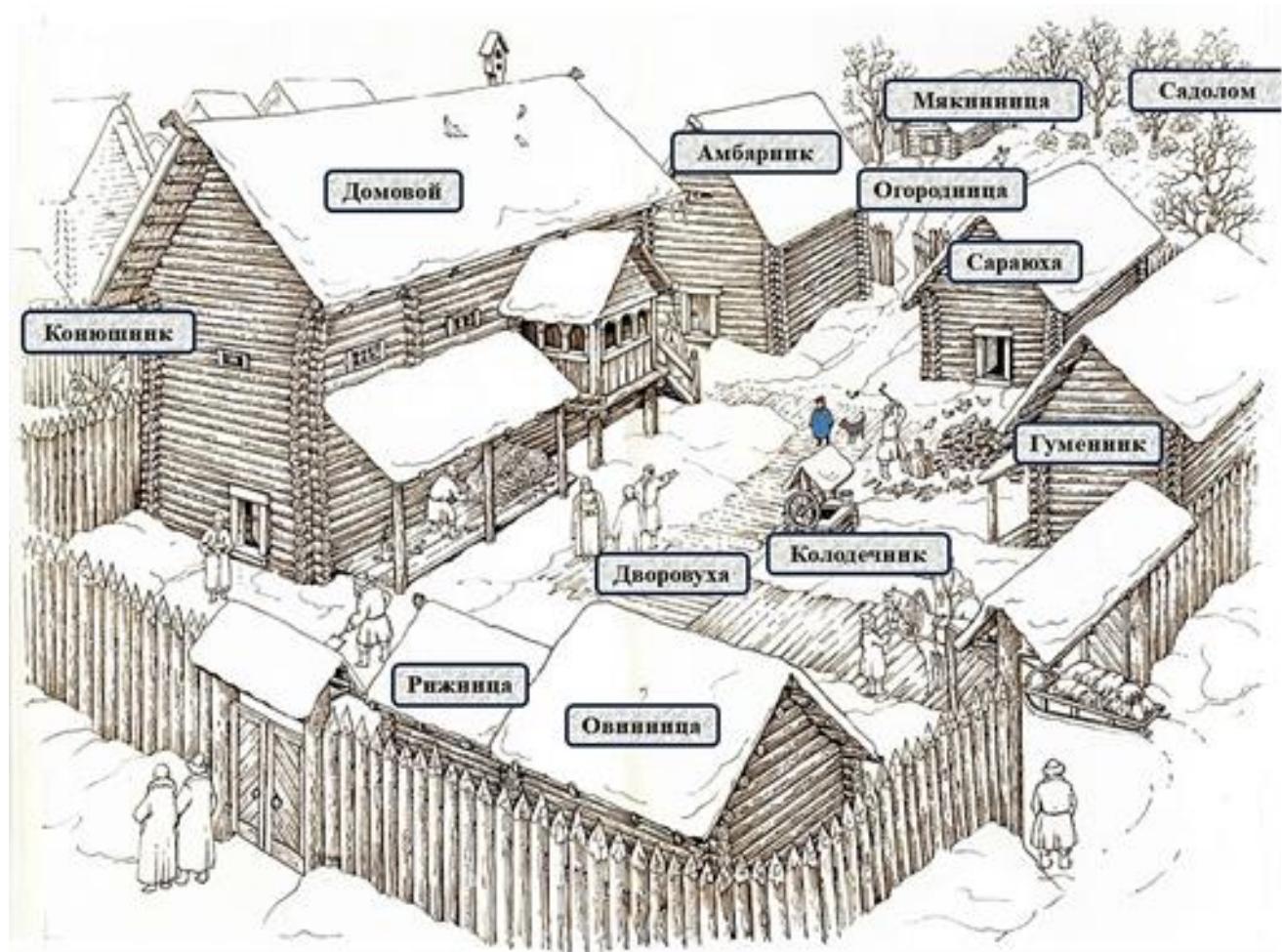

Рисунок 6. Мифологические персонажи в крестьянском дворе

Поле являлось значимым местом для крестьян. Как уже было сказано выше, в летний сезон поле становилось «вторым домом», где работали, ели, спали, рожали и пр., что отображено на **рисунке 7**. В полях, по суеверным представлениям, жили *поляница* (Нижегор.) [СРНГ, т. 29, с. 190], *поляха* (Смол.) [СРНГ, т. 29, с. 192], *полевик* [ОСВГ, т. 8, с. 117]. Таких духов часто называли «полевыми домовыми» [КЭСМ, с. 421]. Приведём пример: «*Полевик не любит, чтобы на поле ругались*» [СРНГ, т. 29, с. 47].

Другой хозяин поля – *вылем* (Волог.) [СГРС, т. 2, с. 221]. Само слово *вылем* означает ‘самый предмет, вырезка, проём, гнездо, углубление’ [ТСЖВЯ, т. 1, с. 268]. Как известно, поле пахали сохой по несколько раз

осенью, а затем боронили, создавая в поле некоторые углубления и разрыхляя землю, и так оставляли до весны. Предположительно, в этих углублениях и жил выше упомянутый дух. Пример: *И у поля каждого хозяин есть – выем* [СГРС, т. 2, с. 221]. В РЭС представлены также точки зрения, что такое название домовой получил по функции ‘забирание, выемка чего-либо’ [РЭС, т. 9, с. 141-142].

Рожь считалась самой неприхотливой и самой востребованной, особенно на суровом Севере, злаковой культурой, т.к. искоренить её могло только стихийное бедствие. Оберегала этот злак *ржаница* [СВГ, т. 8, с. 56]. Оржанице: *Когда рожь поспевает, то появляется ржаница в виде девушки с колосками на голове* [СВГ, т. 7, с. 56]. Мотивирующая основа –*рожь*–. Слово имеет общеславянское происхождение [ЭСРЯ1, с. 392].

Рисунок 7. Миологические персонажи в русском поле

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что домовой обитал не только в доме, но и в прилегающих к нему местах (сарайах, дворе, огороде и даже поле). Нами были найдены 84 диалектные номинации домового, мотивированные названиями освоенных человеком территорий. Чем ближе данный мифологический персонаж находится к центру крестьянского мироздания (печи), тем больше он соответствует понятию домового. Чем дальше, тем он больше напоминает духов природных стихий и растений. Отнесение таких номинаций к домовому условно. Оно основано на сакральном делении пространства дома на «своё» и «чужое».

II. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘родство’

Мотивация номинаций семантикой родства происходит не случайно. Многие исследователи полагают, что домовой является духом умершего предка, главой рода, его хозяином. Образ домового, связанный с культом предков, начал формироваться ещё во времена язычества [Левкиевская 2000, с. 276]. Основная его деятельность – оберегать дом и приумножать его достаток [Рыбаков 1994, с. 121].

Номинация *большák* (Казан.) [СРНГ, т. 3, с. 86] указывает вовсе не на большие размеры домового, а на его главенство в доме. Большаками называли хозяев в доме, старших в семье [ТСЖВЯ, т. 1, с. 100]. О *большакé*: *Да без него, без большака, и дом-то держаться не станет* [СРНГ, т.3, с.86].

Всех умерших предков называли дедами [ТСЖВЯ, т. 1, с. 454]. Номинации с мотивирующей основой *дед*: *дéдка(o)* (Арх., Орл., Дон.) [СРНГ, т. 7, с. 329], *дéдушка(o)* (Казан., Яросл., Перм., Симб., Пенз., Арх.) [СРНГ, т. 7, с. 332], *дýдько* [КГ, с. 107], *дед* (Тул.) [СРНГ, т. 7, с. 328]. О *дéдке*: *Стоит, грит, дедко, не просто дедко: вверху-то дедко, а внизу конь-то* [Криничная 2004, с. 256] // *Святые дзеды, завём вас: хадзице да нас! Есъ тут всё, што Бог дау, чым только хата багата. Просим вас: ляцице да нас!* [КЭСМ, с. 226].

Отдельного внимания требует номинация *дедúха* [АОС, т. 10, с. 417],

так как означает женский пол, но при этом образована от мотивирующей основы *-дед-*, называющей лицо мужского пола, и суффикса *-ух-* со значением женского пола [Ивашинина 2019, с. 191-195]. Пример: *Дедуха по ночам ходит, стонет так, как человек, волоса распущены, а глаза закрытые у неё, будто спит* [СГРС, т. 3, с. 199].

Номинации *домовая бá(б)ушка* [СПГ, т. 1, с. 15], *бáбушка-сосéдушка* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 34] также называют женский пол и образуются от слова *баба*, что означало ‘замужняя женщина низших сословий’ [РЭС, т. 2, с. 23]. Примеры: *Новый дом строишь, дак домовую бабушку с собой зовёшь* [СПГ, т. 1, с. 15] // *И дедушко-соседушко, и бабушка-соседушка – им обоим почёт одинаковый, их вместе звать за собой надо* [СГРС, т. 1, с. 34].

Встречаются и диалектные номинации, имеющие первоначальный корень **bratrъ* ‘брать’, а в результате его упрощения возник корень **bate* ‘отец’ [Фасмер, т. 1, с. 135]. Их производными являются номинации *батамáн* [ОСВГ, т. 1-2, с. 56], *батáнушка* (Волог.) [СРНГ, т. 2, с. 141], *бáтьюшка* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 77], *ботамáнушко* (Волог.) [СРНГ, т. 3, с. 130], *ватáмушко* [АОС, т. 3, с. 54], *братáнушко* (Свердл.) [СРНГ, т. 3, с. 153], обладающие экспрессивными суффиксами *-ушк(a)-*, *-ушк(o)-*, *-юшк-*. Примеры: *Дедушко-ватамушко* у фсех йесь // *Пошелю рукой — не шевелица, ногой — не шевелица — батаман навалился // Соседушко-ботанушко, пойдём со мной ф товаришиши* // *Невзлюбил скотину, мучит — не дворит йейо батамушко* [АОС, т. 3, с. 54].

Дядины ребята (Симб.) – духи, живущие в бане [СРНГ, т. 8, с. 306]. Слово *ребята* имеет первоначальное значение ‘ребёнок, дети’. Так, дядины ребята – дети домового. Как правило, духи крали некрещёных или проклятых детей: *Когда мать меня мыла в бане, то заругалась и сказала: «Хоть бы баянник взял тебя».* И вот я с тех пор очутилась в бане и семнадцать лет уже прошло [Криничная 2004, с. 55].

Лексему *привál* (Волог.) [СРНГ, т. 31, с. 128] мы отнесли именно к этой группе, поскольку так называли зятя, принятого в дом [ТСЖВЯ, т. 3, с. 414]. Так, домовой воспринимался в доме как новый родственник.

Этимология диалектизма *онгóн* (Иркут., Забайк., Якут., Камч.) [СРНГ, т. 23, с. 214] неизвестна. По мнению Д. К. Зеленина, это бурят-монгольский термин, обозначающий духа умершего предка [Зеленин 1936, с. 138].

Как мы можем заметить, данные номинации обозначают не только деда как главу крестьянской семьи, но и также отца, брата, дядю, детей и даже бабушку. Всего нами было обнаружено 17 диалектных номинаций, мотивированных семантическим признаком родства.

III. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘действие’

Семантика домового амбивалентна: он и хранит, помогая добрым хозяевам, и в то же время совершает проделки, даже строго наказывает своих нерадивых потомков. В этой группе много отглагольных номинаций. По мотивирующему глаголу можно распознать, какие именно действия свойственны домовому. Всех домовых мы разделили на две группы: I) лексема мотивирована глаголом с отрицательной с точки зрения крестьянина оценкой; II) лексема мотивирована глаголом с положительной оценкой.

I. Мотивированы глаголом с отрицательной оценкой следующие названия домовых.

Верещать – *верещíха* (Волог.) [СГРС, т. 2, с. 63]. Пример: *Верещихой* пугали, убежим купаться, а старуху шубу перевернула, вересину взяла, да мы испугались, ой, *верещиха* идёт [СГРС, т. 2, с. 63].

Гнетить – *гнеткé* (Олон.) [СРНГ, т. 6, с. 241], *гнеткó* (Ленингр.) [СРНГ, т. 6, с. 241], *гнётка* (Олон.) [СРНГ, т. 6, с. 241], *гнютёница* (Олон.) [СРНГ, т. 6, с. 251]. Отметим, что возможны различные варианты происхождения данного глагола. Так, праслав. **gnetati* ‘мять, давить’ [ЭССЯ, т. 6, с. 167] имеет негативное значение. А праслав. **gnetiti* ‘разжигать (огонь)’ [ЭССЯ, т.

6, с. 167] имеет положительную оценку, так домовой есть хранитель домашнего очага (огня). Тем не менее, в СРНГ данный мифологический персонаж определяется как дух, давящий по ночам [СРНГ, т. 6, с. 241]. Подчеркнём, что семантика номинации *гнетко́* энантиосемична: с одной стороны, уменьшительно-экспрессивный суффикс *-к(о)-*, с другой – отрицательная оценка, связанная с семантикой болезни (*гнетко* – домашний дух, насылающий болезни); ср. *гнетница* (‘болезнь’) и *гнетнути* (‘сдавить’) [СРЯ11-17, т. 4, с. 45]. Пример: *Гнётка мохнатый, волосы длины, а мы не видали. Бывало, съедутся мужики работать, если не залюбит гнётка, всю ночь промучит. Меня гнёл, ни которо местечко не шевелилось. Которо любит, кряхтит и двери открывает, которо не любит — гнетёт* [Мадлевская 2005, с. 375].

Доить – *до́йк* [БТСДК, с. 139]. Согласно поверьям, молоко являлось не просто питательным напитком, но и сосредоточием жизненной силы и здоровья. Духи в облике собаки или кошки могли прийти к корове и высосать все молоко [Криничная 2004, с. 650], оставив хозяина ни с чем. О *дояке*: *Карова нынча утрам ничаво ни дала, апять да́як прихадил* [БТСДК, с. 139].

Играть – *игре́ц* (Орл., Курск., Ворон., Тул., Тамб., Пенз., Дон.) [СРНГ, т. 12, с. 70]. Любовь нечистых духов к играм отмечается в работах различных исследователей [Голева 2008; Афанасьев 1865-1869; Криничная 2004]. Так, согласно поверьям, играя, домовой не спит по ночам или не даёт спать другим – отсюда номинация *неспи́ха* (от *не спать*) [ОСВГ, т. 6, с. 238]. Он также любит играть с младенцами, после чего у них появляются различные аномалии [Голева 2008], зализывает спящим людям волосы, а животным – шерсть [Левкиевская 2000, с. 279], что подчёркивается в номинации *лизун* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 91], образованную от глагола *лизать*. Примеры: *Дык суседка видела двоих (домовых): один у синей рубахе, другой — у красной, ды пиrimётываютца. Ды тах-та абнимутца, ды павалютца абои; а потом*

ускочуть, схватютца, да опять повалютца: играють [Криничная 2004, с. 137] // *Шерсть корове языком прилижет, будет лизун* [СРНГ, т. 17, с. 44].

Названия *сусéдушка-бакáнушка* (букáнушка) (Свердл.) [СРНГ, т. 42, с. 297], *сéдушко-букáнушко* (Свердл.) [СРНГ, т. 37, с. 119], *букáнка* (Перм.) [СРНГ, т. 3, с. 262], *букáнко* (Перм.) [СРНГ, т. 3, с. 262] *бukanáй* (Ср.Урал.) [СРНГ, т. 3, с. 262], *букари́ца* (Тобол., Арх., Волог.) [СРНГ, т. 3, с. 264], *букárка* (Нижегор.) [СРНГ, т. 3, с. 264], *букусéтка* (Бурят. Респ.) [СГСЗ, с.58], *бúхра-бáхра* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 237], *бúчер* [АОС, т. 2, с. 194], *бучéриха* [АОС, т. 2, с. 194] также определяют шумное поведение духа. Этимология корня -бук- обозначена в словаре церковнославянского языка Г. Дьяченко: -бук- входит в состав многих слов с семантикой звука, шума: (*буча* ‘шум’, *бучить* ‘реветь’ и пр.) [ПЦСС, с. 61]. А суффиксы *-ушк-*, *-к(о)-* приписывают номинациям ласкательное значение, из-за чего возникает энантиосемия. Приведём примеры: *Детей пугают суседушком-буканушком* [СРНГ, т. 42, с. 297] // *Седушко-буканушко* дому хозяин [СРНГ, т. 37, с. 119] // *Близко подойдя к двери голбца, (солдат, отправляющийся на службу)* приглашает с собою идти добрых духов, живущих в доме: *суседушка-баканушка, пойдём со мной* [СРНГ, т. 2, с. 58] // *Детьми-то были, вечер-от в подполье ставень откроем, закроемся какими рясухами, говорим: бухра-бахра, иди сюды, скрёба умер, есть иди. Напоследя сами буки заботимся, завизжим и бегом оттудь* [СГРС, т. 1, с. 237].

О громкой натуре домового говорят и номинации по действиям: супорить – *сутóрма* (Брян.) [СРНГ, т. 42, с. 319] (говорить пустое [ТСЖВЯ, т. 4, с. 333]), турусь – *туруса́лка* [СВГ, т.11, с. 77] (‘бредить, говорить вздор’ [СРНГ, т. 45, с. 282]; ‘говорить вздор, врать, говорить небылицы, нести чепуху’ [ТСЖВЯ, т. 4, с. 406]), хамить – *хáма* [СВГ, т. 11, с. 177]; пыхтеть – *пыхтéлка* [СВГ, т. 6, с. 116], изводить – *íзводень* (существо, издающее неприятные, надоедливые звуки [СВГ, т. 3, с. 8]), что нередко пугает домочадцев: пугать – *пúжанка* (Якут.) [СРНГ, т. 33, с. 111]; мекать – *мéка*

[CCГ, т. 6, с. 92] (издавать звук «ме», говорить нечленораздельно, с остановками, с трудом подбирая слова [НСРЯ, т. 1, с. 837]). Примечательно, что номинация *мека* может также иметь значение ‘думать, предполагать’ [СРНГ, т. 18, с. 94]. В таком случае, данный мифологический персонаж имеет положительную оценку. Примеры: *Худо было тем, к кому турусалка приходит* [СВГ, т. 11, с. 77] // *Хамой меня так страшай!* [СВГ, т. 11, с. 177] // *Вот пыхтелка-то запугает тебя и в лес уведёт* [СВГ, т. 6, с. 116] // *Во придить мека и зъярёть тябе, кали слухыцца ня будии* [CCГ, т. 6, с. 92] // *Изводня-то нету, дак больно и хорошо* [СВГ, т. 3, с. 8].

Как уже было сказано выше, домовые духи обитали во всех домашних постройках, в связи с этим им было свойственно следить за порядком на всей территории крестьянской усадьбы и ухаживать за скотом. Тем не менее, в случае недовольства духи могли обижать и убивать животных. Об этом свидетельствует номинация *мұка* (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 355], произошедшая, очевидно, от глагола *мучить*, а также номинации *облóm* (Курск. Белг., Калуж.) [СРНГ, т. 22, с. 108], *облám* [СРНГ, т. 22, с. 84], производные от глагола *обломать*. Данные персонажи любят обламывать лошадей, а иногда и людей [СРНГ, т. 22, с. 108]. Стоит отметить и номинацию *осáд* (Курск.) [СРНГ, т. 23, с. 350], образованную от глагола *осадить* ‘прищемить, поранить’ [СРНГ, т. 23, с. 350]. Примеры: *Пугают молодого букоj, а старого мукой* [Черепанова 1996, с. 63] // *Знать, облом его изломал* [СРНГ, т. 22, с. 108] // *Осади того осад, кто ходит к нам в сад* [СРНГ, т. 23, с. 350].

Хитить ‘похищать’ [ТСЖВЯ, т. 4, с. 501] – *хýтница* [СВГ, т. 11, с. 185]. Любят домовые детей и вещи похищать или зализывать (ном. *лизун*). Примечательно, что глагол *лизать* имеет также и значение ‘брать, доставать, счищать языком’ [ТСЖВЯ, т. 2, с. 853]: *Одна мать, потеряв пятилетнего сына, пришла к знахарке спросить: «Правду ли говорят, что мой сын утонул?» — «Твой сын похищен царём домовым»* [Криничная 2004, с. 162-163] // *Хитница-то такая небольшенька* [СВГ, т. 11, с. 185] // *Любимое*

занятие домовихи — прядь по ночам пряжу, оставленную хозяйкой без благословения. Только от такого прядения толку немного — **домовиха** или спутает пряжу, или *слижет* её, так, что на прялке почти ничего не останется [Левкиевская 2009, с. 44] // *Не подходи к печке: лизун залижет красным языком* [СРНГ, т. 17, с. 44].

Домовой наносил вред не только людям и животным, но и растениям: ломать сад — *садолом* (Курск., Орл.) [СРНГ, т. 36, с. 35] и сечь — *секу́ниха* (Свердл.) [СРНГ, т. 37, с. 128]. Сечь — вырубать что-либо (лес, кусты и т.д.) [СРНГ, т. 37, с. 253]. Примеры: *В огороде — секу́ниха* [СРНГ, т. 37, с. 128].

Манить — *ман* (Новг.) [СРНГ, т. 17, с. 354], *маны́лко* (Волог.) [СРНГ, т. 17, с. 360], *мани́ло* (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 236]. Данные мифологические персонажи принимали человеческий облик и заманивали людей к себе, чтобы убить [КЭСМ, с. 53]. Примеры: *Мани́ло поманит, в бане-то боялись, мани́ло-то тебя уташиит, детишкам говорили* [СГРС, т. 7, с. 236] // *Пустите меня туда, я всех манов выведу* [СРНГ, т. 17, с. 354].

От слова *прýтча* ‘внезапная болезнь, припадок, вызванные колдовством, сглаз’ произошли слова *притчина* ‘несчастье, беда, жалоба’ [СРНГ, т. 32, с. 33] и *притчун* — номинация злобного домового, который насыпал внезапную болезнь или обморок беременным женщинам, и они теряли детей: *Одна у нас скинула, у другой глухонький народился. Всё притчун* [СВГ, т. 6, с. 196].

Диалектизмы *варахтáн* [АОС, т. 3, с. 44] и *варахтánница* [АОС, т. 3, с. 44], вероятно, имеют связь с глаголом *барахтаться* — биться руками и ногами лёжа [ТСЖВЯ, т. 1, с. 42]. Пример: *На дворе видела варахтана с варахтаницей. Варахтана с варахтаницей варахтайецце* [АОС, т. 3, с. 44].

Стриж (Вят.) [СРНГ, т. 42, с. 5] — одно из орнитологических воплощений домового. Представляют себе этого злодея в виде птицы сыча с крыльями из мягкой кожи, не покрытой перьями. Семантической доминантой этого домового является действие по глаголу *стричь*. Производное же слово

стриж синкретично и обозначает ‘того, кто стрижет’ [Крылов, с. 379]. Однокоренное слово *стрига* (Обл.) [СРНГ, т. 41, с. 339] – ещё одно имя домового по глаголу *стричь* [СРНГ, т. 41, с. 339]. О *стрижé*: *В хлевах у этих вятchan на место кикиморы живёт стриж, который, поселившись среди овец, вместо всяких паразитов, выстригает у нелюбимых животных почти всю шерсть догола* [СРНГ, т. 42, с. 30].

II. Мотивированы глаголами с положительной оценкой следующие номинации.

Вещать – *вещу́нья* (Калуж.) [СРНГ, т. 4, с. 229]. Древнерусское слово *въщати* имеет значение ‘говорить, обещать, проповедовать’ [Срезневский, с. 1262]. Так, появление домового нередко говорило о грядущих переменах в жизни хозяев: *Лежу я на печи и вдруг чую, что половицы-то скрипят и кто-то дышит. Я-то молчу, притаилась, поняла, что это домовик. Он залез на печь, посидел возле меня и молча ушёл. Я всё думала, к чему это, а утром у меня мама заболела тяжело* [Левкиевская 2009, с. 58] // *Под печкой (у нас там подпечья назывались) кур держали. Плакал. Плачет, нападёт плакать, да как невеста буладат. Ревит-ревит. Он предвещал нам уехать, он нас жалел, плакал* [Криничная 2004, с. 179].

Думать – *думовá* (Урал.) [СРНГ, т. 8, с. 257]. Древнерусский глагол *думати* означает ‘размышлять, совещаться, мыслить, замышлять’ [Срезневский, с. 1383]. Очевидно, у домового как хранителя очага было множество дел и забот, о которых он думал: *Да только он всегда понимает, какое к нему отношение. Ежели человек о нём хорошо думает, то будет ему от дедушки одно добро: и в хозяйстве помошь, и в семье лады* [Корепова, Храмова, Шеваренкова 2007, с. 14].

Значимая функция домового – поддерживать благополучие в доме. Сюда относятся номинации по действиям: жарить – *жárеник* и *жаренýца* (Волог.) [СОВН, с. 128], кормить – *корми́лец* (Волог., Арх.) [СРНГ, т. 14, с. 336], *корми́нчик* (Волог.) [СРНГ, т. 14, с. 336], *кормильчик* (Волог.) [СРНГ,

т. 14, с. 336], скотный корми́лец (Волог.) [СРНГ, т. 38, с. 117]. Так, домовые способствовали сытости в крестьянском жилище. В номинациях *корминчик* и *кормильчик* содержится уменьшительно-ласкательная коннотация (суффикс -чик-). Примеры: *Видно, кормилец не любит пеструху-то // Кормильчик, кормильчик, приходи в новый дом хлеб здесь кушать* [СРНГ, т. 14, с. 336].

Мотать – мотови́лиха (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 342]. Мотовило – костыль с развилиной на другом конце (колодка или рожки), для намота пряжи с веретена [ТСЖВЯ, т. 2, с. 946]. Так, *мотови́лиха* прядла пряжу по ночам [Левкиевская 1999, т. 2, с. 120-124]. Здесь же стоит отметить номинацию по глаголу прядь – *пряха* [СВГ, т. 6, с. 106]. Примеры: *Плохо предёшь — мотови́лиха накажет, а кака така мотови́лиха — никто не знает* [СГРС, т. 7, с. 342] // *Опять пряха напроказила* [СВГ, т. 6, с. 106].

Носить – *носák* [СРГК, т. 4, с. 43]. *Носák* – мифологическое существо, отвечающее за изобилие в хозяйстве молока, из которого можно было сделать сметану, сыр, творог, масло, обеспечив питанием всю семью [Рябцев 1997, с. 207]. Пример: *Поставь хоть двадцать муравьев [кринок] — носак наносит* [СРГК, т. 4, с. 43].

Пережинать – *пережи́нница* (Влад.) [СРНГ, т. 26, с. 106]. Пережинать значит ‘выжать (серпом) известное количество и в данное время’ [ТСЖВЯ, т. 3, с. 44]. Данная работа выполнялась в поле над злаковыми культурами. Примечательно, что в толковании номинации указывается способность духа сжигать чужую рожь [СРНГ, т. 26, с. 106].

Уделять – *удельница* (Олон., Север., Карел., Волг.) [СРНГ, т. 46, с. 290]. Уделять – уладить, устроить, урядить, особенно снаружи, охитить избу, вычинить крышу от течи, забор от пролазу и пр. [ТСЖВЯ, т. 4, с. 435]. Следовательно, данный мифологический персонаж способствовал успешному выполнению дел в доме. Пример: *Нас, бывало, пугали этой удельницей. Пойдём синюшки да цветы разные рвать, говорят: удельница схватит* [СРНГ, т. 46, с. 290]

Итак, нами были обнаружены 41 номинация домового, мотивированная его негативными действиями, и 13 номинаций, мотивированных позитивными действиями. Так, с одной стороны, домовому свойственно всячески вредить человеку, пугая его, задирая, заманивая, и животному, выстригая и зализывая его шерсть. С другой стороны, домовой помогает своим потомкам, прядя шерсть, мотая нити, ухаживая за животными.

IV. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘оценка’

В эту группу собраны номинации домового, мотивированные словами ярко выраженной положительной, либо чаще всего отрицательной оценкой в производящей основе, что снова подчёркивает амбивалентность домового.

Как и в предыдущей группе, большинство номинаций имеют очевидную мотивацию.

Положительная оценка содержится в следующих номинациях домового:

Доброхóдушко [СВГ, т. 2, с. 31], *доброхóт* [СВГ, т. 2, с. 32], *мáтица—доброхóтица* [СВГ, т. 4, с. 74] – добрые. Примеры: *Лежишь — вдруг придёт, навалится на тебя. Ты и спросишь: «Суседушко-доброходушко, к худу или к добру?» Скажет: «К худу» или «К добру»* [СВГ, т. 2, с. 31] // *Матица-доброхотица, батюшко-доброхотушко! Пойдём со мной домой* [СВГ, т. 4, с. 74].

Номинации *доможíл* (Астрах., Курск., Орл.) [СРНГ, т. 8, с. 122] и *доможíрко* (Арх.) [СРНГ, т. 8, с. 123], как и *жихорíчка* [АОС, т. 14, с. 238], *жýтель* [СРГК, т. 2, с. 66], *жýхарь* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 198], *жихарёк* [СРГК, т. 2, с. 70], *жýхорько* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 198], *жихóрюшко* (Арх.) [СРНГ, т. 9, с. 200], *жихарíха* [СРГК, т. 2, с. 70], *жировíк* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 185], *жирóвый* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 186] имеют корень -жис- и являются производными от слова *жир*, этимология которого синкетична и соединяет значения 1) ‘живь’, 2) ‘есть’ [Фасмер, т. 2, с. 56], а также ‘нажитое’, ‘изобилие в доме и пище’ [ЭСРЯ, т. 5, с. 293]). У большинства

номинаций имеются ласкательные суффиксы *-ёк-*, *юшк(о)*, *-к(о)-*. Приведём примеры: *Добрый дух, доможил, вот тебе сани, поехали с нами.* [СРНГ, т. 8, с. 122] // *Волосы это мне доможирко зализал* [СРНГ, т. 8, с. 123] // *Похаживала я на море, приехала, байню стопила, вымылась и завалилась; вдруг со спанья слышу, кто-то со спины лезет ко мне, тянется, я — хвать его руку, шлопнулось что-то на пол, гляжу, что-то тёмное шлётнуло, а тёмно-то в хате, жихарь-то был* [СРГК, т. 2, с. 70].

Положительная оценка также содержится в номинациях *родимец*, *милак* и *норовоюшко*; их описание представлено на стр. 51.

Отрицательную оценку корневой морфеме имеют номинации: *лихой* (Ряз., Тул., Моск., Нижегор., Самар.) [СРНГ, т. 17, с. 78], *страхилáт* (Свердл.) [СРНГ, т. 41, с. 291], *страхилáтка* (Урал.) [СРНГ, т. 41, с. 291], *дурнóй* (Тул., Ворон.) [СРНГ, т. 8, с. 270], *ляд* (Вят.) [СРНГ, т. 17, с. 259].

Отрицательная оценка прослеживается и в номинациях *дурной*, *ляд*, *лихой*, подробное описание которых было представлено на стр. 52.

Наименования *страхилáт* и *страхилáтка* образованы от ст.-слав. *страхъ* ‘оцепенение’ [Фасмер, т. 3, с. 772]. Данные мифологические персонажи вызывали страх у людей: *Тут мне и покажись, будто из горы страхилатка лезет* [СРНГ, т. 41, с. 291].

Отрицательная оценка также заложена в номинациях, в семантике которых есть указание на нечистую силу. Так, *жировой чёрт* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 186] и *чертáн* [СРГЮП, т. 3, с. 351] имеют очевидную связь со словом *чёрт*. Примеры: *Чертан, видно, на чердаке живёт, буткает* [СРГЮП, т. 3, с. 351]. Отметим оксюморон в номинации *жировой чёрт*.

В. Н. Топоров считает, что *анчúтка* имеет балтийское происхождение и является производным с суфф. русс. *-утка*, с которым образуются названия мелких животных, что имеет уничижительное значение. В.Н. Топоров делает вывод, что таким теонимом называлось мифологическое существо маленького роста [Топоров 1973, с. 34]. Р. Крегждис считает, что русс. диал.

анчұтка (Орл., Тамб.) [СРНГ, т. 1, с. 262] является девербативом, образованным из трёх структурных компонентов: *на + чуд + ка*, т.е. *начудка*, и подвергнувшимся морфотактической перестановке из-за феномена табу: *анчұдтка*, или *анчұтка*. Полисемия русс. диал. *анчұтка* определяется многообразием выражаемого им референта – чёрта [Крегждис 2011, с. 139]. Приведём пример: *Пойди-ка ночью в лес, там тебя анчутка схватит* [СРНГ, т. 1, с. 262].

В слове *еретник* (Казан.) [СРНГ, т. 9, с. 23] все вторичные значения оценочно маркированные, т.к. обозначают отступников от православной веры: колдунов, духов умерших, домового: *А это всё оттого и быват, что он, еретник-от, дом не взлюбит.* Негативную оценку подчёркивает употребление *еретника* в качестве бранного слова, называющего свирепого, знающегося с нечистой силой человека [СРНГ, т. 9, с. 23].

Мардас (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 239] происходит от эст. *mardus* ‘привидение, дурная примета, загробный голос’ [Фасмер, т.2, с. 573]. Это мифологическое существо типа домового, оставляющее синяки на теле человека: *Мардас выел — пошли пятна-те, большие у стариков быват, мардас выел — к смерти* [СГРС, т. 7, с. 239].

Субстантивированная лексема *навнóй* (Твер.) [СРНГ, т. 19, с. 170], вероятнее всего, произошло от *навь* ‘мертвец, покойник’ [ЭССЯ, т. 24, с. 49]: *Не ложись у порогу — навной перешагнёт* [СРНГ, т. 19, с. 170].

Ещё один дух, обитающий в доме, – *упýрь* (Моск.) [СРНГ, т. 47, с. 306]. Слово заимствовано из славянских языков и означает ‘перекидыш, перевёртыш, оборотень, бродящий по ночам ведьмаком, волком или пугачём и пр. и засасывающий людей и скотину’ [ТСЖВЯ, т. 4, с. 464].

Созвучные номинации *кикýмора* [ОСВГ, т. 5, с. 41], *кикýморка* [ОСВГ, т. 5, с. 41], *кику́мора* [СПГ, т. 1, с. 383] – женский дух, обитающий и проказящий в доме или во дворе. Слово состоит из двух корней: *-кик-* и *-мор-*. Первая часть не ясна: возможно, от *кýка* ‘чуб, коса’ или лит. *kaiķas*

‘домовой, гном’. Вторая часть – от укр. *móra* ‘нечистый дух’ [Фасмер, т. 2, с. 231]. Пример: *В избе никого нет, а печка топлена – кикумора*, видно [СПГ, т. 1, с. 383].

Одна из точек зрения происхождения номинаций *мару́шка* (Пск.) [СРНГ, т. 17, с. 377], *mára* [ОСВГ, т. 6, с. 19] описана на стр. 61. В ЭССЯ рассматривается другая точка зрения, согласно которой цслав. *mara* связано с праслав. *mora* ‘кошмар, удушье, смерть’ [ЭССЯ, т. 17, с. 204-207]. О *máre: Mara* — как человек. *Оставят прялку ночью, так мара прядёт. Благословить, чтобы мара не пришла // Вышла мара из-под печи, семьдесят одёжек, а всё гузно полно* [Криничная 2004, с. 176]. Диалектизм *марушка* в своей семантике имеет энантиосемию: ласкательный суффикс *-ушк-* и отрицательную оценку, связанную с семантикой потустороннего мира в корне.

Слово *шилику́н* [СОВН, с. 568], по всей видимости, восходит к праславянскому *šijъ* ‘левый, неправедный’ [Фасмер, т. 4, с. 484]. «Негодным» и «неправедным» в поверьях традиционно именуется нечистый дух, откуда могло возникнуть и его название – *шилику́н* (с суффиксом *-ун-*, означающим действующее лицо). Е. Л. Березович и Л. Н. Виноградова относительно происхождения данного наименования склоняются к версии о связи с коми-perm. *кулюшун* ‘водяной дух’ через перестановку звуков, а далее – с коми-зыр. *куль* ‘бес, черт’ из общеперм. **kul* ‘злой дух’ [Березович, Виноградова 2010, с. 49-52]. О. А. Черепанова описывает этого мифологического персонажа в соответствии с этнографическими данными. Так, в Арх. *шилику́ны* на святки выезжают из проруби на конях в санях. Они страшны, изо рта их идёт огонь, в руках калёный крюк, которым загребают детей, находящихся в этот момент на улице. В Волог. считается, что *шилику́ны* рождаются в ненастные ночи и вылетают через трубу на улицу, где и живут до Крещения, иногда они принимают облик чертей перед гадающими девками. В Сиб. *шилику́ны* являются домовыми маленьского роста

[Черепанова 1983, с. 296-297]. Примеры: *Шуликуны* с Рождества до Крещенья. Скажут, вечером не гляди в окно, *шуликуны* утянут. Они на печи на калёной ездят. Наверно, натопят печь и поедут. Церковь обрестована, там коцегарка, вот и ходят // Великий пост пройдёт, будет заговенье. Кругом деревни гоняют тройки, *шуликунов* топчут. Это будто черти, а потому их и топчут, чтоб они не остались [Черепанова 1996, с. 58]

Коловёри (Тамб., Липец., Сарат.) [СРНГ, т. 14, с. 150] – похожее на человека фантастическое существо, покровительствующее хозяину дома [СРНГ, т. 14, с. 150]. Ещё одна вариация данного слова (*коловёртыши*) указана у О. А. Черепановой [Черепанова 1996, с. 170]. Очевидно, слово состоит из двух корней -*коло-* ‘около’ и -*вер-* ‘вертеться’. Так, *коловёри* – тот, кто вертится около дома. Пример: У Морозова Леньки ребяташки, как *коловёрии*, всё домой тащат [СРНГ, т. 14, с. 150].

Номинация *лёмбой* (Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 347] восходит к карельскому *lembo* ‘нечистый, дьявол’ [Фасмер, т. 2, с. 480]. О *лёмбое*: Когда отец или мать, возгорчившись на ребёнка, говорят недобрые слова: ой, *лембой* тя дери, ой, изымитко тя; ну тя к лешему, — *лембои* тут и есть: они похищают заклятых [Криничная 2004, с. 312].

Номинация *шайтán* [СРГЮП, т. 3, с. 379] происходит из турецкого *şäitan* ‘чёрт’ [Фасмер, т. 4, с. 395]. Стоит отметить созвучие с греческим словом *satanas* ‘сатана’. О *шайтáне*: Это тоже надо выше двери оставить, и под матрас ложат, *шайтаны* чтоб не ходили, спать не мешали, всякая ерунда чтобы не снилась [СРГЮП, т. 3, с. 379]. Данный диалектизм также называет лешего: В лесу *шайтан*. Путает которых. Которы даже теряются, это *шайтан* водит [СРГЮП, т. 3, с. 379].

Ванюшка (Арх.) – имя собственное, которым называли домового [СГРС, т. 2, с. 22]. С одной стороны, предположительно, данная номинация связана с ближайшим предшественником Иисуса Христа Иоанном Крестителем (Иваном Купала) и с одноимённым праздником. Так, в ночь на

Ивана Купала в домашних постройках (гумне, бане и пр.) проводилось множество ритуалов, в которых духи принимали непосредственное участие [Криничная 2004; Афанасьев 1865-1869]. Подчеркнём, что существует большое количество диалектизмов, образованных с именем *Ивán* и связанных по значению с Иваном Купала: *Ивán-лётний*, *Ивán-травник*, *Ивán-цветник* и др. [СРНГ, т. 12, с. 53-54].

С другой стороны, возникновение данного диалектизма связано с тем, что такое имя было и остаётся популярным в России. Домовой часто воспринимался людьми как хозяин и покровитель, вследствие чего мог получить обычное человеческое имя. Означая нечистую силу и имея ласкательный суффикс *-ушк-*, данная номинация содержит энантиосемию. Пример: *А я сяду да домового упрашуваю: «Ванюшка, не тронь моего мужика»* [СГРС, т. 2, с. 22].

Очевидно, домовому как представителю потустороннего мира характерна отрицательная оценка в большей степени, чем положительная. Так, нами было зафиксировано 17 диалектных наименований домового с положительной оценкой и 21 наименование – с отрицательной, причём 16 из них имеют в корневой морфеме семантику ‘нечистая сила’.

V. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘внешность’

Для воссоздания образа мифологического существа чрезвычайно важны внешние признаки, которые также сохранены во внутренней форме диалектизмов.

Русский домовой часто в поверьях предстаёт обросшим длинными волосами или мхом. При этом шерсть считалась атрибутом зооморфного признака и символом достатка и плодородия [СОНВ, с. 492]. Шерсть имеют следующие домовые: *волосатка* (Сев., Арх.) [СРНГ, т. 5, с. 58], *мохнáч* (Нижегор.) [СРНГ, т. 18, с. 310], *кузóтка* (Тул.) [СРНГ, т. 16, с. 29], *ку́зя* [СРГЮП, т. 1, с. 440].

Волосатка, по всей вероятности, имеет общее происхождение с древнерусским богом Волосом [СРНГ, т. 5, с. 58]. Происходит от *volsъ, той же основы, что и др.-рус. *Володь* ‘волосы на голове’ [ЭСРЯ, т. 3, с. 150]. О волосатке: *Лёгкая лодка скользнула в ракитник. Раздвинула куст Волосатка, пустилась домовиха по полю ко двору к Домовому* [Ремизов 1996, с. 174].

Мохнатый – *мохнáч*. Мотивирующей основой данной номинации выступает *мохна* ‘пучок волос, перьев’, имеет общеславянское происхождение, является родственным слову *мох* [Фасмер, т. 2, с. 666].

Номинации *ку́зя* и *кузóтка* описаны ранее на стр. 77.

Домовой часто принимал облик животного: зверь – *зверíнка* (Волог.) [СГРС, т. 4, с. 252]. Пример: *Зверинка измучивает лошадей и коров, корова как инейком покроется* [СГРС, т. 4, с. 252].

Медведь – *медвéдко* [ОСВГ, т. 6, с. 33], *медвéдушка* (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 260]. В славянской мифологии медведь – символ плодородия, здоровья, силы; он связан с нечистой силой и оберегает скот [Гура 2004, т. 3, с. 211-215]. Примеры: *Ночью медведко душит, если в баню сходишь сытый* [ОСВГ, т. 6, с. 33] // *Медведушка дурной, он как ступит на дорогу — не пересекчи пропадает; у него коготки, как у медведя настоящего, только маленькие* [СГРС, т. 7, с. 260].

Кот – *котáнко* (Арх.) [СРНГ, т. 15, с. 101]. По народным представлениям, кошка наделена магической силой. Переезжая в новое жильё, крестьяне сначала запускали туда кошку, сажали её на печной столб, где, как они полагали, обитает домовой [Гура 2004, т. 3, с. 637-640]. Пример: *Мужик же потом видел своего выгнанного домового в лесу, где он скинулся котом, ходил вокруг мужика и сильно голосил* [Криничная 2004, с. 127; Якушевич 2020, с. 171-177] // *Котанко серый, привидилось нам* [СРНГ, т. 15, с. 101].

Ласка – *домовáя лásка* (Арх.) [СГРС, т. 3, с. 248], *лásка* (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 31], *ласи́ца* [СРГК, т. 3, с. 98]. Ласка, по суеверным представлениям, считалась покровительницей дома и скота. Если в доме или хлеву жила ласка, то жильцам сопутствовала удача, здоровье, счастье. Считалось, что в ней воплощена душа первой хозяйки дома [Гура 2004, т. 3, с. 82-85]. Аналогичную символику приписывают и россомахе [Гура 2009, т. 4, с. 474-475] (номинации *росомáга* [СРГЮП, т. 3, с. 47], *русомáга* [СРГЮП, т. 3, с. 54]). Примеры: *Киту из соломы домовая ласка навьёт так, что корова ступить не может* [СГРС, т. 3, с. 248] // *В каждом доме живёт суседко, ласка — домовой, он присматривает за скотом, это уж евонное дело* // *Ласка — она к скоту ближе, но и к человеку, если полюбит* [СГРС, т. 7, с. 31] // *Ласица во двори живёт, мучает она лошадь, лошадь вся мокрая* [СРГК, т. 3, с. 98] // *Говорили, что в борозде огородница зелёная лежит, а у воды и у ключика росомаха живёт: страшная бабка с чёрными косами* [СРГЮП, т. 3, с. 47] // *Положили в борозду старую одежду, кричим: «Русомага»! А маленьки верят, боятся* [СРГЮП, т. 3, с. 54].

Бирю́к (Дон.) [СРНГ, т. 2, с. 294]. Слово *бирюк* заимствовано из тюркских языков и имеет значение ‘волк, нелюдим’ [Фасмер, т. 1, с. 168]. Отметим, что в некоторых регионах так называли медведя, значение которого было описано выше [ТСЖВЯ, т. 1, с. 20].

Диалектизм *сусéдушка-бурéдушка* (Свердл.) [СРНГ, т. 42, с. 297] указывает на связь домового со скотом. Так, уральское слово *бурéдушка*, имеющее ласкательный суффикс *-ушк-*, заимствовано из персидского *bōr* ‘рыжевато-бурый, гнедой’ и мотивировано одновременно и семантикой бурого, тёмно-коричневого цвета, и шерсти, поскольку речь идёт о масти животного [Фасмер, т. 1, с. 249]. Пример: *Суседушка-буредушка, люби мою коровушку* [СРНГ, т. 42, с. 297].

В противовес предыдущим номинациям выступает *лýско* [СРГК, т. 3, с. 164]. Очевидно, диалектизм происходит от праславянского **lysъ* ‘лысый,

плешивый, облысевший' [ЭССЯ, т. 17, с. 45] и имеет экспрессивный суффикс *-к(о)-*. Нет прямого указания на то, что домовой имеет лысину в отличие от чёрта [МС, с. 595]. Однако, как уже было сказано, домовой способен принимать облик своих хозяев, следовательно, наличие у него лысой головы отрицать нельзя. О *лы́ско*: *Не взыхай тяжело, не отадим далеко, хоть за лы́ско, да близко // Ходит кто-то по чердаке, говорят: «Лы́ско»* [СРГК, т. 3, с. 164].

Диалектизмы *ужа́к* [БТСДК, с. 540], *ужа́ка* [БТСДК, с. 540], *ужа́чка* (Дон.) [СРНГ, т. 46, с. 331] имеют два значения: 1) уж, неядовитая змея, 2) мифическое существо, живущее во дворе дома [СРНГ, т. 46, с. 331]. Так, мы полагаем, что мотивирующей основой данного слова выступает *–уж–*. Праслав. **ožъ* родственно др.-прусск. *angis* ‘змея’, лит. *angis* ‘ядовитая змея’ и пр. [Фасмер, т. 4, с. 150]. Согласно суеверным представлениям, змея имеет хтоническую природу. Считалось, что наличие змей в доме является добрым знаком. Ужам позволяли селиться в доме и воспринимали и почитали их как домовых [Криничная 2004, с. 122]. Примеры: *Ва дварах жывёть ужачка // Ужака — эта хазяйка ва дваре, ана пат парогам жывёТЬ, никаво ни трогаить, и ииё трогать нильзя // Ужак ф каждая дваре жывёТЬ, и иво нильзя убивать, а то нищастя будить чи умрёТЬ хто, чи скатина забалеить* [БТСДК, с. 540].

Цвет также имел символическую трактовку в славянской мифологии. Так, красный цвет считался цветом жизни и плодородия. Домовые также часто представлялись одетыми в красную одежду [Белова 2002]. Некоторые исследователи связывают красный цвет с огнём [Афанасьев 1865-1869; Криничная 2004].

Номинация *белу́н* (Моск.) [СРНГ, т. 2, с. 228] мотивирована прилагательным *белый* и встречается у В. И. Даля: «Добрый домовой, с белой бородой, в белом саване, с белым посохом, является с просьбой утереть ему нос и за это сыплет деньги носом» [СРНГ, т. 2, с. 228].

Красная бáба – мифическое существо, которое насыщает болезнь [СГРС, т. 6, с. 135]. Прилагательное *красный* символизирует высокую температуру, горячку, сопровождающую болезнь. Именно поэтому детали одежды женщины-домового тоже красные: *Кумаха — горячая болезнь, вся кровь так и кипит; её красная бáба насыщает, она весь век в красном // В поле иногда красная бáба ходит, сарафан дугой, а в косе красна лента, кто красную бабу увидит, скоро умрёт* [СГРС, т. 6, с. 135].

Связь с красным цветом имеет и *медéница* (Волог.)— мифическое существо в виде женщины в красном сарафане [СГРС, т. 7, с. 261]. Мотивирующая основа —*медь*—. Предположительно родственно др.-исл. *Smidr* ‘ремесленник, кузнец’, д.-в.-н. *smid* ‘кузнец’, *smida* ‘металл’ и пр. [Фасмер, т. 2, 591]. О *медéнице*: *Свекрови моей меденица привиделась: иду, говорит, на сенокос, впереди баба в красном сарафане с охапкой дудок под мышкой, еле жива домой прибежала* [СГРС, т. 7, с. 261]. Очевидно, дух получил такое название из-за красного оттенка, которым обладает медь. Медь имеет «сакральную» символику в связи с её цветовыми характеристиками и пластическими свойствами. Коми-пермяки называют медные предметы «красными». Сам цвет обладает апотропейной семантикой в их народной культуре [Голева 2008, с. 74].

Железнýчка (Перм.) [СРНГ, т. 9, с. 106],*зелезнýчка* (Перм.)[СРНГ, т. 10, с. 245] – духи, обитающие в огороде. Общеславянское слово (мотивирующая основа —*желез*—) восходит к основе *gel*, которая означала ‘камень’, так как железо в породе имеет вид камня [Крылов, с. 131]. По мнению Е. Е. Левкиевской, «железо – один из древнейших металлов, имеющий высокий сакральный статус в народной культуре и используемый взащитной и медицинской магии» [Левкиевская 2002, с. 159-160]. Стоит подчеркнуть, что огонь, вода, земля (дерево, камень), железо относятся к важнейшим элементам природы. Неудивительно, что многие исследователи считают, что домовой является их персонификацией [Криничная 2004].

Что касается номинаций *лопáстый* (Астрах., Вят.) [СРНГ, т. 17, с. 132], то она имеет спорное происхождение. Так, с одной стороны, *лопáстый* происходит от тур. *Albasty* ‘злой дух’ [Фасмер, т. 1, с. 69] и характеризует домового как нечистую силу. С другой стороны, предположительно, произошло оглушение согласного *б* в первоначальной форме *лобáстый*, тогда дух приобретает значение ‘широколицый, здоровый, большой’ [СРНГ, т. 17, с.95].

Другой облик домового – тень. Об этом говорят номинации *пастéн* (Новг., Яросл., Волог., Арх., Латв. ССР., Твер.) [СРНГ, т. 25, с. 262], *постéн* (Новг., Твер., Пск.) [СРНГ, т. 30, с. 225], *постéнь* (Новг., Твер., Пск., Моск.) [СРНГ, т. 30, с. 225], *стень и стинь* (Влад., Костром.) [СРНГ, т. 41, с. 137], *бестéнный бука* (Костром.) [СРНГ, т. 2, с.281].

По мнению некоторых исследователей [Криничная 2004, Богданович 2009], духи материальны, но значительно тоньше осязаемых предметов, словно тень или пар. Примеры: *Сколько он мне показывал, что ему эта корова не нравится, а я ничего, думаю, свыкнется. Вот как я её привёл, так в ту ночь и навалилась на меня тень* [Криничная 2004, с. 138] // *Постень приходил к нам часто, когда мать болела* [Криничная 2004, с. 139].

Диалектизм *багáн* (Смол.) называет мифическое существо, покровительствующее скоту [СРНГ, т. 2, с. 33]. Слово *багáн* является поздней перестройкой формы *багор* и имеет значение ‘палка, крюк’ [ЭССЯ, т. 1, с. 133]. Учитывая, что домовой появлялся перед людьми тенью, которая «вытягивается» за счёт света, мы можем предположить, что облик духа представляли в виде длинной палки. Пример: *Баган задушил овцу. Баган нарадзил теля* [СРНГ, т. 2, с. 33].

Итак, нами установлена 31 диалектная номинация домового, мотивированная семантическим признаком внешности. Домовой может появляться в виде животного, умершего предка, тени. Он бывает волосатым

или лысым, носит красную или белую одежду, является персонификацией природных элементов (огонь, вода, земля, дерево, камень и пр.).

VI. Номинация мотивирована табуистическим характером домового

Для развития цивилизации характерен феномен табуирования. Осознавая свою беспомощность в неизученном мире, люди сформировали систему запретов, источником которой являлся страх перед неизвестным. И. В. Пенюкова предполагает, что само явление появилось путём сложения магических формул, выцарапанных на поверхности камня или дерева и самобытно произносившихся, а со временем и принявших форму слов [Пенюкова 2010, с. 95]. Слово воспринималось в качестве сакральной формулы, чьи начальные и конечные элементы становились символами жизни и смерти. С течением времени сакральность терялась, а данные элементы преобразились в формальные кодовые признаки размещения энергии внутри слова [Маковский 2008]. Однаковые звуки, согласно древним представлениям, имели различную магическую силу с учётом расположения в начале или конце слова. Так можно объяснить возникновение табуирования, которое, по мнению людей, оберегало их от злого умысла. Оно осуществлялось с помощью перестановки начальных и конечных элементов слова, в результате чего слово приобретало противоположное значение.

Все номинации мифологических персонажей в той или иной степени являются табуированными. Древние славяне верили, что, называя нечистых духов по имени, привлекают их. Таким образом, желая упомянуть их, они использовали местоимения (в том числе и субстантивированные) с отсутствующим сигнификатом и существительные с предельно обобщённым сигнификатом.

Онъ (Волог., Новг.) [СРНГ, т. 23, с. 215], *он и ён* (Смол., Тул., Яросл., Сиб.) [СРНГ, т. 23, с. 213], *сам* (Яросл., Зап., Южн.-Сиб.) [СРНГ, т. 36, с. 72],

самá (Смол.) [СРНГ, т. 36, с. 72] – табуированные местоимения, называющие домового. Приведём пример: *Кобыла что-то худеть стала, видно сам не любит* [СРНГ, т. 36, с. 72].

Мы полагаем, что номинация *другáя половíна* (Олон.) [СРНГ, т. 8, с. 210] связана с вышеописанной номинацией *кути́нья*, которая оберегала бабий угол (кут), т.к. другой половиной также называется чистая половина дома [СРНГ, т. 8, с. 210]. С точки зрения Н. А. Криничной [Криничная 1995], домовой получил такое наименование, так как является двойником человека.

Таким образом, мы обнаружили 5 номинаций домового, мотивированных преимущественно местоимениями, подчёркивающими табуистический характер номинаций. В большинстве случаев, упоминая духа в разговоре, люди заменяли его имя местоимением или названием, указывающим на его двойничество по отношению к человеку.

VII. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘таксис’

Полдень и полночь в славянской мифологии считается временем сакральным, «таинственным и критичным» [Зеленин 1991, с. 418]. Это своего рода «порог» между сменяющими друг друга временами суточного цикла [Криничная 2004, с. 51]. В полночь, реже в полдень появлялись духи. Как правило, это время гаданий и ритуалов. Сюда относятся следующие номинации домового: *полдневóй* (Калуж., Ряз.) [СРНГ, т. 29, с. 43], *полудéнный домовóй* (Тул.) [СРНГ, т. 29, с. 143], *полуночник* [СРНГ, т. 29, с. 156], *полунóшица* (Новг.) [СРНГ, т. 29, с. 157], *пополудница* (Перм.) [СРНГ, т. 29, с. 333], *полунóчница* [ОСВГ, т. 8, с. 132], *полудница* [ОСВГ, т. 8, с. 131], *полунóчна* [СРГЮП, т. 2, с. 395]. Примеры: *Не рви горох в огороде – полуодница-то схватит* [СПГ, т. 2, с. 158] // *В полночь подымаются ото сна все домашние... и из всех углов гонят полуночницу криком шу-гу* [СРНГ, т. 29, с. 157] // *Полуночна, бывает, ребёнка маят* [СРГЮП, т. 2, с. 395] // *Не ходи в огород, там полуодница в борозде сидит, мохнатая и с рогами* [СРГЮП, т. 2, с. 395].

Так, мы установили 8 диалектных номинаций, называющих домового и указывающих на время его появления. По большей части домовой появлялся в сакральное время: в полночь или полдень.

В Таблице 7 приведены все вышеперечисленные диалектные номинации домового, классифицированные в соответствии с мотивирующим семантическим признаком.

Таблица 7. Типология номинаций домового по внутренней форме

Локация (84)	<p>Дом: домовид, домовидушко, домовик, домовитушко, домоведушко, домовоий, домовейко, домовеюшко, домовичок, домовая, домовинка, домовушка, домовиха, домаха, матушка-домовая, похозяйственник, хозяин, хозяйка.</p> <p>Печь: запеченик, запечнушко, печной хозяин, подпеченик, печая, калёная пёчка, запечельница.</p> <p>Голбец: голбешний.</p> <p>Подпол: подпольянник.</p> <p>Погреб: погребница-пыхтёлка.</p> <p>Угол: кутинья.</p> <p>Кладовка: кладовик, кладовоий, байдароинник.</p> <p>Сени: сенной.</p> <p>Двор: дворник, дворноий, дворовик, дворовоий, дворовушко, дворовуха, дворуха, матушка-подворёнка.</p> <p>Амбар: амбарник, амбарный.</p> <p>Гумно: гумённик, гумённый.</p> <p>Рига: дедко-рыгач, рецкий, ригачник, рижаник, рижский, рижница.</p> <p>Овин: овинщик, овинник, овинушко, подовинник, подовинный, овинница, овинничиха.</p> <p>Сарай: сарайоха.</p> <p>Огород: земляноий царь, бобовница, коноплянница(ника), огородница.</p> <p>Мякильник: мякильница.</p> <p>Конюшня: конёшник.</p> <p>Поле: полевик, выем, полянница, поляха, ржаница, стогафья.</p> <p>Общий локус: соседко, сосед, соседушка, соседушко, суседка, суседушка, сусед, суседушко, суседко, скотной суседка, круговоий, суседиха, соседка</p>
Родство (17)	<p>Большак, дед, дедка(о), дедушка(о), дядько, домовая бабушка, бабушка-соседушка, дедуха, дядины ребята, батюшка, батаман, батанушка, батаманушко, ватамушко,</p>

	<i>братáнушко, привál, онгбón</i>
Действие (54)	<p>Положительные: жáреник, носáк, кормíлец, кормíнчик, кормíльчик, скóтный кормíлец, дўмова, вещўнья, жаренýца, пережýнница, прýха, мотовíлиха, удéльница.</p> <p>Отрицательные: хáма, садолóм, гнеткé, дойк, гнеткó, букáнко, буканáй, бúхра-бáхра, бúчер, сусéдушка-бакáнушка (букáнушка), сéдушка-букáнушко, варахтáн, игрéц, изводень, лизúн, ман, манилко, манило, мéка, облóм, облám, осáд, притчúн, стриж, верещíха, гнётка, гнютёница, букарíца, букárка, букусéтка, бучéриха, варахтáнница, мýка, нестíха, пыхтéлка, пўжсанка, сутóрма, хítница, туруслáлка, стрýга, секуниха</p>
Оценка (39)	<p>Положительная: родíмец, доброхóдушко, доброхоòт, жировíк, жирóвый, милáк, норовоюшко, жíхарь, жихарёк, жíхорько, жихóрюшко, доможíл, доможíрко, мáтица-доброхóтица, жихарíха, жихорíчка, жýтель.</p> <p>Отрицательная: дурнóй, лихóй, ляд, страхилáт, страхилáтка.</p> <p>Нечистая сила: анчúтка, ванюшка, коловёриши, еретníк, лéмбой, мардáс, навnóй, упы́рь, чертáн, шайтáн, шилику́н, ма́ра, мару́шка, кикýмора, кикýморка, кику́мора, жировой чёрт</p>
Внешность (31)	<p>Животное: ужáк, ужáка, ужáчка, зверíнка, котáнко, медвéдко, медвéдушко, бирю́к, домовáя лásка, ласíца, лásка, росомáга, русомáга, сусéдушка-бурéдушка.</p> <p>Цвет: белúн, кра́сная бáба.</p> <p>Тень: постéн, постéн, постéнь, бестéнный бúка, стень и стинь.</p> <p>Волос: мохнáч, кузя, кузóтка, лýско, волосáтка.</p> <p>Другие признаки: багáн, лопáстый, железнýчка, зелезнýчка, медéница</p>
Табуирование (5)	<i>Онí, он и ён, сам, самá, другая половина</i>
Таксис (8)	<i>Полдневóй, полудéнныи домовóй, полуночник, полуношница, пополудница, полуночница, полудница, полуночна</i>

Итак, нами было выделено 7 семантических признаков мотивации диалектных номинаций домового: ‘локация’, ‘родство’, ‘действие’, ‘оценка’, ‘внешность’, ‘табуистический характер домового’ и ‘таксис’. Самый распространённый признак – ‘локация’ (84 ном.), так как основное предназначение домового – оберегать крестьянское жилище, включающее

все дворовые постройки и территории, освоенные человеком (огород, сад, поле). Признак с наименьшим количеством номинаций – ‘табуирование’ (5).

2.2.1.1.Семантический портрет русского домового

Итогом исследования номинаций домового является его семантический портрет. Существуют различные подходы к трактовке понятия «лингвистический портрет». Во-первых, он может обозначать любое полное описание объекта [Синица 2018, с. 27], как, например, в статье «Славянских древностей» [Левкиевская 2005, т. 1, с. 396–401]. Во-вторых, семантическое портретирование является одним из способов воссоздания языковой картины мира [Синица 2018, с. 8] – исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённой в языке совокупности представлений о мире, своего рода концептуализации действительности [Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2012, с. 9]. К примеру, в работе О. Г. Ровновой приводится языковой портрет бабушки [Ровнова 2010]. В данном исследовании семантический портрет формируется как совокупность сем, лежащих в основе наименования объекта, т.е. сем внутренней формы слова. Каждая из них – крупица мифологического мировоззрения народа, которое в совокупности они реконструируют [Якушевич 2012, с. 74]. Признак, заложенный в её основе, отображает сложившееся в сознании носителей представление о реалии [Березович 2000, с. 35]. Таким образом, семантическое портретирование на основе мотивирующих сем так или иначе восходит к учению А. А. Потебни о внутренней форме слова.

В ходе исследования был составлен следующий семантический портрет. Домовой – мифологический персонаж, предок-родоначальник, хранитель домашнего очага (*большáк, бáтьюшка, батáнушка, привáл* и пр.), обитающий на освоенной человеком территории: в различных частях дома (*домовéдушка, хозяин, подпéчник, запéчельница, голбéшный, подполýник, погребníца-пыхтéлка, кутíнья, кладовоý, сеннóй, сусéдка* и

пр.), прилегающих к нему постройках (*дворник, амбарник, рижаник, овнник, сароха, мякильница, конюшник* и пр.), а также в поле и огороде (*огородница, поляха, стогафья* и пр.). Ему свойственно совершать положительные и отрицательные действия. Так, он способствовал благополучию и богатству всемье (*жареница, кормилец* и пр.), помогал выполнять различную работу по хозяйству (*доик, носак, мотовильха* и пр.) и предсказывал судьбу домочадцам (*вещунья*). Однако в случае неповиновения или неподобающего поведения хозяев домовой мог их наказать (*осад, изводень, стрига* и пр.), напугать действиями или шумом (*пужсанка, пыхтёлка, гнетко, букарка, суторма* и пр.), украсть младенца (*хитница, ман* и пр.). С точки зрения крестьянина, домовой имел позитивную (*родимец, доброхот, доможил, жихоричка* и пр.) и негативную (*дурной, ляд, страхилат, лихой* и пр.) оценки. В некоторых его номинациях также прослеживается указание на его демоническую природу (*анчутка, мара, кикимора* и пр.). Данный мифологический персонаж мог предстать в облике животного с богатой шерстью (*зверинка, медведко, ласка* и пр.), тени (*пастен, бесстенный бука, постень* и пр.) или змеи (*ужачка, ужак, ужака*). Он имеет красную (*красная баба*) или белую (*белун*) одежду, а также является персонификацией природных элементов (*железнечка, зелезнечка* и пр.). Он может обладать длинными волосами (*кузютка, волосатка*) или быть лысым (*лыско*). Часто люди боялись произносить истинное название духа, поэтому называли его табуированным наименованием (*они, сама, он и ён, сам, другая половина*). Время его появления – полдень, после полудня или полночь (*полуночник, пополудница, полуодница* и пр.).

2.2.2. Типология номинаций лешего по внутренней форме

I. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘лес’

Русская земля всегда изобиловала лесами. Они имели большое значение в жизни крестьян. Лес – это источник строительного материала и

лесных даров (грибов, ягод, орехов, мёда). Кроме того, лес являлся средой обитания различных животных (бобров, зайцев, соболей, выдр, медведей, волков, лисиц, рысей, куниц) и птиц (тетеревов, куропаток, уток, рябчиков, диких гусей), а значит и местом охоты [Рябцев 1997, с. 320]. Именно в лесу, вокруг наряженной берёзки, водили хороводы, напевая песни, девушки-крестьянки на Троицу [Рябцев 1997, с. 255].

В древности леса были густыми, необъятными, бескрайними, способными дать приют целым народам. Во власти леса было и уничтожить незваных гостей. Люди тонули в болотах, погибали от клыков животных, становились жертвами чудесных лесных обитателей. Люди почитали природу, обожествляли её, приписывая ей магические свойства. «Лес был и домом, и храмом наших предков» [Калашников 2014, с. 102].

Семантикой ‘лес’ мотивированы следующие номинации лещего: *лес* (Олон.) [СРНГ, т. 16, с. 368], *лесик* (Олон.) [СРНГ, т. 16, с. 370], *лесман* [СРНГ, т. 16, с. 372], *лесначиха* (Перм.) [СРНГ, т. 16, с. 372], *лесник* (Олон.) [СРНГ, т. 16, с. 372], *лесной хозяин* (Волог., Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 373], *лесной* (Волог., Вят., Влад., Костром., Яросл., Новг.) [СРНГ, т. 16, с. 374], *леснуха* [ОСВГ, т. 5, с. 187], *лесовик* (Олон., Арх., Новг., Пск., Смол., Твер., Калуж., Тул., Ряз., Ворон., Симб., Нижегор., Костром., Вят., Тобол., Колым.) [СРНГ, т. 17, с. 10], *лесовиха* (Пек., Смол. Смол., Твер.) [СРНГ, т. 17, с. 10], *лесовой* (Енис., Олон., Яросл. Новг., Смол., Калуж., Курск.) [СРНГ, т. 17, с. 11], *лешак* (Якут., Енис., Краснояр., Том., Симб., Горно-Алт., Тобол., Курган., Урал., Перм., Казан., Ворон., Моск., Вят., Волог., Арх., Север.) [СРНГ, т. 17, с. 30], *лешачонок* (Вят., Енис.) [СРНГ, т. 17, с. 31], *лешачиха* (Южн.-Сиб., Иркут., Енис., Урал., Перм., Ленингр.) [СРНГ, т. 17, с. 31], *лешачка* [СРНГ, т. 17, с. 31], *лешеня* [СРНГ, т. 17, с. 32], *лешенята* (Тобол.) [СРНГ, т. 17, с. 32], *лешиман* (Калуж., Терс., Тул., Перм.) [СРНГ, т. 17, с. 75], *полесовик* (Олон.) [СРНГ, т. 29, с. 59].

Мотивирующая основа *—лес*— имеет общеславянское происхождение в значении ‘пространство, поросшее лиственными деревьями’ [ЭСРЯ, т. 9, с. 77]. Суффиксы *-онок-*, *-ик-*, *-ят-* приписываются номинациям уменьшительно-ласкательное значение. Приведём примеры: *Лес с виду всем похож на человека, только синеобразен, т.е. кровь у него синяя* [СРНГ, т. 16, с. 368] // *Лесной водит, идёт человек по дороге, идёт и не знает где. Меня лесной не водил* [СРНГ, т. 16, с. 373] // *В лесах слышат лесики, в дому уголки* (пословица) [СРНГ, т. 16, с. 370] // *Около нашей деревни находился густой лес. Сказывали, что там Авдотья видела самого лешака* [СРНГ, т. 17, с. 35] // *Идём мы как-то за грибами. Смотрим — стог сена. А возле него солдат в шинельке с ружьем <...>. Ну, и поняли мы, что это лешак, и попали мы к нему на дорожку* [Русинова, Гранова 2016, с. 133].

Особый интерес представляют названия лешего, мотивированные детализирующими образ леса словами: *боровий* (Арх.) [СРНГ, т. 3, с. 107], *еланъя* (Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 8, с. 338]. *Боровий* имеет мотивирующую основу *—бор-*: первичное значение «хвоя» («то, что колет»), затем — «хвойное дерево, сосна» (ср. др.-рус. боръ «сосна») и далее — «хвойный лес» [ЭСРЯ, т. 1, с. 164]. Пример: *На бору ходит боровой, хуже медведя, самый страшный. Борового-то зовут леший // Уж она [ворожея] лучше знат, как звать — боровой, лешак ли // Боровой-то и есть лешой* [СРНГ, т. 3, с. 107].

Номинация *еланъя* имеет спорное происхождение. С одной стороны, она могла образоваться от слова *елань* ‘обширная проталина, луговая или полевая равнина’ [ТСЖВЯ, т. 1, с. 462]. С другой стороны, многие исследователи указывают на любовь лешего к еловым лесам [ССМ, с. 179], тогда данная номинация может происходить от слова *ель*: *Сам весь еловый, и руки и голова* [Криничная 2004, с. 251].

Возможно, номинация *ёлс* (Костром.) [СРНГ, т. 8, с. 348], превратившись в *лес*, подверглась морфотактической перестановке. Тогда возникновение данного наименования вполне объяснимо: лес — среда

обитания лешего. Другая версия: *ёлс* – это редуцированное имя Велеса [Фасмер, т. 2, с. 17]. Приведём пример: *И кое во тебе ёлса надо?* [СРНГ, т. 8, с. 348].

Мифологический персонаж *корбённик* [СРГК, т. 2, с. 421] также является обитателем леса. Диалектизм пришёл из карельского *korbi* ‘ложбина, поросшая дремучим лесом’ [Фасмер, т. 2, с. 322] и образовался с помощью диминутива *-ик-*. О *корбённике*: *Корба — лес такой, корбеник — это хозяин корбы, его никто не видел* [СРГК, т. 2, с. 421].

Довольно интересна, с точки зрения лингвистики, номинация *вотчинник*, произошедшая от праславянского корня **otъcīna* ‘отцовское владение, наследство (земля, дом)’ [РЭС, т. 8, с. 321]. Отсюда следует значение: вотчинник – хозяин, что очень точно описывает статус лешего. Пример: *Вотчинник пушиной руководит; добрый охотник ему всегда поллитровочку поставит* [СРНГ, т. 5, с. 163].

Итак, отношения человека с определённым ареалом леса, как и с его духом, начинались отторжением от природной стихии и овладением определённой территорией: сначала появлялась одна изба, потом вырастала целая деревня, затем село. Лес уменьшался, оставался в стороне, но, тем не менее, соседствовал с культурным пространством, освоенным человеком. В этой природной стихии, хаосе был единственный организующий начало его дух [Криничная 2004, с. 247]. Нами было найдено 24 диалектные номинации лешего, внутренняя форма которых указывает на его место обитания – лес.

II. Номинация мотивирована табуистическим характером лешего

Люди старались не называть лешего по имени, опасаясь навлечь беду. Отсюда возникают табуистические номинации *другáя половíна* (Олон.) [СРНГ, т. 8, с. 210], *обáнак* (Новг., Пск., Твер.) [СРНГ, т. 21, с. 348], *обанáт* (Новг., Пск., Твер.) [СРНГ, т. 21, с. 348], *обмéн* (Волог., Арх., Олон., Север., Твер., Яросл., Перм., Свердл.) [СРНГ, т. 22, с. 123], *он и ён* (Смол., Тул., Яросл., Сиб.) [СРНГ, т. 23, с. 213], *онí* (Волог., Новг.) [СРНГ, т. 23, с. 215], *óны и ёны*

(Волог., Новг., Смол.) [СРНГ, т. 23, с. 228], *сéндушиный* (Якут.) [СРНГ, т. 37, с. 163].

Номинации *обáнак* и *обанáт* имеют спорную этимологию. С одной стороны, возможно данные диалектизмы образованы от слова *баня*, а приставка *-о-* имеет значение ‘находящееся рядом или совпадающее с тем, что названо мотивирующим сущ.’ [CCA, с. 127]. Так, леший мог находиться рядом с баней и даже заходить в неё [Криничная 2004, с. 85-86]. Более того,озвучная лексема *обанок* в СРНГ означает ‘предбанник’ [СРНГ, т. 21, с. 348]. С другой стороны, вероятно, данные номинации относятся кобсценной лексике и происходят от праславянского **jebati* ‘бить’ [ЭССЯ, т. 8, с. 188]. Так, при описании данных номинаций в СРНГ стоит пометка отом, что данные слова относятся к бранной лексике.

Сюда же входит и номинация *обмéн*, имеющая славянское происхождение в значении ‘изменение’ [Фасмер, т. 2, с. 597]. Ведь в леших часто превращаются дети, обменённые нечистой силой [Мадлевская 2005, с. 174]. Слово *сендущий*, возможно, происходит от смешения двух слов *сень* и *душа*. Мотивирующая основа *-сен-* имеет первоначальное значение ‘тень, защита’ [ЭСРЯ1, с. 406], а древнерусское слово *дух* – ‘душа, разум, воздух’ [ЭСРЯ1, с. 135]. Приведём примеры: *Играет леший в карты не только с православными, но и с сендушным, с морским лешим* [СРНГ, т. 37, с. 163].

Таким образом, мы зафиксировали 8 табуистических наименований лешего, включающих местоименные номинации, бранные слова, а также те, которые указывают на его происхождение.

III. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘действие’

Считается, что лешему свойственны негативные поступки по отношению к человеку. Он мешает людям, всячески их запутывает и пугает [Криничная 1989, с. 192]. Однако лешему подвластны не только лес и его дикие обитатели, но и домашние животные [Криничная 2004, с. 282]. Поэтому люди старались задобрить лешего, заключить с ним соглашение.

Какие действия характерны для лешего, можно понять по мотивирующему глаголу:

1) залучить – *залұтчик*. Согласно различным верованиям, леший заманивает людей в лес и заставляет их блуждать [Мадлевская 2005, с. 179]. Отсюда номинации *залұтчик* (Вят.) [СРНГ, т. 10, с.224], *залұтчица* (Вят.) [СРНГ, т. 10, с. 224], *лукáнька* (Яросл.) [СРНГ, т. 17, с. 188] (зalучать – заманивать [ТСЖВЯ, т. 1, с.535]). Пример: *Лука залутчик залучает божьих зверей* [СРНГ, т. 10, с. 224].

2) блудить – *блуд*. Номинация *блуд* [CCГ, т. 1, с. 193] имеет два значения: русск. *блуд* ‘уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле’, ст.-слав. *блждъ* ‘беспутство, распутство’ [ЭССЯ, т. 2, с. 126]. Так, с одной стороны, он водит людей, заставляет их блудить, плутать, а с другой стороны, он проявляет распутство. Многие исследователи утверждают, что леший – большой любитель девушек. Он их похищает и делает своими жёнами [Криничная 2004, с. 313; Левкиевская 2002, с. 280-281], т.е. блудит. Примеры: *Блуд Ивана дня три водил* [СРНГ, т. 3, с.29] // *Як прывяли радива у дереуню, спирва старухи усё кричали: блут, ета блут!* [CCГ, т. 1, 193].

3) легать – *легáн* (Новг.) [СРНГ, т. 16, с. 309]: легать – ложиться [ТСЖВЯ, т. 2, с. 212]. Как и домовой, леший любит веселиться и играть (ном. *игрунóк* (Арх.) [СГРС, т. 4, с. 304], *грец* (Курск., Краснодар.) [СРНГ, т. 7, с. 135]). Он ложится на ветви деревьев и качается на них.

Отметим номинацию по глаголу *зыбаться* – *зыбочник* (Олон., Новг., Арх., Пск.) [СРНГ, т. 12, с. 32] (*зыбаться* – качаться [ТСЖВЯ, т. 1, с. 625]). Как уже было сказано выше, леший – это обменённый ребёнок, следовательно, ему свойственны действия обычных детей. Он играет и зыбаётся. Примечательно, что качающаяся колыбель называлась зыбкой [СРНГ, т. 12, с. 30]. Примеры: *Игрунок бродит в лесу, от его блазнит* [СГРС, т. 4, с. 304] // *Грец тебе там носит* [СРНГ, т. 7, с. 135] // *Отдам тя зыбочнику* [СРНГ, т. 12, с. 32].

Шатать – *шату́н* [ЯОС, т. 10, с. 71]. В ТСЖВЯ данный глагол имеет такие значения: 1) качать, колебать, трясти, наклонять туда и сюда; 2) слоняться, таскаться, бродить без дела и нужды [ТСЖВЯ, т. 4, с. 570]. Так, леший часто гуляет по лесу, охраняя свои владения, и встречает на своём пути гостей, всячески сбивая их с пути и мешая им (мешать – *пáмха* (Твер., Новг., Олон.) [СРНГ, т. 25, с. 187] (от устар. *помéха*).) продолжать путь, собирать плоды и охотиться. Примеры: // *Памха тя побери* [СРНГ, т. 25, с. 187] // *Ближе, ближе затрещали кусты. Я, говорит, хотел стрелить — руки не поднимаются, отнялись и всё. Ни крикнуть, ни двинуться — ничего не могу. Слышу, грит, <...> в кустах затрещало, захочотал тут таким голосом громким: “Что, — говорит, — не можешь стрелить? Не сможешь ты стрелить. Не сможешь и не убьёшь!” — Ишо раз захочотал, затрещали кусты. Он ушёл* [Криничная 2004, с. 273].

Леший, являясь существом потустороннего мира, мог предсказывать будущее. Существовало поверье, что если в Великий четверг прийти в лес, сесть на старую берёзу и прокричать: «Царь лесовой, всем зверьям батька, явись сюда!», то леший непременно расскажет о судьбе [Мадлевская 2005, с. 177]. Вероятно, с этим фактом связана номинация *вещи́ца* (Уфим., Перм., Тобол.) [ИЭСРГА, т. 2, с. 96], образованная от глагола *вещать* ‘говорить что-либо значительное, важное’ [МАС, т. 1, с. 160]. Примеры: *Уж такая вещи́ца не узнаят, дак кто ещё узнает* [СРНГ, т. 4, с. 229].

Как уже было сказано выше, люди стараются угодить лешему, договориться с ним, надеясь на его покровительство. Однако если рассердить этого лесного духа, то людей ждут серьёзные наказания. В связи с этим в некоторых регионах леший носит следующие названия по действиям: драть кожу – *кожедёр* (Южн.-Сиб., Том., Иркут.) [СРНГ, т. 14, с. 51]; ломать кости – *костолóм* (Южн.-Сиб.) [СРНГ, т. 15, с. 77]; ломать – *лáман* (Олон., Перм., Новг.) [СРНГ, т. 16, с. 252], произошедшая от цслав. *lamati* ‘ломать, крушить,

заламывать, корчить' [ЭССЯ, т.14, с. 25]. Пример: *Ламан тя возьми!* [СРНГ, т. 16, с. 252].

Итак, нами было обнаружено 14 диалектных номинаций лешего, всемантике которых есть указание на его действия. Так, лешему характерно, по большей части, проявление негативных поступков не только в отношении человека, но и домашних животных. Он ломает кости, дерёт кожу, заманивает и путает своих гостей, а также предвещает несчастья и, словно ребёнок, качается на ветках.

IV. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘оценка’

Вопрос о появлении лешего в мире людей очень спорный. Некоторые исследователи в качестве объяснения происхождения данного мифологического персонажа приводят легенду о том, как Архангел Михаил прогнал чертей с небес, и они упали в разные места. Так появились различные духи, нечистая сила: упавшие в дом – домовые, упавшие в воду – водяные, упавшие в лес – лешие и т.д. [Померанцева 1975, с. 32].

Существует точка зрения, что леший происходит из проклятых людей, некрещёных или обменённых детей, из нечистых покойников [Левкиевская 2002, с. 280-281]. Будучи посланником загробного мира и одичав внепроходимом лесу, леший получил номинации *дико́нький* (Вят.) [СРНГ, т. 8, с. 64] и *ди́кий* (Вят.) [СРНГ, т. 8, с. 57]. Первоначальное значение слова *дикий* ‘вольный’ [Фасмер, т.1, с. 514], ‘порожний, бездеятельный’ [ЭСРЯ, т. 5, с. 118]. Пример: *Дикой не знает, куда она убежала* [СРНГ, т. 8, с. 57]. Подчеркнём, что в номинации *дико́нький* содержится энантиосемия, которую составляют ласкательный суффикс *-оньк-* и отрицательное лексическое значение.

Номинации *вóрог* (Орл.) [СРНГ, т. 5, с. 108] и *враг* (Волог.) [СГРС, т. 2, с. 198] также оправданы: леший пребывал врагом не только человеку, посягающему на его территории, но и другим духам, защищающим своё пространство (*домовíк*, *поля́ха*, *колóдечник* и др.) [Левкиевская 2009, с. 319].

Отметим, что согласно христианской точке зрения, все языческие боги и духи есть враги. Пример: *Некреищёная не ходи по лесу, там враг-от везде бегает, лешак* [СГРС, т. 2, с. 198].

Негóдные (Нижегор., Волог.) [СРНГ, т. 20, с. 374] – те, кто не годится (годиться: быть годным, полезным [ТСЖВЯ, т. 2, с. 323]). Лешие, порой жестоко разыгрывая людей и держа их под своим строгим контролем, расценивались людьми как бесполезные, даже вредные и опасные существа [Ивашинина 2019, с. 166-172]. Пример: *Целая толпа негодных прошла мимо его с покойником на руках* [СРНГ, т. 20, с. 374].

Номинации *лémор* (Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 350], *лéман* (Волог., Калуж.) [СРНГ, т. 16, с. 346] и *лémбой* (Олон., Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 347] имеют финно-угорское происхождение и означают ‘лесной чёрт’ [Фасмер, т. 2, с. 480]. Они похищали проклятых родителями детей и образовывали целые семьи [Рыбников 1864, с. 182]. Приведём примеры: *Леман тебе возьми!* [СРНГ, т. 16, с. 346] // *Когда отец или мать, возгорчившись на ребёнка, говорят недобрые слова: ой, лембой тя дери, ой, изымитко тя; ну тя к лешему, — лембои тут и есть: они похищают заклятых* [Криничная 2004, с. 312]. Не будем отрицать связь слова *лémбой* с финно-угорским *ламба* ‘небольшое озеро, образовавшееся на прежнем русле реки’ [Фасмер, т. 2, с. 455]. Такая мотивация вполне обоснована, ведь в Арх. преобладают болотистые леса. Таким образом, локус лешего расширяется: к лесным чащам добавляются озёра и болота [Криничная 2004, с. 265].

Демоническое происхождение лешего отмечено в номинациях *сатайла* (Иркут.) [СРНГ, т. 36, с. 150], *сатана́* (Новг.) [СРНГ, т. 36, с. 150], которые обладают древнееврейским происхождением. Сатана – бес, дьявол, чёрт [ТСЖВЯ, т. 4, с. 497]. Приведём пример: *Из леса дремучего бегут мне навстречу двадцать сатанаилов, двадцать дьяволов* [КЭСМ, с. 466].

Номинации *некреищёный* (Костром.) [СРНГ, т. 21, с. 65], *прóклятый* (Астрах.) [СРНГ, т. 32, с. 160], *проклянёный* (Астрах.) [СРНГ, т. 32, с. 159]

мотивированы представлением о защитной силе обряда крещения: леший в прошлом – некрещённое, обменённое, проклятое родителями [Мадлевская 2005, с. 174]. Таких детей-леших также называли *леснóй дítятко* [АОС, т. 11, с. 156], *байстрóк* (Костром.) [СРНГ, т. 2, с. 57]. Пример: *Лесной дитятко, на тебе яичько, а ты мне отдавай бычъка. Лешой, лесной дитятко* [АОС, т. 11, с. 156]. Примечательно, *байстрюком* называли и внебрачного ребёнка [Маркина 2021, с. 208-214].

Особый интерес представляет номинация *Ива́н чародéй*. Лексема *чародéй* (Арх.) [СГРС, т. 4, с. 297] общеславянского происхождения имеет значение ‘волшебство’ [ЭСРЯ, т. 1, с. 487]. Возможно, как и номинация домового *Ваню́шка*, *Ива́н чародéй* связана с предшественником Иисуса Христа Иоанном Крестителем (Иваном Купала) и с одноимённым праздником. Именно накануне дня Ивана Купала можно было встретить лешего в лесу и даже договориться с ним [СГРС, с. 252]. Приведём примеры: *Заходишь в лес, говорят: Иван Чародей да Марья Николавна, дай заходу и выходу, и грибов, и ягод* [СГРС, т. 4, с. 297].

Подобно тому, как в Орл. называют домового, а в Терск. – водяного, так и в Калуж. называют лешего *анчúткой* (Калуж.) [СРНГ, т. 1, с. 262]. Подробное описание внутренней формы данного диалектизма было дано выше. Пример: *Пойди-ка ночью в лес, там тебя анчутка схватит* [СРНГ, т. 1, с. 262].

К группе номинаций с отрицательной оценкой также относятся номинации *лихомáнник* и *лихáч*; их описание представлено на стр. 52.

Согласно поверьям, леший с особым трепетом относится к своим владениям: он оберегает их от бед и непрошенных гостей, следит запорядком там. Для людей, всячески задабривающих лесного духа и неступающих на его территории без спроса, леший являлся добрым духом. Так, положительная оценка прослеживается в следующих номинациях: *вóльный* (Новг.) [СРНГ, т. 5, с. 87], *лад* (Олон.) [СРНГ, т. 16, с. 227], *леснóй херувíм*

(Влад.) [СРНГ, т. 16, с. 373], *прáведный* (Новг., Олон.) [СРНГ, т. 31, с. 52], *сесíльный* (Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 37, с. 232], *лес честнóй* (Смол., Костром., Пск.) [СРНГ, т. 16, с. 368].

Вóльный – ни от кого не зависящий, никому не подвластный; свободный, независимый [МАС, т. 1, с. 208]. Приведём примеры: *Подовиннушико да баннышко хозяева, а в лесу нет хозяина, там вольный* [СГРС, т. 2, с. 169].

Одна из особенностей лещего – возможность вступить в договор посредством определённого заговора с пастухом. Заключённое соглашение беспрекословно выполнялось обеими сторонами. Так, лешему надлежало защищать скот от волков, держать его сытым и продуктивным, а пастух обязывался отдать определённое количество животных [Криничная 2004, с. 282]. Отсюда номинация *лес честнóй*. Обращаясь к нему, пастухи говорили: *Лес честной, царь богатый и многомилостивый! Спаси моих лошадок в поле, за полями, в лесу, за лесами, где оне ходят, гуляют, росу выпивают, — тем оне сыты пребывают. Вот тебе, лес честной, хлеб-соль и низкий поклон* [Криничная 2004, с. 282].

Для лещего также было важно, чтобы православные традиции не нарушались. В частности, люди обязаны читать молитвы и креститься перед сном. Такое соблюдение религиозных предписаний, возможно, и предшествовало появлению номинации *прáведный*. Другие номинации, выделяющие власть и всемогущество лесного духа: *леснóй херувим* (подробное описание на стр. 60) и *сесíльный*. Пример: *Лес праведный, лесной праведный, дети ваши, слуги ваши, если вы не поможете нам белок убивать, я буду жаловаться самому царю белому Иисусу Христу* [Криничная 2004, с. 278].

Описание номинации *лад* приведено на стр. 51, *лесной херувим* – на стр. 62.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что леший, как и домовой, имеет амбивалентную семантику, которую составляют 19 номинаций с отрицательной коннотацией и 6 – с положительной. С одной стороны, он проклятый родителями или некрещёный ребёнок. Он похищает детей и девушек, причиняя вред всем, кто посмел посягнуть на его территорию. С другой стороны, он всегда находится в курсе, что происходит с человеком, и предсказывает ему события, заключает договор с пастухом, помогая ему со скотом, а также следит за соблюдением религиозных предписаний.

V. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘внешность’

Согласно поверьям, леший может принимать фито-, зоо- и антропоморфные облики. Леший является персонификацией леса. Он способен превратиться в дерево, пенёк и пр. Об этом свидетельствуют вышеописанные номинации *лесик*, *лес честной* и пр.

Бывает и так, что леший предпочитает оставаться невидимым, издавая различные трески, стуки и пр. [Криничная 2004, с. 254]. Номинация *неведомый* (Смол.) [СРНГ, т. 20, с. 329] образована от глагола *ведать* (знать: ТСЖВЯ, т. 1, с. 155). *Неведомый* – значит ‘неизвестный’. Во власти лешего оставаться невидимым и принимать абсолютно любой облик, имея свои характерные черты [Левкиевская 2002, с. 280-281]. Он может превратиться вобычного человека, о чём свидетельствуют номинации *мужичóк* (Яросл.) [СРНГ, т. 18, с. 334], *дéдко* (Дон., Урал., Курск.) [СРНГ, т. 7, с. 329], *дéдушка* (Орл., Вят., Перм., Ворон.) [СРНГ, т. 7, с. 331], *дéдушко* (Новг.) [СРНГ, т. 7, с.332], *дéдюшка* (Вят.) [СРНГ, т. 7, с. 332], *дéдя* (Вят., Перм.) [СРНГ, т. 7, с.332], *лесово́й дéдушко* (Новг.) [СРНГ, т. 17, с. 11], *ботамáнушко* (Волог.) [СРНГ, т. 3, с. 130], *лесная девка* [ССГ, т. 3, с. 5], *лесно́й дáдя* [СРНГ, т. 16, с. 373]. Уменьшительно-ласкательная коннотация заложена с помощью суффиксов *-ок-*, *-ушк(o)-*, *-ушк(a)-*, *-юшк-*. В большинстве своём эти номинации мотивированы корнем *-дед-*. Одна из версий этимологии слова

ботамáнушко – наложение слов *батя* и *атаман* [Фасмер, т. 1, с. 133]. Подчеркнём, что, представая человеком, леший имел определённые отличительные черты: он не отбрасывает тени, левый лапоть надет на правую ногу и т.д. Примеры: *Его в детстве водил три дня по лесу неведомый, т. е. леший* [СРНГ, т. 20, с. 329] // *Слышали, как колокольчик звенит и кто-то посвистывает, мы за колокольчиком бежали. А свистел, видать, дедушко, вёл корову за собой* [Криничная 2004, с. 293] // *Пошел Иван лесом, видит он лесного дедушку // Духов, обитающих в лесу, называют лесовик, дедюшка лесной, леший* [СРНГ, т. 7, с. 332] // *Дедко леший идёт!* [СГРС, т. 3, с. 197] // *Дедко бывал в лесу, коней дедко обирал* [СРГК, т. 1, с. 441] // *Меня белый дедушко позвал: пойдём, паренёк, по лису, бурачка дам* [СРГК, т. 1, с. 442].

Исходя из последнего примера, мы видим, что леший мог предстать в белом цвете. Некоторые исследователи утверждают, что он одевается в белую и красную одежду [Власова 2008], отсюда номинация *бéлая бáба* (Волог.) [СГРС, т. 1, с. 89] и *красноплéший* (Яросл.) [СРНГ, т. 15, с. 184]. Пример: *Белая баба выходит, бросает красной собакой* [СГРС, т. 1, с. 89].

Спорным является вопрос о том, почему лешего называли *красноплéший*. Вероятно, слово состоит из двух корней *-красн-* ‘алый цвет’ (значение ‘красивый’ утеряно с XVI века) [ЭСРЯ, т. 8, с. 375] и *-плеши-* ‘лысый, голый’ [Фасмер, т. 3, с. 281]. Наготу лешего подтверждают и исследователи [Криничная 2004, с. 261]. Можно также предположить, что номинация подверглась процессу палatalизации и первоначальная фонема *ч* заменилась на *ш*, превращая *красноплéчего* в *красноплéшего*. Мы допускаем такую точку зрения, так как леший питал любовь к красным кафтанам и поясам [Власова 2008; Криничная 2004].

Стоит отметить, что не только белый и красный цвета характерны для лешего. Считается, что отличительная черта потустороннего происхождения лешего есть синий цвет его крови [Максимов 1994, с. 72], что делает и самого лешего синеватым. Такая особенность отражена в номинации *синеобрáзный*

(Олон.) [СРНГ, т. 37, с. 326]: *С виду лес похож на человека, только кровь у него тёмная, а не светлая, как у людей, потому его и зовут синеобразным* [Рыбников 1864, с. 185].

В некоторых номинациях лешего прослеживается такая особенность, как наличие у него волос и шерсти: *бородатка* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 159], *волосатик* (Волог., Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 5, с. 58], *кухтакта* (Арх.) [СГРС, т. 6, с. 327]. Последняя номинация образована от слова *кухта* ‘косматый иней на деревьях, куржевина, опока’ [ТСЖВЯ, т. 2, с. 832]. Учитывая, что леший может приобретать облик любого куста, неудивительно, что он обладает некоторой лохматостью. Примеры: *Волосаткой пугали и бородаткой, волосатка лохматая, а бородатка – как баба, только с бородой, в лес потащит, задавит* [СГРС, т. 1, с. 159] // *Пошарапка была во ржах ходила, хуже волка и медведя. Корову схватит за вымя, дак шибко боялись; кухтакта да барахтакта его называли тоже, за коровами ударяло, шибко когтистая* [СГРС, т. 6, с. 327].

Диалектизм *куранко* (Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 111] имеет спорную этимологию. С одной стороны, возможно образование номинации от праславянского **kurъ* ‘петух’ [ЭССЯ, т. 13, с. 129]. Так, в СРНГ наблюдаются и другие названия птиц с этим же корнем: *куранка* ‘индейка’, *куранник* ‘птица канюк’, *куранята* ‘индюшата’ [СРНГ, т. 16, с. 111]. Известно, что леший способен принимать облик животных птиц, следовательно, такое происхождение данной номинации вполне допустимо. С другой стороны, в семантике лексемы *куранко* наблюдается связь с водой. Морфема *-кур-* прослеживается в названиях «старичных» озёр, находящихся во Владимирской и Московской областях: *Качкур*, *Печкур* и пр. Названия такого типа часто встречаются и в реках: *Вишкур*, *Каскура*, *Печкура*. Вероятно, эта морфема восходит к финно-угорскому *kuru* ‘длинное узкое углубление; залив или ложбина, ущелье или русло с крутыми берегами’

[Матвеев 1996, с. 8-9]. Кроме того, в данной номинации имеется суффикс -*к(о)-*, что придаёт ей ласкательное значение.

Вятский диалектизм *албáстый* также может быть связан с водоёмами, так как *албаста* – русалка: *Тута камышами по ночам албаста шатается* [СРНГ, т. 1, с. 233]. Этимология номинации не ясна. С одной стороны, данное слово могло подвергнуться морфотактической перестановке и обладать первоначальной формой *лобастый* как ‘широколицый, здоровый, большой’ [СРНГ, т. 17, с. 95]. Высокий рост лешего отмечается и в других номинациях: *большák* (Вят.) [СРНГ, т. 3, с. 86], *большóй дядя* (Вят.) [СРНГ, т. 3, с. 93], *большóй мужíк* [СГРС, т. 7, с. 353], *долгий дядюшка* (Вят.) [СРНГ, т. 8, с. 106]. *Албáстого* в некоторых регионах также называли *лопáстый*. В СРНГ есть однокоренные номинаций русалки и домового: *лобáста* – *лобáстый* [СРНГ, т. 17, с. 95; с. 131-132]. С другой стороны, *албастому* присвоили роль злого духа в мифах таких народов, как татары, лезгины, грузины, армяне и пр. [Гордлевский 1962, с. 314].

Номинация *ку́ка* (Ряз.) [СРНГ, т. 16, с. 30] дополняет сведения овнешнем виде лешего. Она имеет общий корень с другим мифологическим существом *кикíморой* (*куки́морой*). Так, корень –*кук-* помимо вышеописанных значений, подразумевает ещё и ‘горбатый, скрюченный, выгнутый’ [ЭССЯ, т. 13, с. 86-87].

Итак, внешность лешего достаточно разнообразна. Мы зафиксировали 23 диалектных наименования, подчёркивающих универсальность его обликов. Он персонифицирует лес и предстаёт в виде деревьев, пеньков, кустов, листочков и грибочек. Он может повторить облик человека, став низким, как трава или высоким, как сосна. Отчего в его образе прослеживается определённая вертикаль. Леший также копирует внешность своих лесных жителей, обрачиваясь птичкой или животным.

В Таблице 8 приведены все вышеперечисленные диалектные номинации лешего, классифицированные в соответствии с мотивирующим семантическим признаком.

Таблица 8. Типология номинаций лешего по внутренней форме

Лес (24)	<i>Лесик, лесман, лесник, лесной хозяин, лесной, лесовик, лесовой, лешак, лешачонок, лешеня, лешенята, лешман, елания, ёлс, полесовик, боровой, корбеник, лесначиха, леснуха, лесовиха, лешачиха, лешачка, лес, вотчинник</i>
Табуирование (8)	<i>Другая половина, обанак, обанат, обмен, он и ён, они, оны и ёны, сендушиный</i>
Действие (14)	<i>Залутчик, луканька, блуд, леган, игруночка, грец, шатун, кожедёр, костолом, ламан, залутчица, памха, вецица, зыбочник</i>
Оценка (25)	Отрицательная: диконький, дикий, лихач, лихоманник, ворог, враг, негодные, лемор, леман, лембой, сатайла, сатана, некрещёный, проклятый, Иван чародей, анчутка, проклянённый, лесной дитятко, байстрюк. Положительная: вольный, лад, лесной херувим, праведный, сесильный, лес честной
Внешность (23)	Человек: дедко, дедушка(о), дедюшка, дедя, лесовой дедушко, ботаманушко, лесная девка, мужичок, лесной дядя. Животное: курэнко. Цвет: красноплеший, синеобразный, белая баба. Волос: волосатик, кухтакта, бородатка. Размер: албастый, большак, большой дядя, большой мужик, долгий дядюшка. Другие признаки: кука, неведомый

Нами было выявлено 5 семантических признаков мотивации диалектных номинаций лешего: ‘лес’, ‘табуирование’, ‘действие’, ‘оценка’, ‘внешность’. Самые распространённый признак – оценка (25). Самый малочисленный признак – табуирование (8).

2.2.2.1. Семантический портрет русского лешего

Итогом исследования номинаций лешего является его семантический портрет. Основное место обитания лешего – лес (*лесик, лесовой хозяин, боровой, корбеник* и пр.). Каждый день он обходит свои владения (*шатун*),

играет (*игрунóк, грец*), подобно ребёнку, ложится на густые ветви деревьев и качается на них (*легáн, зыбочник*). Он жестоко наказывает непрошенных гостей (*ко́жедёр, лáман, костолóм*), всячески им мешает (*памхá*), заманивает их в лес и заставляет блуждать (*залúтчик, луканька, залúтчица, блуд*), а также может предсказать будущее (*веци́ца*). Некоторые исследователи подчёркивают особую любовь лешего к девушкам (*блуд*). Данный мифологический персонаж может иметь внешность человека (*дéдушка, дýтятко, лесна́я дéвка, мужичóк* и пр.) или животного (*куránко*). Ему свойственны красный, синий и белый цвета (*красноплéший, синеобрáзный, бéлая бáба*). В его образе прослеживается наличие густых волос или шерсти (*волосáтик, кухтáхта, бородáтка*). Он может стать большим и высоким как деревья (*албáстый, большáк, большóй дýдя, большóй мужíк, дóлгий дýдюшка*) или оставаться невидимым (*невéдомый*). По оценке крестьянина, леший по большей части имеет негативную оценку. Так, он проклятый родителями или некрещёный ребёнок (*лесно́й дýтятко, некрещённый, прокля́тый*). Он похищает детей и девушек, причиняя вред всем, кто посмел посягнуть на его территорию (*дико́нький, дикбóй, лихáч, лихомáнник, вóрог, враг, негóдные*) и относится к нечистой силе (*сатаила, сатана, Иван чародéй, анчúтка* и пр.). Тем не менее, леший – полноправный хозяин леса, с особым трепетом оберегающий его (*вóльный, лесно́й херувíм, сесíльный, вóтчинник*). Он честно защищает крестьянский скот взамен на несколько животных (*лес честнóй*), беспокоится о жизни самих крестьян, следя, чтобы они не забывали креститься и молиться (*лад, прáведный*). Вызывая опасение у крестьян, леший получил некоторые табуистические наименования (*другáя половíна, обáнак, обанáт, они* и пр.).

2.2.3. Типология номинация водяного по внутренней форме

I. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘место’

Издревле, ещё до принятия христианства, вода имела сакральное значение, что отразилось на её символике. Так, реки и озёра считались водой, наполненной жизнью. Приписывание воде магических признаков связано сеё происхождением из недр земли и родников, обладающих целебными свойствами [Берегова 2008, с. 39].

Наиболее характерные номинации водяных имеют очевидную мотивацию и указывают на связь с водой (корень *vod- [Фасмер, т. 1, с. 330]): *воденик* [СРГК, т. 1, с. 211], *водыльник* (Олон.) [СРНГ, т. 4, с. 348], *водя* (Онеж.) [СРНГ, т. 4, с. 348], *водянáя* [СРГСПК, т. 1, с. 253], *водянёнок* (Якут.) [СРНГ, т. 4, с. 348], *водяни́ха* (Якут., Аpx.) [СРНГ, т. 4, с. 351], *водяновка* (Аpx.) [СРНГ, т. 4, с. 351], *водяну́ха* (Аpx.) [СРНГ, т. 4, с. 354], *водянéц* [СБГ, т. 3, с. 38], *водяник* [ССГ, т. 2, с. 66], *водяни́ца* [СГРСУ, т. 1, с. 86], *изводёный* (Ряз.) [СРНГ, т. 12, с. 108].

Приведём примеры: *Какое теперь купанье, теперь водяной зажил!* [СРС, с. 81] // *Водя, водя, водяник, водя, красный воротник. Водя водочку пьёт, за ребятками идёт* [СРНГ, т. 4, с. 348] // *Маш — озерский водяник — проиграл в карты Онежскому всю ряпуху* [СРНГ, т. 4, с. 349] // *В воде сидит, волосы распустит водяниха-то* [СРНГ, т. 4, с. 350] // *В Чёрном море есть плавает чёрт да чертуха, водяной да водянуха* [СРНГ, т. 4, с. 354] // *Водяница-лесовица, шальная девица, отвяжись, отступись, на моём дворе не кажись!* [Крючкова 2014, с. 99] // *Воденики есть в каждой воды. Чого у нас небольшая копань (т.е. пруд), а и тут воденик* [Черепанова 1983, с. 67].

Согласно верованиям, водяной обитает в «живой» воде, которая пробивается из-под почвы. В народе считали, что именно водяной делает воду «живой» [Криничная 2004, с. 334]. Так, в локус водяного входят реки и озёра, где живут *озеревик* (Новг.) [СРНГ, т. 23, с. 90], *озерной* (Костром.) [СРНГ, т. 23, с. 92], *рековой* (Аpx.) [СРНГ, т. 35, с. 45]. Пример: *Я не видала, а люди говорили, что озеро глумилось и озерной выходил* [Черепанова 1983, с. 68].

Но водяной мог жить и в гибельной, омутной, воде: *омутник* (Новг.) [СРНГ, т. 23, с. 207], *омутница* (Новг.) [СРНГ, т.23, с. 207] и *омутной* (Костром.) [СРНГ, т. 23, с. 207]. По поверьям, больше всего в реках и озёрах духов воды привлекает омут, особенно лесной. Сквозь призму деревьев плохо проходит солнечный свет, создавая мрак, из-за чего в народе такие омыты называются «тёмными». Отсюда знаменитая поговорка: *В тихом омуте черти водятся* [ПиПРН, т. 2, с. 25]. Слово *омут* есть производное от -*мут-* ‘водоворот, омут’ [ЭССЯ, т. 20, с. 140]. Приведём пример: *И омутник за такое бескорыстие их обещался, что не будет народ тонуть у них на перевозе: «И выше и ниже — будут, а у вас на перевозе — никого!»* [Криничная 2004, с. 366].

В болотах жили *болотеник* [СРГК, т. 1, с. 89], *болотница* (Арх.) [СРНГ, т. 3, с. 79], *болотник* (Пск.) [СРНГ, т. 3, с. 79], *болотной* (Волог.) [СГРС, т. 1, с. 142], *болотяник* (Пск.) [СРНГ, т.3, 80]. «Мёртвая» вода, т.е. стоячая (болота, лужи, пруды), в некоторых регионах также привлекает водяного. Мотивирующее слово *болото* образовано от праславянского корня **bolto*, соотнесенного с цветообозначением и близкого по значению с лит. *baltas* ‘белый’ [ЭССЯ, т. 2, с. 179]. Возможно, такую связь можно объяснить тем, что при высыхании болото приобретает пепельный оттенок. Пример: *Болотеникина болоте живут* [СРГК, т. 1, с. 89] // *На болоте ругаться-то нельзя, болотной уводит* [СГРС, т. 1, с. 141].

Мох – моховой (Смол.) [СРНГ, т. 18, с. 312], *мохнатка* [СГРС, т. 7, с. 346]. Как правило, на болотах растёт мох, а иногда именно он и создает условия для возникновения болот. Номинация имеет праславянский корень **tъxna* ‘мох’ [ЭССЯ, т. 20, с. 212]. Приведём примеры: *Собрались все бесы, до кучки: водяной, лесовой, полевой, моховой* [СРНГ, т. 18, с. 312] // *Мохнатка придёт, в болото тебя уташит* [СГРС, т. 7, с. 346].

Камыш – Камышáнов (Чкал.) [СРНГ, т. 13, с. 33]. Болотистые местности и топкие речные берега, озёра и пруды изобилуют камышами.

Пример: *Станешь из речки воду брать, а камышанов тебе и схватит за руку* [СРНГ, т. 13, с. 33]. Более подробно данная номинация описана на стр. 80.

Лопух – *лопухо́ня* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 138] обитает в водоёме. Описание данной номинации представлено на стр. 81-82.

Подводя итоги, зафиксировав 27 диалектных номинаций, чья внутренняя форма указывает на место обитания, мы можем утверждать, что основными локусами водяного являются стоячие и проточные водоёмы, а также прибрежная растительность около них (камыши, мох и пр.).

II. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘оценка’

Согласно языческой мифологии, вода считалась «чужим» пространством и отождествлялась со входом в потусторонний мир [Черепанова 1983, с. 68]. По этой причине дух воды не только водяной, но также и чёрт: *Мутит, как водяной под мельницей. Вертит, как чёрт в пучине (в омуте)* [ПиПРН, т. 1, с. 226]. Так, некоторые номинации водяного имеют в своей производящей основе ярко выраженную оценку, причём отрицательную: *ворогуша* [СВГ, т. 1, с. 83], *албаста* (Перм.) [СРНГ, т. 1, с. 233], *анчутка* (Терск.) [СРНГ, т. 1, с. 262], *проклянённый* (Астрах.) [СРНГ, т. 32, с. 159], *проклятый* (Астрах.) [СРНГ, т. 32, с. 160]. Данные диалектизмы также называют и других духов, поэтому их внутренняя форма подробно описана выше.

Мифологический персонаж *гробóвка* описан на стр. 52, а *ворогуша* – настр. 61.

Слово *кондрáшка* [ОСВГ, т. 5, с. 84] означает ‘апоплексический удар’ и происходит от имени собственного *Кондрáшка* ‘товарищ’ [Фасмер, т. 2, с. 310]. Очевидно, внутренняя форма слова не сохранена. Связь *кондрáшки* со смертью улавливается и в известных русских пословицах: *Кондрашка хватил, царанул* [ПиПРН, т. 1, с. 350] // *Брат Кондрат, пойдём кошек*

драть: мне икура, тебе мясо [ПиПРН, т. 2, с. 256]. О кондрашке: *Не ходи на реку, кондрашка поймает* [ОСВГ, т. 5, с. 84].

Диалектная номинация *кромёшники* (Волог.) [СРНГ, т. 15, с. 275] мотивирована словом *кромешный* ‘ад, преисподня’ [СРНГ, т. 15, с. 275]. В древнерусском языке данное слово использовалось в значении ‘находящийся вне чего-либо; снаружи по отношению к чему-либо; чужой, иноземный’ [СРЯ11-17, т. 8, с. 71]. Таким образом, *кромешники* – представители «чужого» мира. Приведём пример: *Снимутся кромешники в карты резаться, так наши все просадят — и воду, и рыбу, а под конец и сам себя* [СРНГ, т. 15, с. 275].

Мы предполагаем, что диалектизм *анцы́бал* (Влад.) [СРНГ, т. 1, с. 262] – балтизм на основании сравнения с лит. *ápčiabalis* ‘утиное болото’, *balà* ‘болото’, *bālas* ‘черт’ [РЭС, т. 1, с. 236]. Тогда *анцы́бал* буквально – болотный чёрт. Пример: *Етьт рибёнък как анцибал // Вот малый растёт анчибъл, апять вады ни нънасил // Чтоб анцибал тебя подхватил* [СОГ, т. 1, с. 45].

Лексема *mávka* (Орл.) [СРНГ, т. 17, с. 287] образована от *навь* ‘мертвец’ [Фасмер, т. 3, с. 35], что указывает на связь водного духа с культом смерти. Во многих местностях *mávka* – девушка, умершая некрещённой, утопленница, мертворождённый или проклятый родителями ребёнок, а также девушка, родившаяся или умершая на Русальной неделе. Именно в этот период русалки покидали свой водоём и переселялись на деревья [Стародубец, Белугина 2016].

Считалось, что *mávki* сидят на деревьях и напевают: «Меня мама породила, некрещёну положила» [Мадлевская 2005, с. 188]. Приведём примеры: *Как в Украине, так и в Мценском уезде, верят, что дети, родившиеся мертвыми и некрещёные, превращаются в мавок, то же, что русалок, и что тоскующие их души просят себе крещения* [СРНГ, т. 17, с. 287] // *Мавки живут в лесах на деревьях, а не в воде, а русалки – в воде. В*

сумерках **мавки** качаются на ветках деревьев, как в люльке, и заманивают юношей и щекочут их до смерти [Кононенко 2013, с. 246].

Номинации *русáлка* [СРГК, т. 5, с. 584] и *руслánка* [СРГК, т. 5, с. 583] называют духов женского пола, обитающих в лесных водоёмах и восседающих на ветках деревьев. Вероятнее всего, данные слова происходят от древнерусского *rusáli* ‘языческий праздник весны’ [Фасмер, т. 3, с. 520]. Нельзя полностью отрицать возможность происхождения слова *руслánка* из тюркского *arşlan* ‘лев’ [Фасмер, т. 3, с. 520]. Пример: *Как водяной, так и русалки известны своим проказам; сидя в омутах, они путают у рыбаков сети, цепляют их за речную траву, ломают плотины и мосты и заливают окрестные поля, перенимают заночевавшее на воде стадо гусей и завёртывают им крылья одно за другое, так что птица не в силах их расправить* [Афанасьев 1865-1869, т. 3, с. 123].

Предположительно, праславянское происхождение имеет номинация *máртушка* [СРГЮП, т. 2, с. 59]: **mara* - ‘сказочное страшилище, лесной призрак, приведение, болезнь, смерть’ [ЭССЯ, т. 17, с. 204]. С другой стороны, данный диалектизм может происходить из russk.-цслав. *мараёкстасіς* ‘потеря сознания’, диал. ‘домовой’ [Фасмер, т. 2, с. 576]. Ведь границы между духами лесными, водяными и домовыми зачастую была условной. Пример: *Мартушек* которые видели, они страшные, бородовые, глаза большущие, пугают, водой брызжутся [СРГЮП, т. 2, с. 59].

Указание на нечистую силу содержится в номинациях *чертáшка* и *кривохвóстик*, чьё происхождение описано на стр. 61. Отметим наличие энантиосемии в данных номинациях. Приведём примеры: *Рыба в воду, чёрт на уду, кривохвостик на крючок (пожелание рыболову)* [СРНГ, т. 15, с. 247] // *Водяная, дак говорят, что черташка. Она выходит, выходит на берег, голову чешет. Это видали её. Тот, кто увидит её, не умрёт. Надо токо обратно спрятаться в воду. Булькнет и всё, в воде. Звали черташкой //* *Черташки в реке казались* [СРГЮП, т. 3, с. 351].

Куля́ши (Волог., Вят.) [СРНГ, т. 16, с. 78] восходит к коми-перм. *куль* ‘чёрт, сатана, дьявол, водяной’ [Черепанова 1983, с. 262]. Существует точка зрения, что данный диалектизм возник от праслав. **kul-*, ‘кривизна, сжимание, хромота’ [Фасмер, т. 13, с. 96]. Тогда можно судить о внешних признаках водяного. Приведём примеры: *На Крещение куляши из воды вылезают, почему и не ходят по воду, чтобы не зачерпнуть куляша* [ТСЖВЯ, т. 2, с. 822].

Созвучные номинации *шеля́кин* [ОБКРН, с. 161] и *шулыйкин* [СРГЦРКК, т. 5, с. 152]. С одной стороны, можно предположить влияние коми-пермяцкой лексики и связь с коми *шулейкин* [Черепанова 1983; Голева 2008]. С другой стороны, нельзя исключать турецкое происхождение: *süllük-kan* ‘хан пиявок’ [Зеленин 1991, с. 234]. Пример: *Сидя́ть по но́чамъ, какъ шеля́кины* [Черепанова 1983, с. 161].

Самая необычная номинация, отождествляющая нечистую силу, на наш взгляд – *свя́тка(i)* (Арх., Урал.) [СРНГ, т. 36, с. 343]. Так, слово *святки* происходит от **сватъкъ* ‘время от рождества до крещения’ [Фасмер, т. 3, с. 584]. Известно, что святки – время гаданий, которые проводились побольшой части в бане. Баня, находясь на берегу реки, была эпицентром, привлекающим водяного, домового и лешего, которых часто призывали во время ритуалов. Пример: *На святые вечера дурили мы: детишек пугали: «Смотри, свя́тка схватит за пятку, это история была таг»* [СРНГ, т. 36, с. 343].

Отдельно стоит выделить номинацию *жýтель* [СРГК, т. 2, с. 66], которая характеризует любого обитателя конкретного локуса. Как уже было сказано выше, корень *-жи-* совмещает в себе значения жизни и достатка. А значит, это единственная номинация, которая имеет положительную оценку. Ведь водяной – враг людям, но свои владения он защищает. О *жýтеле*: *В каждом месте есть свой жýтель, сам своим озером правит* [СРГК, т. 2, с. 66].

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что водяному как представителю потустороннего мира свойственна негативная оценка. Так, нами было найдено 19 диалектных номинаций с отрицательной оценкой и только 1 – с положительной. Водяной тщательно оберегает свои владения, топит людей, купающихся в его водоёмах, а также любит сидеть на деревьях.

III. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘внешность’

Внешние признаки водяного представлялись в разных регионах по-разному. Так, в Волог. и Арх. ему приписывали шерстистость и волосатость. Считалось, что они являются знаком сосредоточия стихийной жизненной силы, физической и магической. Особой приметой водяного при этом было наличие у него длинных волос, с которых постоянно стекает вода [Криничная 2004, с. 326]. Отсюда номинации *волосатик* (Волог.) [СРНГ, т. 5, с. 58], *волосан* (Арх.) [СГРС, т. 2, с. 157]. Обозначим, что в составе номинации волосатик имеется экспрессивный суффикс *-ик-*. Пример: *Волосан изгневиуса – много народа потануло* [СГРС, т. 2, с. 157].

В Арх. наблюдался антропоморфный облик водяного. Его даже путали с обычным человеком [Криничная 2004, с. 332]. Об этом говорят номинации *дед* [АОС, т. 10, с. 405], *дёдушка* [АОС, т. 10, с. 415], *дёдушко водяной* [АОС, т. 10, с. 419], *дедушка* [АОС, т. 10, с. 417]. Отметим, что номинация *дедушка*, образованная от лексемы, обозначающей представителя мужского пола, называет водяного женского пола, что придаёт ей пренебрежительное отношение. Примеры: *Дед водяной сидит в глубине речной, тащит к себе и старого и молодого и дитя малого. Даю деду водяному маслица откупного, тебе, дед, масло пить, а в роду моём от реки всем живым быть. Прими, дед водяной, подарочек дорогой. Запечатаю речную глубину, От потопления старого, середняка, младенца от рода моего. Гой!* [Крючкова 2014, с. 97] // *Шли мы, а в реке што-то красной сидит, копошища — дедушка! я*

дедушиху видела в дицьве. Роспусьтят волосы, што дедушихи // Он в ведро принёс, я и попросила: дедушко водяной, дай водицьки рецьной [АОС, т. 10, с. 417] // *Фсё з дедушкой ходил, с лешым, с нечистой силой* [АОС, т. 10, с. 417].

В Беломорском городском поселении облик водяного связывали с белым цветом. Им мотивированы номинации *белолáпко* (Беломор.) [СРНГ, т. 2, с. 221] и *бéля* (Беломор.) [СРНГ, т. 2, с. 238]. Номинация *белолáпко* имеет уменьшительно-ласкательное значение благодаря суффиксу *-к(о)-*. По суеверным представлениям, эти духи обитали в море и помогали людям поймать попутный ветер [СРНГ, т. 2, с. 221; с. 238]. Белый цвет, согласно мнениям исследователей, символ ещё не развенчанного персонажа языческой мифологии. Возможно, что он является обозначением отсутствия цвета, призрачности, бестелесности явившегося видения [Криничная 2004, с. 333]. Призывали их так: *Беля, беля, беля, белолапко!* [СРНГ, т. 2, с. 221].

В Олон. полагали, что водяными становятся утопленники ссоответствующими чертами: отёчность, тина и синева [Мадлевская 2005, с. 180]. Отсюда номинация *синеобрáзный* (Олон.) [СРНГ, т. 37, с. 326]. Однако, в отличие от лешего, речь идёт не о цвете крови, а о цвете кожи. Ещё одна возможная причина синеватого оттенка водяного – цвет чистой воды, отражающей небо [Ивашинина 2020, с. 145-150].

Водяной мог принимать как образ самого водоёма, так и его обитателей (рыб, змей и пр.). Так, номинация *гадюга* [СРГК, т. 1, с. 322] образована отраславянского **gadъ* ‘гад, пресмыкающийся, змея’ [ЭССЯ, т. 6, с. 81] иозвучна с названием ядовитой змеи *гадюка*. Приведём пример: *Воденик, это гадюга в воды есть, не видала, конечно, вроде на человека похож* [СРГК, т. 1, с. 322].

Итак, мы насчитали 10 диалектных номинаций водяного, внутренняя форма которых передаёт информацию о внешних признаках духа. Он может предстать в виде человека в белой одежде с длинными волосами, с которых

стекает вода, или в виде одного из водных обитателей. В то же время, он персонифицирует собственный водоём, из-за чего ему свойственен синий цвет, который также указывает и на его происхождение из утопленников.

В Таблице 9 приведены диалектные номинации водяного, классифицированные в соответствии с мотивирующими семантическими признаками.

Таблица 9. Типология номинаций водяного по внутренней форме

Место (27)	Вода: водéник, воды́льник, водя, водянёнок, водянéц, водя́ник, изводёный, водяна́я, водяни́ха, водяновка, водяну́ха, водяни́ца. Болото: болотеник, болотник, болотнóй, болотяни́к, болотни́ца. Река: реково́й. Омут: омутнíк, омутнóй, омутнíца. Мох: мохово́й, мохнатка. Лопухи: лопухо́ня. Камыши: камышáнов. Озеро: озереви́к, озернóй
Оценка (18)	Отрицательная: анчúтка, албáста, проклянённый, проклятый, кондрáшка, кривохвóстик, куляш, кромéшники, аңы́бал, ворогúша, гробóвка, мáвка, русálка, руслánка, мáртушка, чертáшка, святка, шелю́кин, шули́кин. Положительная: жýтель
Внешность (11)	Волос: волосáтик, волосáн. Человек: дед, дéдушка, дéдушко водянóй, дедушíха. Цвет: белолáпко, бéля, синеобрáзный. Животное: гадю́га

Итак. Нами было выделено 3 семантических признака мотивации диалектных номинаций: ‘место’, ‘оценка’, ‘внешность’. Самым многочисленным признаком является ‘место’ (27): вода, болото, река, мох, лопухи, камыши, озеро, колодец. Самым малочисленным признаком является ‘внешность’ (10).

2.2.3.1. Семантический портрет русского водяного

Итогом исследования номинаций водяного является его семантический портрет. Водяной обитает в воде (*водéник, водяни́ца, вóдя* и пр.), в болоте

(*болотница, болотник, болотяник* и пр.), в реке (*реково́й*), во мху (*мохово́й, мохнатка*), в лопухах (*лопухо́ня*), в камышах (*камыша́нов*), в озере (*озереви́к, озерной*), в колодце (*колодечник*). Как и леший, он может иметь облик человека (*дедушка, дедушко водяно́й, дедушка*) с длинными волосами (*волоса́тик, волоса́н*) или животного (*гадю́га*). Данный мифологический персонаж связан с белым (*белола́пко, бе́ля*) и синим (*синеобра́зный*) цветами. Водяной происходит из утопленников, отождествляется с нечистой силой, чёртом (*анчутка, кривохвостик, проклянённый, проклято́й, куляши, шелюкин, шули́кин, кромёшники, аныбáл, ворогу́ша, чертáшка, руса́лка, руслáнка*) и, соответственно, смертью (*кондрáшка, гробóвка, ма́ра, ма́вка, ма́ртушка*). Тем не менее, он является полновластным хранителем водной стихии (*жите́ль*).

2.2.4. Семантические признаки, свойственные одновременно водяному, лешему и домовому

Часто одна и та же номинация называет сразу и домового, и водяного, и лешего. Главная причина неразличения этих мифологических персонажей в том, что некоторые локусы в пространстве, окружающем крестьянина, были освоены им лишь частично. Так, сакральным местом, притягивающим всех трёх духов, являлась баня. Мы можем предположить, что *бáнник* (*Перм.*) [СПГ, т. 1, с. 20], оберегающий человеческую постройку, относится к домовым, а также может обозначать и водяного. Баня, как известно, строилась на берегу водоёма и находилась в свободном для водяного духа доступе. Данной номинацией можно назвать и лешего, ведь целебные веники и травяные настойки делались из веток и трав, собранных в лесу. Так, в СГРС лексема *бáнник* означает ‘сухостой’: *Банник на болоте растёт, его собирают, потом баню топят. Та же самая сосна или ёлка, подсохшие, называют банник, если его много* [СГРС, т. 1, с. 57].

Баня была особенным местом. Там не только мылись, но и стирали, гадали, лечили, принимали роды, впускали на ночлег случайных путников.

Стоит отметить, что многие исследователи не относят баню к дворовым постройками, так как она расположена на периферии селенья, как правило, на берегу водоёма [Байбурин 1983, с. 35]. *Бáенник* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 41], *бáиная бáушка* (Перм.) [СРНГ, т. 2, с. 52], *бáнна жихóня* (Беломор.) [СРНГ, т. 2, с. 200], *бáнница* [СВГ, т. 1, с. 21], *забáенник* (Арх.) [СРНГ, т. 9, с. 241], *нéчисть бáнная* [СВГ, т. 5, с. 109], *бáннушка* [СРГЮП, т. 1, с. 40] охраняли баню и в случае неправильного поведения человека могли даже убить. Примеры: *Говорят, что баенник в старых байнах живёт, у реки которы чёрные, баенник каменьями кидается* [СГРС, т. 1, с. 41] // *Банник вредный, а банница, наоборот, помогает, чтоб не угореть* [СРГЮП, т. 1, с. 40] // *В бане баннушка, ей воду оставляй, когда помоешься* [СРГЮП, т. 1, с. 40] // *Сказывал дед-от, что банницию в бане-то слышал, а видеть не видывал* [СВГ, т. 1, с. 21] // *Смотрят на меня потаенники и помышленники и забаенники* [СРНГ, т. 9, с. 241] // *Вот руки-то негладкие бывають из бани, так это нечисть бáнная навела* [СВГ, т. 5, с. 109].

Важное значение в бане имел пар. Им, с добавлением лекарственных трав, лечились [Криничная 2004, с. 28]. Русская поговорка гласит: *Баня без пара, что Ѣци без навара* [Рябцев 1997, с. 223] Отсюда названия духов, обитающих в бане: *пárница* [ОСВГ, т. 7, с. 205], *бáнька-пáрушка* [СРГСПК, т. 1, с. 57]. Примеры: *Парница баню топит* [ОСВГ, т. 7, с. 205] // *Вот во всех банях ведь раньше-то рожали. А это надо напрашиваться: «Банька-парушка, пусти меня»* [СРГСПК, т. 1, с. 57].

Особый интерес с лингвистической точки зрения представляет мифический персонаж *бáенка-пустохорóминка* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 41]. Слово *пустохорóминка* состоит из двух корней *пуст* и *хором* и экспрессивного суффикса *-инк-*. Слово *пустой*: праслав. **rūstъ* родственно др.-прусск. *raustre* ‘дикое место’ [ЭСРЯ, т. 1, с. 374]. Слово *хоромы*: из др.-вост.-слав. **xorgъ* заимствовано из лтш. *kārms* ‘постройка’ [Фасмер, т. 4, с. 265]. Исходя из этого, внутренняя форма раскрывает нам полное значение

бáенки-пустохорóминки: это дух, обитающий в заброшенной деревянной постройке, под которой подразумевается баня.

Соломíя-бáбушка [СПГ, т. 1, с. 14] – банный дух. *Соломíя* происходит от др.-евр. имени *Соломón* (salom — мир) [СРЛИ, с. 202]. Предположительно, имеется связь с повитухой Саломеей, принимавшей роды у Богородицы. Пример: *Когда в бане вымываются, приговаривают: «Спасибо, Соломия-бабушка за тёплое парушко»* [СПГ, т. 1, с. 15] // **Бабушка Соломония** мыла парила раба Божия N в парной байне. Пойдите, грыжи, из сеньцей воротми, из байни дверьми, в чистое поле [Криничная 2004, с. 73].

Номинация *задерíха* [АОС, т. 16, с. 234] образована от праслав. **dýrati* ‘драть, рвать, бить’ [ЭССЯ, т. 5, с. 218]. Сюда же относится и номинация, мотивированная глаголом *обдирать* – *обдерíха* (Арх.) [СРНГ, т. 22, с. 22]. Согласно народным представлениям, данные мифологические персонажи обитали в бане, оберегая её. Они могли задавить, задушить человека, забрызгать кипятком или ободрать его кожу. Считалось, что нельзя заходить в баню после полуночи и «в чётвертый пар», когда парился сам дух [Криничная 2004, с. 68-69]: *Как вот сказано — в байне одной мытца нельзя, обдериха сгубит, так оно и есть. У нас жонка одна шустрая говорит: «Пойду одна в байну на третью смену, когда обдерихи моюца». И пошла. И час нету, и другой нету. А пошли за ею, а она под пол в шилья загнана, а кожа на каменке виснет. Обдериха ободрала* [Криничная 2004, с. 68] // *Детей пугали едак-то: плакать будешь – задериха тебя задерёт в бане* [СГРС, т. 4, с. 59] // *Баня была чёрным местом, обдериха жыла. Ходило такое поверье, один попросился в баню ночевать. Рас попросился, она йево и бережом, обдериха, да задериха, фсяко звали* [АОС, т. 16, с. 234] // *Вышла она, соседка, из байны-то, спина вся изодрана. Это обдериха драла. Под полком в бане, там, бывает, обдериха сидит. Они людей задирали. В полночь они могли кошкой повидеться, глаза широкие!* [Черепанова 1996, с. 145].

Не различали и «природу» мифического персонажа, живущего в колодце, построенным человеком и наполненном чистой проточной водой. Отсюда номинация *колодечник* (КАССР) [Черепанова 1983, с. 68]. С другой стороны, в нем живет и *зализуха* (Арх.) [СГРС, т. 4, с. 116]. Данная номинация имеет корень *-ли-*, как и вышеописанная лексема домового *лизун*. Вероятно, *зализуха* затягивала людей в колодец: *В колодец зализуха зализнёт, утащит* [СГРС, т. 4, с. 116].

Ещё одно место обитания духа воды – мельница. Эта постройка находилась в «ведомстве» домового. Однако, находясь у реки и вбирая из неё воду, она привлекает внимание водяного. Причём, это может быть место подмельницей, шлюзами, плотинами, под мельничным колесом и т.д. Согласно поверьям, во время работы мельницы водный дух находится наверху колеса и брызгается водой, приводя в действие колесо мельницы [Криничная 2004, с. 355]. Так, на мельнице обитают *мельничный* (Вят.) [СРНГ, т. 18, с. 105] и *мельник* [СРГК, т. 3, с. 221]. Возможно, корень данных номинаций восходит к праслав. **meljō* ‘молоть’ [Фасмер, т. 2, с. 597]. С одной стороны, данные духи помогают людям, заключая договор с мельником. С другой стороны, они считают себя полновластными хозяевами этого места и причиняют людям вред. Подтверждением этому является русская пословица: *Со всякой новой мельницы водяной подать возьмёт* (*т. е. утопит человека*) [ПиПРН, т. 2, с. 389]. Таким образом, они берут на себя функции водяного. Приведём пример: *Мельник перво дело сулит голову, чтобы мельница лучие работала, — человечью. Мельник старается, как-нибудь старается, чтобы была водяному человечья голова, чтобы человек под колесо попал и утонул* [Криничная 2004, с. 358].

Северную тайгу, насыщенную озёрами, болотами и реками, населяют мифологические персонажи, объединяющие в себе функции водяного и лешего. Так, вышеупомянутым словом *лешачиха* называли не только духа леса, но и духа воды. А *русалка* обозначает духа женского пола, обитающего

не только в лесных водоёмах, но и любящего сидеть на деревьях. Пример: *Обычно говорят, русалка в воде живёт, а ведь она может и на дереве; заведут в лес, и ходишь по одному месту, находили и замученных* [СРГК, т. 5, с. 584] // *Видели лешачиху на мосту около мельницы* [СРНГ, т. 17, с. 31].

Совмещает в себе признаки духа воды и духа леса *зыбочник*. Данная номинация образована от др.-русск. *зыбъ* ‘зыбкое место, трясина’ [Фасмер, т. 2, с. 109]. Трясина – наплавное, тряслее болото, зыбучее место, где почва, поросшая болотными травами и мхом, колышется, и вода выступает под ногой [ТСЖВЯ, т. 4, с. 402]. Таким образом, *зыбочник* – дух, который зыбаются (качается [ТСЖВЯ, т. 1, с. 625]), и который обитает в зыбучих болотах.

Номинация *кукан* (Влад.) – мифическое существо, живущее на болотах [СРНГ, т. 16, с. 31]. Приведём пример: *Смотри, кукан в болото утащим* [СРНГ, т. 16, с. 31]. Предположительно, что номинация *кукан* образована от глагола *кукать* ‘куковать’ или ‘бить, колотить кого-либо’ [ЭССЯ, т. 13, с. 89], что свойственно лешему. Отметим, что в СРНГ одно из значений данного диалектизма – ‘подводный камень’, что связано с водяным, а другое значение, указанное там же, – ‘чистый ельник’, что связано с лешим [СРНГ, т. 16, с. 31].

Таким образом, мы насчитали 22 номинации, называющие мифологических персонажей, выполняющих функции водяного, домового и лешего и обитающих как в водоёмах, так и в хозяйственных постройках, в лесах, покачиваясь на деревьях.

2.3. Типология номинаций домового, лешего и водяного по гендерному стереотипу

Понятие *гендер* впервые в научных трудах описал американский психоаналитик Р. Столлер [Берн 2004]. Он понимал гендер как феномен социальной культуры, определяющий различия между мужчиной и женщиной (роли, характеристики, нормы поведения). Значимыми

компонентами гендера являются гендерные стереотипы, под которыми подразумеваются культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибуатах и нормах поведения представителей обоих полов, отражение гендерной стереотипизации на всех уровнях языка, а также её тесную связь с формами выражения оценки в языке [СГТ, с. 98; Маркина 2019, с. 246].

С одной стороны, гендер определяет половой признак объекта, вследствие чего уточняет денотативный компонент слова. С другой стороны, в основу гендера заложена совокупность социальных и культурных норм, приписываемых человеку в зависимости от его биологического пола [СГТ]. Тогда можно говорить о коннотативном компоненте гендера.

2.3.1. Типология номинаций домового по гендерному стереотипу

Гендерные стереотипы складывались в процессе социализации, поэтому наибольшее количество номинаций, представляющих мифологических существ и мужского, и женского полов, наблюдается среди домовых. Гендерные стереотипы среди этих мифологических персонажей возникали вследствие переноса образа жизни крестьян на домашних духов.

Крестьянский быт значительно отличался от современного, и пренебрежительное отношение к женщине считалось абсолютно нормальным. Главой дома, несомненно, был мужчина. Его задачей считалось обеспечить благополучие семьи. Преимущественно мужскими были промыслы — торговые и ремесленные, лесные (от охоты до смолокурения), зверобойные и рыболовецкие. По большей части вся работа по дому же считалась женской. Именно она занималась домашним хозяйством [Шангина 2005, с. 377]. Как правило, мужские и женские номинации с мотивирующими основами *-дом-*, *-хоз-*, *-сосед-* имеют ласкательную (*домовичок*, *соседушка* и пр.) или нейтральную (*домовой*, *сосед*, *хозяин* и пр.) коннотацию.

Особую роль в русской избе играла печь: «Она и кормилица, и поилица, и тела согревательница» [Рябцев 1997, с. 215]. Так, номинация *калёная печка* подчёркивает символическое значение домового как персонификацию духа огня, сосредоточием которого была печь. Печь олицетворяла хозяйку дома настолько, что даже многие её детали назывались так же, как части тела или элементы одежды женщины. Так, например, лексема *грудка*, помимо основного значения ‘женская грудь’, является ещё и 1) печью для отопления помещения (Ряз.), а также 2) лежанкой около печи (Ленинград., Карелия) [СРНГ, т. 7, с. 161; т. 5, с. 66]. Возможно, данное подобие возникло по функции: печь в доме, подобно женской груди, воспринималась как кормилица [Якушевич 2019, с. 483].

Ярким примером гендерного стереотипа служит вышеописанная номинация *кути́нья*, обитающая в отдельном «бабьем» углу, где располагалось всё необходимое для приготовления пищи. Мужчинам же было зазорно заниматься подобными женскими делами, поэтому в эту часть дома они не заступали. Более того, женщина, проводившая в своём углу немало времени за готовкой, даже не садилась за стол со всей семьёй. Считалось, что, если хозяйка стоит у печи голодной, обед будет вкуснее [Рябцев 1997, с. 232].

Женские обязанности не ограничивались домом. Неотъемлемая часть русского быта – баня. Согласно представлениям, баня была центром сосредоточения нечистой силы, так как в ней не вешали иконы [Байбурин 1983, с. 36]. Особенно ярко на это указывает номинация *нечисть бáнная*. По этой причине, мы полагаем, женских номинаций домового (*бáенка Пустохорóминка, бáиня бáбушка, бáнна жихóня, бáнница, бáннушка, нечисть бáнная, бáнька пáрушка*), мотивированных основой *-бан-*, гораздо больше, чем мужских (*бáенник, забáенник*).

Подобно тому, как печь была центром дома, так и двор был центром селения. Во дворе хранили сено после покоса, туда привозили срубленный

лес, именно во дворе располагались хозяйствственные постройки [Рябцев 1997, с. 228]. Корнем *-двор-* мотивированы номинации и мужского (*дворник*, *дворовик*, *дворовой* и пр.), и женского полов (*дворовуха*, *дворуха*).

Единственная постройка, на двери которой вешали замок, – амбар. Ведь там хранилось главное богатство семьи – зерно. Говорили: «*Каково в амбаре, таково и в кармане*» [Рябцев 1997, с. 222]. Нами не было найдено номинаций женского пола, мотивированных основой *-амбар-*. Очевидно, женщин туда не пускали. Также нет номинаций домовых женского пола, обитающих на гумне (*гумённик*), а в риге (*рижница*) и овине (*овинница*, *овинничиха*) они имеются в меньшем количестве, чем мужского.

В сарае и мякиннике полностью отсутствуют домовые мужского пола. Номинации *сараяха* и *мякильница* имеют нейтральную оценку.

Конюшиню оберегал дух мужского пола *конюшиник*. К лошадям крестьяне относились по-особенному, так как конь был главным помощником в поле. Хозяин самолично ухаживал за своей лошадью, не перекладывая эту обязанность на жену [Рябцев 1997, с. 208]. Этим объясняется отсутствие женских номинаций.

Огородничество – также важная отрасль крестьянского хозяйства. Все заботы по огороду, конечно, лежали на плечах женщин: вскопать, удобрить навозом, посадить, полить, прополоть, собрать урожай. Так, женские номинации мотивированы названиями растений (*бобовница*, *коноплянница*, *огородница*), а единственная мужская номинация (*землянóй царь*) отражает лишь превосходство мужчины.

Поле являлось местом всеобщего труда. Там работали абсолютно все: и дети, и взрослые, и старые, и больные, и беременные. Наряду с мужчиной женщина жала, косила, метала стога и даже молотила зерно, поэтому поле населялось духами и мужского, и женского пола: *выём*, *полевик*, *полянница*, *поляха*, *ржаница*, *стогафья*.

Такое разнообразие номинаций женщины-домового может объясняться двумя причинами. Во-первых, абсолютно вся работа по дому в крестьянской семье выполнялась исключительно женщинами вне зависимости от того, сколько их в семье: 2 или 10. Во-вторых, крестьянский дом и прилегающее к нему пространство (баня, двор, сараи, огород, поле) были достаточно большими, из-за чего женщинам приходилось трудиться, едва ли не больше мужчин [Ефименко 1884, с. 75]. Возможно, им были просто необходимы помочь и покровительство извне.

Большую роль в крестьянской жизни имело родство. Главе семьи беспрекословно подчинялись. «Большак есть глава двора; он отвечает за свой двор относительно исправной уплаты повинностей, выполнения работ и обязательств, и с ним заключают все условия» [Ефименко 1884, с. 61]. Под главой подразумевался отец или дед, поэтому количество номинаций мужского пола, мотивированных родством (*большák*, *дéдушико*, *дýдъко* и пр.), велико. Женщина, даже пожилая, особых привилегий не имела. Особенно ярко этот факт подчёркивает номинация *дедúха*.

Несмотря на то, что женщина выполняла ежедневный колоссальный труд, имеется всего одна номинация домового женского пола с ярко выраженной положительной оценкой (*máтица-доброхóтица*). Так, даже в разговорах мужчина, если ему приходилось упоминать жену, извинялся перед своим собеседником за то, что завёл речь о пошлом предмете [Ефименко 1884, с. 74]. В противовес этому женских номинаций сорицательной оценкой достаточно много (*стражилáтка*, *мáра*, *кикýмора* и пр.).

Глаголы, мотивирующие названия домовых мужского пола, обозначают в основном действия, требующие физическую силу (*носák*, *облóм осáд*, *гнеткé*). Именно мужчине-домовому свойственно шутить с людьми (*игréц*, *íзводень*, *лизўн*), манить их (*ман*, *манило*, *манилко*) и насыпать болезни (*притчўн*). Отметим, что такое безнравственное поведение обычно

приписывалось женщинам и порицалось в мужчинах, так как они считались более разумными по сравнению с противоположным полом [Маркина 2020, с. 5-14]. Неудивительно, что женские номинации домовых фиксируют такие гендерные черты, как суетливость, болтовня и вообще стремление попусту издавать всякие звуки: *сутóрма*, *турусálка*, *пыхтéлка*, *верещи́ха*. Однако именно женщина-домовой предсказывает будущее: *дúмова*, *веицúнья*. Она занимается ткачеством и рукоделием: *мотовíлиха*, *прáха*.

Мы зафиксировали лишь одно табуированное местоимение, которым называли домового женского пола (*самá*). Мы полагаем, это также связано спредвзятым отношением к женщине: люди считали, что женщина, даже представительница потустороннего мира, не способна принести значительный вред.

В Таблице 10 приведены диалектные номинации домового, классифицированные в соответствии с гендерными стереотипами.

Таблица 10. Типология номинаций домового по гендерному признаку

Гендерные стереотипы	Номинации
Женщина должна выполнять всю работу по хозяйству	Домовáя, домовíнка, домóушка, домовíха, домáха, мáтушка-домовáя, хóзяйка, печáя, калёная пéчка, запéчельница, погréбница-пыхтéлка, кутíнья, бáенка пустохорóминка, бáиная бáушка, бáнна жихóня, бáница, бáннушка, нéчисть бáнная, пárница, бáнька-пáрушка, дворовúха, дворóуха, мáтушка-подворёнка, рíжница, овýнница, овýнничиха, сараюха, бобóвница, коноплянница(нка), огорódница, мякильница, полянница, поля́ха, ржани́ца, стогáфья, жарени́ца, пережýнница, прáха, мотовíлиха, удéльница
Мужчина – глава семьи, обеспечивающий благополучие в доме	Домовíд, домовíдушко, домовíк, домовíтушко, домовéдушко, домовóй, домовéйко, домовéюшко, домовичóк, запéченник, запéчнушко, печнóй хóзяин, подpéчник, похозяйственник, хóзяин, двóрник, дворнóй, дворовíк, дворовóй,

	дворóвушко, амбárник, амбárный, конюшник, большáк, дед, дéдка(о), дéдушка(о), дíдько, дýдины ребáта, жáреник, носáк, кормíлец, кормíнчик, скóтный кормíлец, юáтюшка, батамáн, батáнушка, ботамáнушико, ватáмушико, братáнушико, привáл, онгóн
Женичине свойственны легкомысленность, вздорность, эмоциональность, ворчливость	Верещíха, гнё́тка, гнютéница, бука́рка, букусéтка, бучéриха, варахтáнница, мúка, неспíхха, пыхтéлка, пýжанка, секúниха, сутóрма, хýтница, туруса́лка, стрíга
Мужчина – эталон разумности, ответственности и здоровья	Родíмец, доброхóдушико, доброхóт, жировíк, жирóвый, милáк, норовóюшико, жíхарь, жихарéк, жíхорько, жихóрюшико, доможíл, доможíрко

Таким образом, можно сделать вывод, что лексемы женщин-домовых отражают гендерные стереотипы – устоявшиеся в сознании носителей языка как неприемлемые женские черты, так и одобряемые с точки зрения национальной системы ценностей. Поэтому образ женского домового духа представляется неоднозначным. С одной стороны, есть номинации, указывающие на пренебрежительно-оскорбительное отношение к таким женским качествам, как излишняя болтливость, ворчливость, вздорность: *пыхтéлка, vereщíха, туруса́лка, сутóрма, бука́рка* и др. В ряде номинаций негативная оценка мифологического персонажа обусловлена наводящими страх и ужас действиями (*гнё́тка, обдерíха, подавíха, хýтница, бука́рка, vereщíха*). С другой стороны, есть несколько номинаций, мотивированных названиями положительно оцениваемых действий: *мотовíлиха, вещúнья, дўмова, жареница*.

Выбор номинаций места, мотивирующих такие названия женщины-домового, как *кути́нья, домáха, сарáюха, дворовúха, мякíнница, овýнница, бобóвница* и пр., также продиктован гендерными стереотипами среди крестьян: именно с этими локусами связаны повседневные женские

обязанности – тяжёлый труд в доме и во дворе, в огороде и в поле [Ивашинина 2020, с. 144-156].

2.3.1.1.Семантический портрет русского домового женского пола

В связи с большим количеством номинаций, называющих домового женского пола, считаем целесообразным создать его семантический портрет. Домовой женского пола обитает в доме и местах, прилегающих к нему (*погребн́ица, печáя, огорódница, стогáфья, овínница* и пр.). У неё распущены волосы, она лохмата, либо её тело покрыто шерстью (*волосáтка*). Женщина-домовой носит красную одежду (*медéница, кра́сная бáба*), является персонификацией природных элементов (*железнáчка, зелезнáчка*). Основные действия домового женского пола направлены на привлечение внимания хозяев (*пыхтелка*), помочь им (*вещúнья, мотовíлиха, жаренíца, думовá*) или на запугивание домочадцев с целью игры либо наказания (*пúжанка, вереющíха*).

2.3.2. Типология номинаций лешего по гендерному стереотипу

В русской диалектной речи номинации женского пола водяного и лешего также имеются, однако в гораздо меньшем объёме. Более того, мы не всегда можем привести логические обоснования гендера среди этих мифологических персонажей.

Леший – полновластный хозяин леса. Об этом свидетельствуют номинации с мотивирующей основой *-лес-* (*лесíк, лéсман, лесníк, леснóй хозяин, ёлс, полéсовик, боровóй, корбéник, вóтчинник*, лес и др.). Согласно поверьям, лешие имели целые семьи [Криничная 2004, с. 247]. Эти мифологические персонажи славились любвиностью, заводя с девушками отношения [Шангина 2005, с. 325-329]. Такое распутство (номинация *блуд*) можно считать гендерным стереотипом. Так, неудивительно, что женские номинации с мотивирующей основой *-лес-* (*лешачíха, лесначíха, леснúха, лесовíха, лешáчка, лесная девка*) встречаются

в меньшей степени, что также является гендерным стереотипом. Суффиксы *-ух-* и *-ачк-* называют существо женского пола, характеризующееся отношением к тому, что названо (кто назван) мотивирующим словом [CCA, с. 410, 465]. Лексема *дёвка* в СРЯ11-17 вв. не имеет бранное значение, как в настоящее время: ‘девушка, девочка, дочь, прислуга, дворовая женщина, девица’ [СРЯ11-17, т. 4, с. 198]. Мужские номинации часто имеют суффиксы (*лесик*, *дедушко*, *лешачёнок* и пр.).

В женских номинациях *залётчица*, *луканька*, *вецыца*, *памхá* трудно судить о наличии гендерного стереотипа, так как существуют их мужские эквиваленты: *залётчица* – *залётчик*, *вецыца* – *вецүн* [СРНГ, т. 4, с. 229]. В СРНГ нет указания на то, что *вецүн* является именно лешим. Тем не менее, мы можем это предположить, так как *вецүн* – потусторонний дух в виде животного или птицы [СРНГ, т. 4, с. 229]. Превращение в животных больше свойственно именно лешему. Что касается номинации *памхá* (отустар. *помéха*, тот, кто мешает), то вряд ли и здесь мы можем выделить именно женский стереотип поведения, так как подобные негативные действия свойственны и лешему мужского пола (*ламан* – ломает, *кожедёр* – дерёт кожу и пр.).

Однако отголоски мужского инфантильного поведения лешего все же можно заметить в таких номинациях, как *игрунóк*, *грец*, *зыбочник*. Согласно народным суевериям, леший славился инфантильным поведением: он любил играть и качаться на деревьях и трясинах [Криничная 2004, с. 267].

Диалектизмы *бéлая бáба* и *бородáтка* характеризуют внешний облик лешего. Согласно исследованиям, леший мог появиться в виде мужика или старика с белой бородой [Левкиевская 2002, с. 280]. Так, лешему-мужчине свойственна волосатость, а наличие белого цвета никак не выявляет гендерный стереотип. Как правило, борода – сугубо мужской атрибут, не свойственный женщинам. Возможно, так подчёркивалась мужеподобность мифологического существа. Отметим, что часто духу женского пола

приписывали признаки противоположного пола, в частности наличие бороды. Подобная номинация имеется и среди домовых (*дедұха*).

Мы не наблюдаем ярко выраженной оценки, ни положительной, ни отрицательной, в диалектных номинациях лешего женского пола. Вероятно, это связано с тем, что леший был представителем нечистой силы изначально, а женщины рождались обычными людьми и становились лешими, когда те их похищали [Криничная 2004, с. 314].

В Таблице 11 приведены диалектные номинации лешего, классифицированные в соответствии с гендерными стереотипами.

Таблица 11. Типология номинаций лешего по гендерному признаку

Гендерные стереотипы	Номинации
<i>Леший – хозяин леса</i>	<i>Лесик, лесман, лесник, лесной хозяин, лесной, лесовойк, лесовой хозяин, лесовой дедушко, лешак, лешачонок, лешеня, лешенята, лешман, еланя, ёлс, полесовик, боровой, корбеник, вотчинник, лес</i>
<i>Леший – распутник, соблазняющий девушек</i>	Блуд
<i>Лешему свойственна инфантильность</i>	<i>Игрунок, грец, зыбочник</i>

Итак, суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что номинаций лешего женского и мужского полов отражают некоторые отголоски гендерных стереотипов. Так, лешие создавали семьи, из чего наблюдаются номинации с корнем *-лес-*, называющие лешего-мужчину (*лесман, лесной хозяин, лесовой* и пр.) и лешего-женщину (*лесничиха, леснуха* и пр.), как мужа и жену. Негативные поступки свойственны номинациям обоих полов (*залутчица, луканька, памхá, вешица, кожедёр, ламан* и пр.). Тем не менее, леший играл роль соблазнителя (*блуд*), что является гендерным стереотипом.

2.3.3. Типология номинаций водяного по гендерному стереотипу

Исследователи полагают, что и водяному в народе приписывали существование семьи. Духи воды берут в жёны русалок, утонувших девушек, и даже сватаются в обычных деревнях [Левкиевская 2002, с. 82]. Женские номинации, подчёркивающие семейный статус водяного: *болотница*, *водянáя*, *водянóвка*, *водянúха*, *водянíца*, *омутнíца*, *русálка*, *руслánка*, *лопухónя*, *мохнатка*. Лексема *водянúха* имеет в своём составе суффикс -ух-, указывающий на стилистически сниженное значение слова, в то время как среди мужских номинаций наблюдаются уменьшительно-ласкательные и нейтральные суффиксы. Отметим, что отсутствуют женские номинации, мотивированные названиями водоёмов, насыщенных грунтовыми водами (озеро, колодец, река). Трудно судить о наличии в данном случае гендерного стереотипа, так как женские номинации, мотивированные названиями водоёмов со стоячей водой, имеют мужские эквиваленты (*болотница* – *болотнóй*, *омутнíца* – *омутнóй* и пр.).

В излюбленном месте духа воды – мельнице – обитают только водяные-мужчины. Мы можем предположить, что работа на мельнице по своей сути была мужской. Так, не существует женского эквивалента названия этой профессии по аналогии с другими: *ткач* – *ткачиха*, *повар* – *повариха* и пр. Мы считаем, что такое разделение на мужские и женские профессии есть гендерный стереотип.

Если говорить о номинации *зализúха*, то она имеет мужской эквивалент (лизун). Номинация *букáчка* – единственная в своём роде номинация, указывающая на шумливость мифологического персонажа, что также является гендерным стереотипом.

Отдельно отметим номинацию *дедушíха*. По аналогии с *бородáткой*, она, имея мотивирующую основу -дед-, подчёркивает мужеподобность и несуразность женского образа. Номинации *албáста* и *гадóга* также характеризуют внешние признаки водяного-женщины. Интересно, что

однокоренная номинация *албáсты́й*, называющая домового и лешего, имеет мужской пол.

Большинство других названий водяного женского *гадю́га* отражают такой гендерный стереотип, как крайне негативное отношение к женщине- ведьме, нечистой силе: *ворогúша*, *гробóвка*, *мáвка*, *мáртушка*, *свáтка*, *чертáшка*. Интересно, что в словах *гадюга* и *ужачка* отражено разное отношение к женщине: если *гадюга* – это женщина-нечистая сила, мерзкая и скверная (одно из значений слова *гадюга* в Перм. – СРНГ, т. 6. с. 92), то домовой *ужáчка* отражает положительное отношение к этому тотему [Криничная 2004, с. 32].

В Таблице 12 приведены диалектные номинации водяного, классифицированные в соответствии с гендерными стереотипами.

Таблица 12. Типология номинаций водяного по гендерному признаку

Гендерные стереотипы	Номинации
<i>Работа на мельнице мужская</i>	<i>Мéльничный, мéльник</i>
<i>Женщина-водяной шумлива</i>	<i>Букачка</i>

Таким образом, среди номинаций водяного мы можем наблюдать наличие гендерного стереотипа. Так, водяной-женщина обитает в стоячей воде и речных зарослях (*болóтница*, *омутníца*, *лопухóня*, *мохnáтка*), зализывает людей и животных (*зализу́ха*), а также издаёт громкие звуки (*бука́чка*). Мужчина-водяной работает на мельнице, куда не допускаются женщины (*мéльничный, мéльник*). Водяной женского пола имеет безобразную мужеподобную внешность (*дедушíха*), а также может иметь облик змеи (*гадю́га*). Водяные-мужчины обитают и в стоячей воде, и в проточной, а также на мельнице и в камышах. Они качаются на ветках (*зыбóчник*), имеют волосатую внешность (*волосáтик, волосáн*), часто связанную с синим (*синеобрáзный*) или белым (*белолáпко, бéля*) цветом, а также может предстать в виде человека (*дéдушка, дед, дéдушко водянóй*).

2.4. Типология номинаций домового, лешего и водяного по символическому значению

Реконструируя внутреннюю форму диалектных номинаций мифологических персонажей, мы выявили символические значения названий домового, лешего и водяного.

2.4.1. Порядок и уют в доме.

Дом, в представлении славян – центр мира, убежище, защита. Дом имел свою душу и потому строился в соответствии с определёнными правилами и ритуалами. Как уже было сказано выше, это освоенная человеком территория. Люди жили в нём, наводили свои порядки и задабривали духов, помогающих им. Особое внимание при строительстве дома уделялось его архитектуре. Он приобретал зооморфные признаки животного, которое почиталось на том локусе [Криничная 2004, с. 96; Байбурин 1983, с. 63], а его детали воспринимались, как части тела человека или его одежды: например, *лицо, лоб, платок, косица* – фронтон избы, ушки или *серёжки* – боковые подвески оконных наличников, *ладошка* – подоконник и пр. [Якушевич 2018, с. 159–166].

Домовой – и дух и душа дома, и поэтому отвечает за его благополучие и уют. Именно поэтому у большой группы названий домового сема ‘дом’ является мотивирующей семой внутренней формы. В этих номинациях она прозрачна, поскольку корень *-дом-* является производящей основой: *домовид*, *домовидушко*, *домовик*, *домовитушко*, *домоведушко*, *домовой*, *домовейко*, *домовеюшко*, *домовичок*, *домовая*, *домовинка*, *домовушка*, *домовиха*, *домаха*, *матушка-домовая*. Положительная оценка этого символического значения маркирована деминутивами *-ок-, -ушк-, -ейк-*, а гендерный стереотип «женщина – хранительница домашнего уюта» – суффиксами *-ах-, -их-* и включением в производную основу слова *матушка*.

2.4.2. Огонь

Огонь имел огромное значение в жизни славян [Якушевич 2011]: подобно живому существу, он жил вместе с домом, хранил и обогревал его, прогонял нечистую силу. Но хозяева боялись его разрушительной силы и приговаривали: *Огонь грех гневить – как раз случится несчастье!* [Байбурина 1983, с. 385]. Огонь берегли как самую большую ценность – источник тепла и, следовательно, жизни: «Поддержание этого огня днём и ночью вменялось в обязанность каждому домохозяину. Горе тому дому, где бы он потух. Всякий вечер прикрывали уголья пеплом, чтобы не дать им совершенно сгореть; утром, при пробуждении, первою заботою семьи было возобновить огонь» [Афанасьев 1868, т. 2, с. 26].

В мифологическом сознании сакральным центром всего мироздания считалась печь. Она, заключая в себе оставленный предками домашний огонь, хранила информацию о прошлом и будущем семьи. Печь была универсальным домашним атрибутом: в ней мылись, лечились, проводили обряды. Она служила источником тепла, местом сна и приготовления пищи [Байбурина 1983, с. 160]. При строительстве печи говорили: *Печник с огнём да дымом – хозяин с вином да пивом* [Криничная 2004, с. 205]. Она оберегала домочадцев от нечистой силы, и только домовой мог жить в любой её части [Голева 2008, с. 16]. Напомним, что диалектными номинациями обитателя печи являются *подпечник*, *запечельница*, *запечённик*, *запечнушко*, *калёная пёчка*, *печая*, *печной хозяин*. Отметим, что и *котёнко* символизирует огонь, так как также является любительницей печи, поэтому часто обитает в бане: *Один мужчина поздно пошёл в баню. А там вышло огромное безобразное существо в виде кошки. И мужчина голый прибежал из бани домой* [Криничная 2004, с. 33]. Так, домовой выступает персонификацией огня, разводимого в печи [Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 24]. Некоторые исследователи утверждают, что домовой является и персонификацией самой печи, отмечая у неё наличие чела (лба), устья и ног (боковые стенки устья),

отождествляющих части тела самого человека [Криничная 2004, с. 145].

При разжигании очага в новом доме приговаривают:

Печка-Матушка,

Родовой Очаг!

Вы, Деды мои да Прадеды,

Щуры и Пращуры Рода!

Вы, Духи Родовые,

Помощники незримые!

Житьё-бытьё моё соблюдите,

Дабы в новом дому

Мне и чадам моим,

И всем Сородичам моим —

Исправно жити,

По добру быти!

Како Предки Святые деяли,

Како нам деять заповедали! [Волх Велеслав 2012, с. 72]

Печь, как известно, располагалась не только в доме, но и в бане. Баня, выполняя множество функций (санитарно-гигиеническая, лечебная, гостевая и пр.), была местом ритуалов. Там произносили различные магические любовные и семейные заговоры, определялось и программировалось будущее, пытались получить магические предметы. Банный дух (*бáенник, бáнна жихóня, бáнька-пáрушка, бáнница, бáннушка, нéчисть бáнная, забáенник, пárница*) выступал в роли символа, объединяющего, одухотворяющего и персонифицирующего различные языческие верования. Дух бани символизировал синий огонь (в представлениях «живой» огонь) [Криничная 2004, с. 29-36]. Считалось, что он способен излечить болезни: *Синий огонь, раскладзися, и рана залячися* [Криничная 2004, с. 137].

Зооморфные номинации мифологических персонажей в славянской мифологической традиции также являлись символами. Так, номинация

лешего *куránko*, образованная от слова *кур* ‘петух’ или *куrýti* ‘раскладывать огонь, разжигать’ является символом солнца и огня. Примечательно, что в жертву разозлившемуся домовому приносили именно петуха. Считалось, что он был посвящён богу домашнего очага и становился лучшей для него жертвой [Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 106]. Его огненную символику можно объяснить тем, что он имел яркое оперенье и красный гребешок. Во фразеологии красный петух означает пожар [Гура, Узенёва 2009, т. 4, с. 28-35]. Так, в загадке: *Красный кочеток по жердочке бежит* [Криничная 2004, с. 103].

Символическое значение огня и печи прослеживается и в номинациях *гнеткé*, *гнеткó*, *гнётка*, *гнютёница*. В СРЯ11-17 глагол *гњутити*, от которого образованы данные названия, имеет значение ‘разжигать, зажигать’ [СРЯ11-17, т. 4, с. 45]. А однокоренное существительное *загнётка* имеет множество значений, каждое из которых непосредственно связано с печью: 1. Угол, углубление в углу шестка или внутри русской печи, куда сгребают горячие угли, жар. 2. Шесток у русской печи. 3. Устье русской печи, ход в печь. 4. Горячие угли, зола, сгребённые в одно место в устье, в углу русской печи или выгребенные из печи. 5. Пук лучины, соломы, сжигаемой в устье русской печи для подрумянивания корки у пекущегося хлеба. 6. Заслонка, загораживающая устье русской печи. 7. Род плиты; углубление в шувале (очаге, устраиваемом в шалаше для обогревания и приготовления пищи). 8. Лавка около русской печи. 9. Сковородник. 10. Продольный брус, за который держатся, взираясь на русскую печь. 11. Процесс поджаривания в закрытой русской печи [СРНГ, т. 10, с. 11]. А глагол *гнетить* означает ‘разжигать огонь’ [СРНГ, т. 6, с. 241]. Более того, в семантике данных номинаций и слова *огонь* прослеживается очевидная связь (корень *-гн-*).

Итак, домашний очаг – одно из важнейших понятий в крестьянском быту. Он разжигался предком-родоначальником и хранил в себе

информацию о роде. Мы обнаружили диалектные номинации домового, символизирующие огонь, домашний очаг и являющиеся его персонификацией. Как правило, это слова, в семантике которых указана связь с печью, домом и баней, а также с внешним обликом животного [Ивашинина 2021, с. 241-246].

2.4.3. Двойник

Это символическое значение мотивировано семьей родства и инициировано производящим словом, называющим родственника – *дед, брат, дядя: дед, дедка, братáнушко, ватáмушко, дедúха, дéдушка(о) и пр.* Согласно поверьям, данный мифологический персонаж является персонификацией прошлого в настоящем – душа умершего предка и одновременно двойник хозяина дома:*Пришла она старуха в голбец, спущается туда, а там старик сидит бородатый и вот так вот ладонями муку трескает // Дедушка, соседушка, пойди с нами жить* [Криничная 2004, с. 143, 232]. Так, считалось, что если меняется хозяин дома, то меняется и домовой. Как божественный предок-родонаучальник, домовой связан с семьёй узами родства и объединяет всех её членов домашним очагом [Криничная 2004, с. 199-200]. Сюда же относятся диалектные номинации *хозяин, хозяйка, похозяйственник, большак*, определяющее своей семантикой главенство в жилище: *Хозяин, пожалуйте ко мне на новоселье* [Криничная 2004, с. 233]:

Домовой Хозяин с Хозяюшкой,

С малыми детушками!

Сохраните, сберегите мою семью,

Дом и двор защитите! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 65].

Номинации *сосéдко, сосéдушка, сусéдушко, сусéдиха, сусéдка, сусéдушка, сусéд, сосéдка, сусéдко* свидетельствуют о локализации мифологического существа в параллельном мире, наполненном нечистой

силой, ровно как и наименования *пастён*, *постён*, *постёнь*, *бестённый бука*, *стень* и *стинь*, *другая половина*, напоминающие, что дух – лишь двойник человека, обретающий облик тени: *Говорят также, что ночью иногда давит, душит домовой, объясняют это тем, что находит будто бы тень домового, сам же он не посмеет подойти к крецёному человеку* [Криничная 2004, с. 138].

Мифологические персонажи часто символизируют ребёнка. Однако если номинации *байстрюк*, *лесной дитятко*, *лешачонок*, *водянёнок* говорят об этом напрямую с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов и внутренней формы, то номинация *зыбочник* свидетельствует об этом через поступок, заложенный в её семантике. Подобно младенцу в колыбели, *зыбочник* качается в своей зыбке из веток или волн. Не стоит забывать, что ребёнка также часто крали или обменивали тогда, когда он находился в своей зыбке: *У их в избе зыбка виснет. А в зыбке такой ребёнок, что больша голова, а туловища нет почти, а ело оно по крынке молока и по житнику в час. Молодка-то подошла к зыбке-то, да взяла робёнка да об пол бросила. Тут робёнок сделался голиком. Молодка-то и говорит: «Вот, родители, кого вы кормили вместо меня, обменила меня обдериха»* [Криничная 2004, с. 38] Отметим также номинации, которые символизируют детей и в семантике которых заложено присущее детям действие: *грец*, *игреч*, *игрунок* – играть.

Леший также является двойником человека. Так, в диалектных названиях *дедушка*, *дедюшка*, *дедя*, *большак*, *большой дядя*, *большой мужик*, *лесной дедушко*, *лесной херувим*, *лесной хозяин*, *лесной дядя*, *лесовой дедушко*, *лесовой хозяин*, *обмен*, *вотчинник*, *сэндушиный* содержит указание на покровителя леса, двойника и предка. Исследователи утверждают, что леший первоначально напоминает тотемного предка, обитающего на своей территории, поглощённой лесами и непроходимыми болотами, что является подобием тотемического центра, где углубляется в землю тотемный предок и где собраны души данной тотемической группы [Криничная 1988, с. 45]:

Дедушка пахал в дальнем поле. Смотрит: идёт большой-большой мужчина, такой вот будет. Идёт мужик и несёт на руках ребёнка, сам голый, и ребёнок голый... пошёл-пошёл-пошёл туда, по болоту, и пошёл-пошёл, вода захлопалась-захлопалась [Криничная 2004, с. 261].

Подобную символику имеет и водяной, что скрыто в семантике номинаций *дед*, *дедушка*, *дедушко водяной*, *дедушка*, *житель* и *пр.* Согласно поверьям, люди приносят ему всяческие жертвы (топят животных) и приговаривают: *Вот тебе, дедушка, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй нашу семью* [Криничная 2004, с. 348].

Итак, домовой, леший и водяной часто символизируют двойника человека, его предка. Они появляются в виде женщины, мужчины, ребёнка и даже тени и главенствуют на своей территории.

2.4.4. Достаток и богатство

Сема достатка и богатства мотивирована номинациями с корнем, имеющим значение ‘волосатый’, ‘шерстистый’: *мохнáч*, *кузю́тка*, *мохнатка*, *моховóй*, *волосáтка*, *волосáтик*, *волосáн*, *бородáтка*. По мнению исследователей, волосяной или шерстяной покров олицетворяет жизненную силу, сакральную и физическую, вследствие чего выступает как символ благополучия, счастья и богатства [Криничная 2004, с. 81; Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 74; Валенцова 2002, с. 492-493]. Сюда же относится и зооморфные номинации домового, у которых производящее слово называет животного с богатой шерстью – кошку, медведя, ласку, росомаху: *котáнко*, *бирю́к*, *медвéдко*, *зверíнко*, *лásка*, *росамáха*. Соответственно, лысый домовой (номинация *лы́ско*) символизирует бедность: *В баню в дымник руку пихают: если голой рукой хватит — бедный (жених), мохнатой — богатой* [Криничная 2004, с. 45] // *Вот тебе, Хозяин, мохнатый зверь на богатый двор! Гой!* [Волхв Велеслав 2012, с. 68].

Внутренняя форма корня *-жир-* совмещает значения ‘живь’ и ‘есть’ [Фасмер, т. 2, с. 56] итакже мотивирует символическое значение достатка. Подобное символическое значение наблюдается в номинациях *жировик*, *жиро́вый*, *жихарь*, *жихарёк*, *жихорько*, *жихорю́шко*, *доможи́л*, *доможи́рко*, *жихари́ха*, *жихори́чка*. Наиболее ярко он прослеживается в северных говорах, где в условиях сурового климата достаточно трудно достичь благополучной «жирной» жизни. Домовой обеспечивает достаток крестьянской семьи, живущей под его покровительством, что отражается в номинациях *кормилец*, *корминчик*:

Дедушко, кормильчик,

Приходи в новый дом

Хлеба здесь кушать,

Молодых хозяев слушать! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 66].

Вышеупомянутый диалектизм *лásка* иозвучный с ней *ласи́ца* являются символом добра, любви и женского начала в доме [Гура 2004, т. 3, с. 82-85]. Убить *лásку* – привлечь смерть кого-то из людей или домашних животных.

В защитной и медицинской магии использовали древнейшие материалы, имеющие сакральный статус в народной культуре, – железо и медь. Такая семантика скрыта в номинациях *железня́чка*, *зелезня́чка*, *медéница*. Железо символизирует «этот мир». Закаливание железа в огне и воде придаёт ему особенную магическую силу. Оно наделяется положительными свойствами и является одним из универсальных оберегов, что обусловлено его прочностью, твёрдостью, связью с огнём, долговечностью. Эти же признаки делают его символом здоровья. С другой стороны, железо – элемент неживой природы, поэтому оно выступает как атрибут нечистой силы [Левкиевская 2002, с. 159-160]. Так, согласно поверьям, в поле сидит женщина-домовой с железными грудями и ловит шалунов [Афанасьев 1865-1869, т. 3, с. 593].

Стоит отметить, что медь как металл, из которого изготавливают драгоценности, является, прежде всего, символом богатства. А благодаря своему цвету медь соотносится с небесным светилом, божественным началом. У славян существовала традиция – умываться из медной посуды. Считалось, что такой ритуал придаст румянец и силу под стать качествами меди [Левкиевская 2004, т. 3, с. 245-248].

Номинация *бобóвница* символизирует жизнь. У южных славян бобы считаются символом здоровья и жизни, так как воспринимались как семя [Плотникова 1995, т. 1, с. 201-202]. Так, в областных говорах ребёнок ласково называется «семячко», а о беременных говорили, что они наелись гороха или бобов [Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 490].

Сосредоточением здоровья была баня. Именно туда шли заболевшие люди. Символом здоровья, в первую очередь, выступал мифологический персонаж *бáнька-пáрушка*. Так, парясь в бане, крестьяне буквально выбивали вениками, собранными из лесных веток, всё недомогание и приговаривали: *Цехота-сухота, пойди, цехота, пойди из избы дверьми, по байни дымишком, по улицы ветром-вехорём, первом прокатись.* Исследователи даже указывают определённую формулу человекотворения: вода + огонь + дерево + каменка (печь). Интересно, что покровителями данных объектов являются все три мифологических персонажа [Криничная 2004, с. 75].

Таким образом, мифологические персонажи, мотивированные корнями с семантикой волосяного и шерстяного покрова, корнями *-жир-*, *-желез-*, *-боб-* и *-бан-* могут служить символами богатства, здоровья, любви и добра.

2.4.5. Судьба

Символическое значение судьбы мотивировано корнями *-вед-* или *-веш-*. Предсказывать судьбу – особая функция домового и лешего: *вещунья*, *вещица*. Однако их пророчества далеко не всегда высказываются напрямую. Часто они передаются во сне, через осязание и звуки, и тогда сема судьбы

мотивируется глаголами позитивного или негативного действия. Так, домовой щиплет, давит (*гнеткé, гнеткó, мúка, облóм* и пр.) – к беде, гладит – к добру, издаёт разные звуки (*букárка, сутóрма, пыхтéлка* и пр.) – к несчастью [Криничная 2004, с. 179]: *Одна женищина от домового видела три напасти, а перед каждой напастью он ночью на неё наваливался. В первый раз она родила мёртвого мальчика, во второй — сгорели, а в третий — корова околела и овцы начали падать* [Криничная 2004, с. 175].

Семантику судьбы мотивируют и глаголы прядения – *мотать, прясть*. Отсюда домовые *мотовíлиха* и *прáха*, мотающие нити, могут предсказывать как долгую жизнь, так и скорую смерть, ведь в мифологии нити – символ судьбы. Отсюда и выражение «связать судьбу». Множество гаданий проводились с использованием этого инструмента:

*Повяжи, Макошь-Матушка, Нить-Судьбинушку
Благим на благо, инаким – инако,
По Твоей Воле, по справедливости,
Но бýди к нам, детям Своим, век милостива!* [Волхв Велеслав 2012, с. 19].

Итак, выполняя какие-либо действия по отношению к человеку, мифологические персонажи часто хотят предупредить человека о ближайшем будущем.

2.4.6. Болезнь и смерть

Очевидно, что все мифологические персонажи – нечистая сила, принадлежащая потустороннему миру. Исходя из этого, полагаем, что большинство из них – откровенное зло. Так, номинации, в семантике которых идёт прямое указание на нечистую силу (*навnóй, кикíмора, máра, шулíкин, албáста* и т.д.), символизируют болезни и смерть.

Подполýник и *голбéшный*, обитающие в нижней части дома, также символизируют смерть, потусторонний мир: *Зимой темно, вижу: идёт из-*

под голбца маленькая бабка в сарафане и рубахе, в платочке. Подходит, берёт прядку и начинает прядь, потом положила и пошла. Я поползла за ней на четвереньках, она ушла под голбец [Криничная 2004, с. 132]. Символическое значение смерти и потустороннего мира мотивировано семантикой низа: и подпол и голбец – своего рода «отверстия» в потусторонний мир. У славян подпол – место, где хоронили мёртворождённых, некрещёных детей, а также скот [Левикевская 2009, т. 4, с. 104]: *Во время же Христовой заутрени прийти в пустой дом, спуститься там в подполье, где и покажется домовой в шапке-невидимке.* Также можно видеть его во время крёстного хода вокруг церкви: тогда он снимает шапку-невидимку [Криничная 2004, с. 136].

Интересно, что вышеупомянутая *бобовница* символизирует и смерть. Многие славянские народы верили, что бобы вселяют души предков и являются пищей мёртвых [Плотникова 1995, т. 1, с. 201-202].

Нередко духи, обитающие во дворе (*дворник, дворной, дворовик, дворовой, дворовушко, дворовуха, дворуха, матьушка-подворёнка*) символизируют болезни скота, так как находятся в непосредственной близости к животным [Журавлёв 1995, т. 1, с. 222-225]. Заговор дворовому:

Батюшко Дворовой, не уходи,

Двор не разори, скотину не губи,

Лиху пути-дороги к нам не кажи! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 75]

Диалектизмы *гнеткé, гнеткó, гнётка, гнютéница* символизируют ещё и болезнь. Нередко данныеозвучные номинации называют лихорадку: *Гнетея же ложится у человека на ребра и взвивает утробу; а если кто хочет есть, пусть ест, только из души у того человека вон идёт* [СРНГ, т. 6, с. 241].

Лес, в свою очередь, считался чужой территорией и представлял собой потусторонний мир [Агапкина 2004, т. 3, с. 97-100]. Однако от него также зависела жизнь крестьян: там рубили деревья для строительства, собирали

целебные травы и цветы, грибы и ягоды, охотились, ловили рыбу. Человек становился непрошеным гостем и попадался в ловушки лешего, который мог быть высоким, как сосна, и низким, как трава. Как известно, лешие заманивали людей, представая в образе животного или близкого человека своей жертвы. Таким образом, номинации *ман*, *манило*, *манилко*, *лукáнька*, *залúтчик*, *залúтчица* становятся символами обмана и коварства.

Особое сакральное место на периферии освоенного и чужого пространства – мельница, где обитали *мельничный*, *мельник*. Считалось, что работники мельницы обязаны общаться с нечистой силой. А сами мельничные духи – символы болезни. Верили, что вращающееся колесо мельницы может изменить течение болезни, как в лучшую, так и в худшую сторону. Магические свойства мельницы усиливаются связью с водой [Седакова 2004, т. 3, с. 222-225].

Водяной – персонификация воды (номинации *водéник*, *водыльник*, *водя*, *водянёнок*, *водянéц*, *водя́ник*, *вóдяный*, *изводёенный*, *водяна́я*, *водяни́ха*, *водя́новка*, *водяну́ха*, *водяни́ца*). Прежде всего, стоит сказать, что вода сама по себе является источником жизни, средством магического очищения. Водное пространство осмысляется как граница между земным и загробным мирами, как место временного пребывания душ умерших и среда обитания нечистой силы. Символическое значение воды и широкая сфера её обрядового использования связаны, с одной стороны, с её природными свойствами, а с другой – представлениями о ней как о «чужом» пространстве и входе в потусторонний мир [Виноградова 2002, с. 80-81]. С водой, как правило, связаны негативные представления славян. Об этом свидетельствуют и народные пословицы и поговорки: *Где много воды, там жди беды. Где вода, тут и беда* [ПиПРН, т. 1, с. 132]. «Живая» (проточная) и «мёртвая» (стоячая) воды также символизируют жизнь и смерть:

Пришли мы к Тебе,

Государыня Вода,

Матушка Водяная Владычица,

С повинною головою.

Прости Ты нас,

Простите и Вы нас,

Водяные Деды и Прадеды! [Волхв Велеслав 2012, с. 62].

В частности, колодец, являясь и человеческой постройкой, и водоёмом с проточной водой, представлял собой аналог природного источника. Вокруг него всегда совершалось множество магических обрядов. Согласно поверьям, около колодца и в нём обитали духи, символизирующие болезни – *колодечник*. Так, существовало множество запретов, при нарушении которых человек мог серьёзно заболеть. К примеру, нельзя набирать воду из колодца беременным женщинам. Вместе с тем, там могли обитать и добрые духи, покровительствующие людям и оберегающие свой локус. Чтобы задобрить такого духа, на Ильин день в колодец опускали листочки мяты [Валенцова, Виноградова 1999, т. 2, с. 536-541]. А в Петров день заклинали ведьм:

Вы катитесь, ведьмы, за мхи, за болоты,

За гнилые колодые, где люди не бают,

Собаки не лают, куры не поют, –

Вам там и место! [Крючковы 2014, с. 76].

Таким образом, номинации мифологических персонажей, мотивированные названиями «нижних» построек избы и двора, корнями – *лес-*, *-гн-* и *-вод-*, а также *-боб-* символизируют болезни и смерть.

2.4.7. Символическое значение мифологических персонажей

с семантическим признаком ‘цвет’

2.4.7.1. Белый цвет

Семой ‘белый’ мотивированы слова *белолápко*, *бéля*, *белая баба* и *белúн*. В славянской мифологии белый цвет противопоставляется чёрному:

хороший – плохой, добрый – злой, мужской – женский. Так, появление данных персонажей – символ добра, жизни:

*За рекою есть баня,
В бане – чёрная печка,
На чёрной печке
Сидит белая девка,
Подметает и чистит от нечисти:
Ото всех лихих Трясовиц и Часоток,
Выгрызов, Грыж, Сухоток!*

Во веки веков! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 213].

Напомним, что таких духов, как *белолáпко*, *бёля*, призывали, чтобы начался ветер в море во время штиля, иначе люди не могли вернуться домой. Предположительно, белый цвет — символ ещё не развенчанного персонажа языческой мифологии: *По реке, от леса, идёт какой-то высокий человек, весь в белом // Идёт она по правую руку лсеницины в белых халатах сидят, по левую — в чёрных. Душе говорят, что в чёрных — некрецёные, а в белых крецёные* [Криничная 2004, с. 333, 954].

Считалось большой удачей встретить белого домового: *Меня белый дедушко* позвал: *пойдём, паренёк, по лису, бурачка дам* (*Карел.*) [СРГК, т. 1, с. 442] // *Ходит по ниве Белун, наделяет добром* [Ремизов 1996, с. 107].

Однако образ домового амбивалентен: в диалектных словарях наименования данного мифологического персонажа часто обозначаются как «добрый или злой дух» [Ивашинина 2019, с. 191-195]. Так, белый цвет может символизировать и несчастье [Толстой 1995, т. 1, с. 151-154]. Отметим, что в СПГ слова с корнем *-бел-* имеют негативные значения: *бёлька* ‘о глупом человеке’, *бельме́* ‘в состоянии сильной усталости; отупев’, *бельмейн* ‘бестолочь’ и др. [СПГ, т. 1, с. 32-33]. Возможно, негативное значение белого цвета связано с тем, что именно такой оттенок приобретает больной человек или покойник. Так, многие народы представляли смерть в образе женщины

в белом сарафане [Толстой 1995, т. 1, с. 151-154]. Согласно поверьям, домовой, оповещающий о смерти, появляется именно в белом одеянии и смотрит пронзительным взглядом: *Как будто морозяным (веяньем) потянуло на меня (Смол.)* [Криничная 2004, с. 169]. Таким образом, белый цвет домового символизировал зло. Очевидно, это связано с тем, что домовой – умерший предок семьи [Афанасьев 1868, с. 74-75].

2.4.7.2. Синий цвет

Сема ‘синий’ найдена в слове *синеобразный*: *В этом море стоит синий камень, на синем камне сидит водяной с водяницей...* [Криничная 2004, с. 328-329]. В славянской традиции синий цвет символизирует потусторонний мир, нечистую силу и является атрибутом «чужого» пространства. Синий цвет символизирует смерть, траур. Именно такой оттенок приобретает утопленник. В противовес здоровому румянцу бледность и синева свойственны больному человеку.

Общеславянское слово *sinjъ* является однокоренным с глаголом *sijati* и имеет первоначальное значение ‘сверкающий’ [ЭСРЯ, т. 3, с. 624]. Таким образом, данный цвет нередко ассоциируется с синим огнём, который является атрибутом домового духа: *Чую, как ввернёт по полу веретенушко. А ишио синенький маленький огонёк горит. Я чё-то взяла и голову высунула — так всё и пропало (Вят.)* [Криничная 2004, с. 137]. Домовые напоминали синие языки пламени, переплетённые с красными: *Дык суседка видела двоих (домовых): один у синей рубахе, другой — у красной, ды пирамётываютца. <...> Ды тах-та абнимутца, ды павалютца абои; а потом ускочуть, схватютца, да опять повалютца: играютъ (Курск.)* [Криничная 2004, с. 137].

Духу дома приписывали и наличие синей одежды: *Открыл одеяло, гляжу — на голбец лезет на печку старик в синей рубахе, кряхтит. <...> Начали смотреть — никого нет (Моск.)* [Криничная 2004, с. 143].

Таким образом, синий цвет олицетворяет мёртвую кровь, присущую представителям потустороннего мира, символизирует зло и огонь, являющийся атрибутом домового духа.

2.4.7.3. Красный цвет

Согласно верованиям, белый и синий цвета противопоставляются не только чёрному, но и красному. В такой оппозиции белый и синий выступают в качестве символа смерти, болезни, а красный – жизни, здоровья, плодородия. По народному суеверию, именно красные предметы играли роль оберега: красный платок, красная ниточка и пр. [Ивашинина 2021, с. 148-152].

Мифологические существа нередко обладали красными атрибутами одежды (сарафан, пояс, шапка и пр.) и, подобно «белым» домовым, приносили и добро, и зло [Белова 1999, т. 2, с. 647-651]:*За иконами в переднем углу можно будто бы увидеть седенького в красной шапочке старика, который и есть домовой(Заб.)* [Криничная 2004, с. 147] //*В положении была. Лежу, ни о чём не думаю. Вдруг из-под подпола старушка выходит в красной кофточке.* — «Ага! Лежишь», — говорит. — «Ну и что. Лежу! А тебе какое дело? А что вам нужно?» А она говорит: «Скоро не будете здесь жить, и мужа у тебя не будет. Останешься одна — одинока и без мужа» (Карел.) [Криничная 2004, с. 179].

Красная баба – мифологическое существо, которое насыщает болезнью: *Кумаха* – горячая болезнь, вся кровь так и кипит; её *красная баба* насыщает, она весь век в красном (Волог.) [СГРС, т. 6, с. 135]. Подобное значение имела и номинация *гнетёя* (Влад.) [СРНГ, т. 6, с. 241]. У этого слова и слова *огонь* есть общий корень *-гн-*. Именно эта сема и мотивирует символическое значение ‘огонь’, так как известно, что домовой – персонификация огня [Афанасьев 1865, т. 2, с. 727-728]. Отсюда вытекает и значение ‘болезнь, лихорадка’. По сути, это переносное значение корня *-гн-*,

т.к. высокая температура воспринималась как телесный огонь, т.е. лихорадка: *Гнетсяя же ложится у человека на ребра и взвивает утробу; а если кто хочет есть, пусть ест, только из души у того человека вон идёт* (Влад.) [СРНГ, т. 6, с. 241]. Отметим, что существует поверье о 12 сёстрах лихорадки, духах женского пола, которые были прокляты родителями. Они страдают от проклятия и заставляют страдать других [Усачёва 2004, т. 3, с. 117-123]. Возможно, на возникновение данных мифологических персонажей повлияло негативное отношение к женщине, свойственное тому времени, что является гендерным стереотипом [Маркина 2019, с. 245-254].

Мифический персонаж в красном сарафане – *медёница*. О *медёнице*: *Свекрови моей меденица привиделась: иду, говорит, на сенокос, впереди баба в красном сарафане с охапкой дудок под мышкой, еле жива домой прибежала* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 261]. Название происходит от ст.-слав. *мъдь* [Фасмер, т. 2, с. 591]. Известно, медь наделена красным оттенком, что, вероятно, и стало причиной возникновения данной номинации. Ей придают сакральное значение, а её цвет в народной культуре коми-пермяков выступает в качестве оберега [Голева 2008, с. 74].

Итак, цветовая характеристика духов также имеет большоезначение в символизации персонажей. Так, синий – цвет смерти, а белый и красный – жизни.

В Таблице 13 приведены диалектные номинации домового, лешего и водяного, классифицированные в соответствии с символическими значениями.

Таблица 13. Символическое значение номинаций домового, лешего и водяного

<i>Символ</i>	<i>Номинация</i>
Огонь (38)	<i>Дом:</i> домовид, домовидушко, домовик, домовитушко, домоведушко, домовой, домовейко, домовеюшко, домовичок, домовая, домовинка, домовушка, домовиха, домаха, матушка-домовая.

	<p>Печь: Запéчельница, запéченник, запéчнушко, калёная пéчка, печáя, печной хозяин, подпéчник.</p> <p>Баня: бáенник, бáнна жихóня, бáиная бáушка, бáнька-пáрушка, бáнница, бáннушка, нéчисть бáнная, забáенник, пárница, бáенка-пустохорóминка.</p> <p>Огонь: гнеткé, гнеткó, гнётка, гнютéница.</p> <p>Животные: курáнко, котáнко</p>
Предок (58)	<p>Предок: большáк, дед, дéдка(о), дéдушка(о), дýдъко, бá(б)ушка, дедúха, Соломíя-бáбушка, дýдины ребáта, бáтюшка, батамáн, батáнушка, ботамáнушко, ватáмушко, братáнушко, привáл, дéдка, дéдюшка, дéдя, лесnóй дéдушка, лесовоý дéдушка, дéдышка, дéдушко водянóй, дедушíха.</p> <p>Хозяин: хозяин, хозяйка, похозяйственник, лесnóй херувíм, лесnóй хозяин, лесовоý хозяин, вóтчинник, жýтель.</p> <p>Сосед: сосéдко, сосéдушка, сосéдушко, сусéдиха, суседка, сусéдушка, сусéд, сусéдушко, суседко.</p> <p>Тень: пастéн, постéн, постéнь, бестéнный бúка, стéнь и стинь, сéндушный.</p> <p>Подменённый: обмéн, другáя половíна.</p> <p>Ребёнок: бáйстрюк, лесnóй дýтятко, лешачóнок, водянёнак, зýбочник, грец, игрéц, игрунóк</p>
Достаток и благополучие (54)	<p>Шерсть: мохнáч, кузю́тка, мохнатка, моховоý, волосáтка, волосáтик, волосáн, бородáтка.</p> <p>Жир: жировíк, жирóвый, жи́харь, жихарёк, жи́хорько, жихорюшко, доможíл, доможи́рко, жихари́ха, жихори́чка, корми́лец, корми́нчик.</p> <p>Животные: Лásка, ужáчка, котáнко, бирюóк, медвéдко, зверíнко, лásка, росамáха.</p> <p>Металл: железнáчка, зелезнáчка, медéница.</p> <p>Баня: Банька-пáрушка, пárница.</p> <p>Цвет: кра́сная бáба, красноплéший и медéница, белолáпко, бéля, белун.</p> <p>Бобы: бобовница.</p> <p>Вода: водéник, водыльник, вóдя, водянёнак, водянéц, водяник, вóдяный, изводёный, водянáя, водяни́ха, водяновка, водяну́ха, водянýца.</p> <p>Колодец: колóдечник</p>
Судьба (36)	<p>Действия: мýка, обло́м, букáрка, сутóрма, пыхтéлка, букáнко, буканáй, бу́хра-бáхра, бу́черь, сусéдушка-бакáнушка (букáнушка), сéдушко-</p>

	<p>бука́нушко, варахтáн, изводень, лизúн, мéка, облóм, облám, осáд, притчúн, стриж, вереци́ха, заде(и)ри́ха, букари́ца, букусéтка, бучéриха, варахтáнница, мúка, неспíха, обдерíха, пúжсанка, секуниха, хýтница, туруслáкка, стрýга.</p> <p>Ними: мотовíллиха, прáха</p>
Болезнь и смерть (78)	<p>Нечистая сила: навнóй, кикíмора, мáра, шули́кин, албáста, анчúтка, Ванюшка, коловёриши, еретníк, лéмбой, мардáс, навнóй, упýрь, чертáн, шайтáн, шиликúн, мару́шка, кикíморка, кикúмора, негóдные, лéмор, лéман, сатайла, сатанá, некрещённый, прóклятый, Ива́н чародéй, проклянённый, кривохвóстик, кулáши, шелю́кин, кромéшники, аңы́бал, ворогúша, гробóвка, мáвка, русálка, руслáнка, мáртушка, чертáшка, свята.</p> <p>Нижняя часть дома: подполýник, голбéшины.</p> <p>Бобы: бобóвница.</p> <p>Двор: двóрник, дворнóй, дворовíк, дворовóй, дворовушко, дворовúха, дворóуха, мáтушка-подворёнка.</p> <p>Металлы: желеznáчка, зелеznáчка, медéница.</p> <p>Лихорадка: гнеткé, гнеткó, гнётка, гнютéнича, кондрáшка.</p> <p>Колодец: колóдечник.</p> <p>Цвет: синеообрáзный, белúн.</p> <p>Мельница: мéльничный, мéльник.</p> <p>Вода: водéник, водыльник, вóдя, водянёноч, водянéц, водя́ник, вóдяный, изводёный, водяная, водяни́ха, водяновка, водяну́ха, водяни́ца</p>
Обман (6)	Ман, мани́ло, мани́лко, лукáнька, залúтчик, залúтчица
Цвет	<ol style="list-style-type: none"> Синий: синеобрáзный. Белый: белолáпко, бéля, белúн. Красный: кра́сная бáба, гнетéя, медéнича

Таким образом, нами было найдено 6 символовических значений, скрытых в семантике номинаций мифологических существ домового, лешего и водяного. Их количественное соотношение продемонстрировано на **рисунке 8**. Домовой, часто предстающий в виде человека или животного, символизирует предка-родоначальника, создателя семейного очага, а также сам семейный очаг, горящий в печи бани или дома. Двойниками выступают и

другие мифологические персонажи, копируя внешность обычных людей. Часто духи символизируют болезни, смерть и бедность, а иногда, наоборот, богатство и здоровье. Являясь нечистой сильной, они заманивают людей в лес, символизируя обман, и применяют различные поступки по отношению к людям, предсказывая будущее и символизируя судьбу.

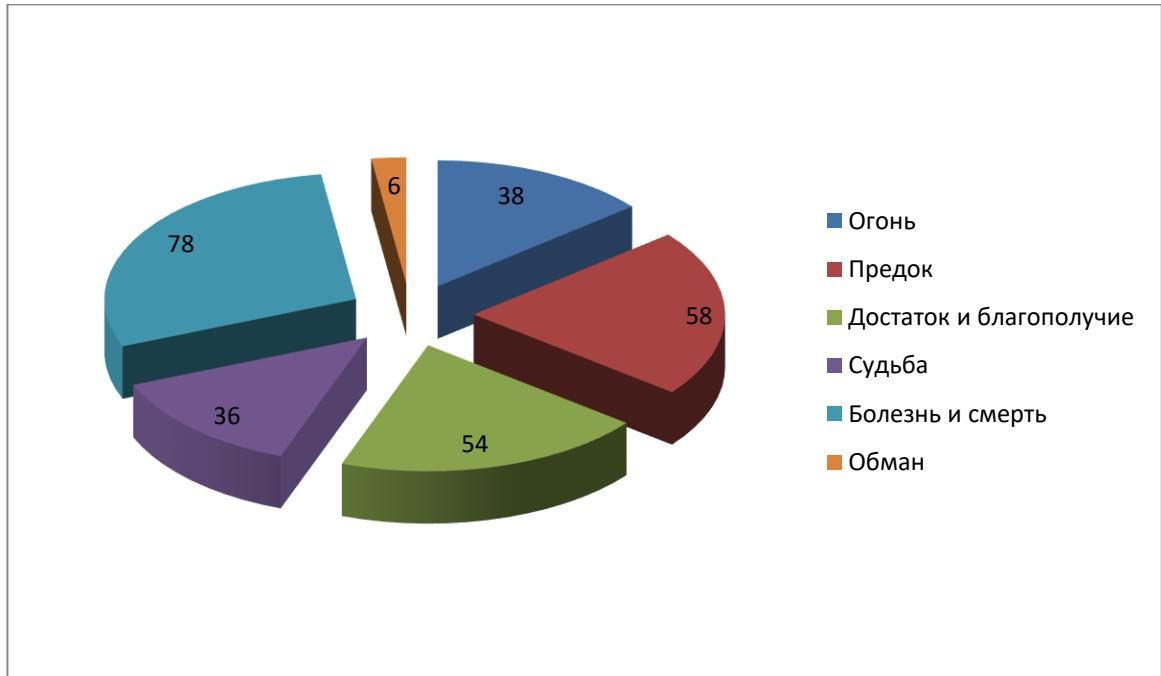

Рисунок 8. Количество соотношение символовических значений номинаций мифологических персонажей

Наибольшее количество диалектных номинаций содержит в своей семантике символическое значение ‘болезнь и смерть’ (78 ном.). Мы полагаем, это связано с тем, что изначально по своей сути мифологические персонажи являются представителями нечистой силы и, соответственно, отождествляются со смертью.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Систематизация мифологических персонажей в различных фольклорных и лингвистических исследованиях происходит по тематическому принципу. Они несут особую ценность в нашей работе, так как имеют культурную, символическую, смысловую значимость.

При классификации диалектных номинаций мифологических персонажей мы опирались на их внутреннюю форму. Таким образом, мы выделили 7 семантических признаков мотивации номинаций домового ('локация', 'родство', 'действие', 'оценка', 'внешность', 'табуирование' и 'таксис'), 5 семантических признаков мотивации номинаций лешего ('лес', 'табуирование', 'действие', 'оценка', 'внешность') и 4 семантических признака мотивации номинаций водяного ('место', 'оценка', 'внешность'). Помимо этого, мы определили номинации, имеющие признаки, свойственные домовому, лешему и водяному. Нами были созданы собирательные семантические портреты мифологических персонажей, основанные на внутренней форме диалектных номинаций. Отметим, что самым ярким, на наш взгляд, является семантический портрет домового, так как именно этот мифологический персонаж наиболее приближён к крестьянскому быту.

В Таблице 14 представлены краткие собирательные семантические портреты русских домового, лешего и водяного.

Таблица 14. Собирательные семантические портреты
домового, лешего и водяного

Собирательный семантический портрет домового	Собирательный семантический портрет лешего	Собирательный семантический портрет водяного
<p>Предок-родоначальник; Хранитель домашнего очага.</p> <p>Локация – освоенное человеком пространство (дом, двор, дворовые постройки, огород, сад, поле);</p> <p>Положительные действия: приносит достаток и благополучие,</p>	<p>Хранитель леса и домашнего скота.</p> <p>Локация – лес.</p> <p>Положительные действия: берегает лес и животных, помогает людям.</p> <p>Отрицательные действия: играет, крадёт детей и девушек, наказывает, заманивает людей и заставляет их блуждать.</p>	<p>Хранитель водоёмов, утопленник.</p> <p>Локация – вода и околоводное пространство (мох, лопухи, камыши).</p> <p>Внешность: человек или животное</p>

<p>помогает, предсказывает.</p> <p>Отрицательные действия: пугает, наказывает, крадёт детей.</p> <p>Внешность: животное, тень, человек</p>	<p>Внешность: человек, животное, дерево, лес</p>	
--	---	--

Среди диалектных номинаций домового и водяного наблюдается ярко выраженный гендерный стереотип. Женщина-домовой причиняет вред, ей свойственны такие качества, как вздорность, болтливость и ворчливость. В то же время, есть несколько номинаций, мотивированных названиями положительно оцениваемых действий. Женщина-водянной обитает в «мёртвой» воде, издаёт громкие звуки и имеет мужеподобную внешность. Что касается номинаций лешего, то среди них практически не наблюдается наличие гендерного стереотипа.

Анализируя внутреннюю форму диалектных номинаций мифологических персонажей, мы выяснили, что домовой, леший и водянной имеют следующие символические значения: ‘огонь’, ‘предок’, ‘достаток’ и ‘благополучие’, ‘болезнь и смерть’, ‘обман’, ‘судьба’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле современных не только лингвистических, но и других наук с учётом диалектологических и этнолингвистических методов. В рамках исследования был проведён комплексный анализ многокомпонентной структуры лексического значения диалектных номинаций мифологических персонажей (домового, лешего и водяного), раскрыта их внутренняя форма, выявлены гендерные стереотипы и символические значения.

Центральным понятием исследования является мифологический персонаж – явление, которое в равной степени имеет отношение к языку (это диалектная лексика) и к мифу, а также мифологическому мышлению народа. Миф есть особый тип мышления, когниция, закодированная словом и представленная в структуре лексического значения как коннотативный компонент в ЛЗ номинаций мифологических персонажей. Среди основных признаков мифа – процессуальность, антропоцентричность, перцептивность, синкетичность, цикличность. Миф и мифологический персонаж – взаимосвязанные многоплановые понятия. Миф является выраженным в языковой форме истинным повествованием, константой сознания, в центре которого находится мифологический персонаж, некое фантастическое существо. Большое количество номинаций мифологических персонажей объясняется мифологической инверсией, степенью освоенности пространства человеком и системой табуирования наименований.

Важнейшая единица мифа – мифологема. В нашей работе под мифологемой мы понимаем слово, не имеющее денотата, называющее главного героя мифа и отражающее национальное мифологическое мышление народа и, следовательно, имеющее культурную ценность.

Номинациям мифологических персонажей в настоящее время посвящено множество трудов в области фольклора и лингвистики. Большинство лингвистических работ направлено на изучение отдельных

названий мифологических персонажей. Лишь немногие лингвисты совершили попытку классифицировать мифологические номинации. К основным принципам таких классификаций, как правило, относятся тематический и культурологический.

Мы предложили типологию номинаций мифологических персонажей на основе их внутренней формы, гендерных стереотипов и символического значения. Вследствие этого было необходимо обратиться к многокомпонентной структуре ЛЗ слова, включающей денотативно-сигнификативный и коннотативный компоненты.

Полагаем, что номинации мифологических персонажей следует рассматривать как лексемы с многоаспектной структурой ЛЗ. К компонентам такой лексемы традиционно следует относить денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Денотат диалектных номинаций мифологических персонажей назвать нулевым можно лишь в том случае, если иметь в виду факт отсутствия такого референта (существа, предмета) в реальной действительности. Денотат мифологической лексики порождён народной фантазией и представляет собой совокупность эмпирических признаков, часто являющихся результатом олицетворения и персонификации – главных маркеров мифологического мышления.

Мы разделяем точку зрения ряда учёных о расширенном составе микрокомпонентов коннотации ЛЗ и включаем семы национальных гендерных стереотипов, а также семы, отражающие этнографические, зоо- и этологические факторы, данные географии ландшафта и гидрообъектов. Таким образом, помимо традиционных микрокомпонентов в состав коннотации мифологемы входит: внутренняя форма слова, символическое значение слова, социальные семы, полученные в результате индивидуальной или групповой дифференциации общества, в том числе и гендерные, этнографические, зоо- и этологические факторы, а также данные географии ландшафта и гидрообъектов.

Источниками коннотации диалектного слова являются оценочная корневая морфема, экспрессивные деминутивы, энантиосемия и оксюморон.

Предполагается, что современное представление о домовом, лешем и водяном крайне скучное. Мы систематизировали сведения о понятийном значении лексем домовой, водяной и леший, обратившись к данным толковых и ассоциативных словарей с целью оценить представления современного человека о них. Таким образом, мы выяснили, что понятие ‘мифологический персонаж’ актуально в русском языке. Выбранные нами номинации имеют несколько значений, в том числе те, которые исходят из производящего слова. Тем не менее, это не даёт нам полное представление о домовом, лешем и водяном, как и ассоциативные словари, в которых уточняется лишь их локус.

Расширить представление о мифологических персонажах возможно с помощью внутренней формы. В нашем понимании, внутренняя форма – это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определённый способ построения заключённого в данном слове концепта, компонент семантики производного слова; иногда в том же значении используется термин ‘мотивировка’; несколько шире используется термин ‘мотивация’.

Нами были систематизированы и созданы типологические системы диалектных номинаций с критерием «внутренняя форма», «гендерная принадлежность», «символическое значение». Так, выявлены 238 диалектных номинаций домового, мотивированных семантическими признаками: ‘локус’, ‘действие’, ‘оценка’, ‘родство’, ‘внешность’, ‘табуирование’ и ‘таксис’; 97 диалектных номинаций лешего, мотивированных семантическими признаками: ‘лес’, ‘действие’, ‘оценка’, ‘табуирование’ и ‘внешность’; 57 диалектных номинаций водяного,

мотивированные семантическими признаками: ‘локус’, ‘оценка’ и ‘внешность’; определены номинации, семантические признаки которых свойственны одновременно домовому, лешему и водяному (20 ном.). В результате были созданы семантические портреты домового, водяного и лешего на основании внутренней формы называющих их диалектизмов.

Более того, было уделено внимание такому понятию, как гендерный стереотип, особенно ярко проявлявшийся в архаический период веры в данных мифологических персонажей. Таким образом, гендерный стереотип проявляется в семантике диалектных номинаций в большей степени домового и водяного, в то время как среди номинаций лешего данный компонент практически отсутствует.

Реконструируя внутреннюю форму диалектных номинаций мифологических персонажей, мы выявили символические значения названий домового, лешего и водяного. В нашей работе отмечается два подхода к понятию «символическое значение»: семантико-семиотический и семасиологический. С точки зрения первого слово является знаком второй степени и означает нечто отличное от себя, непознанное и неосвоенное человеком. В этом случае символическое значение – означаемое этого знака, антропоморфное и многозначное (включая энантиосемию). Означаемое символа как сема ЛЗ понимается нами в большинстве рассмотренных примеров, в которых источником символического значения является внутренняя форма слова. Компонентом ЛЗ слова символическое значение является и в том, случае, если их источником стали ландшафтные и гидрологические особенности местности, а также данные об этологии некоторых птиц и животных. Если источником символического значения является фольклорный текст или речь диалектоносителя, то и в этом случае символическое значение считаем семой культурной коннотации ЛЗ, актуализированной контекстом.

С точки зрения второго подхода, символическое значение – компонент культурной коннотации ЛЗ слова. Символическое значение как лексико-семантический вариант слова отмечен нами только в ряде лексем, чьё первичное значение относится к литературному языку, а вторичное – к диалектной речи. Например, слово выпь в 1 значении – ‘птица’, а во втором – ‘водяной’. Хозяин: 1) ‘владелец, собственник’. 2) ‘домовой’.

К источникам символического значения относятся: внутренняя форма слова, народная этимология, фольклорные тексты, ландшафтные и гидрологические особенности местности, а также данные об этологии и некоторых птиц и животных. Мы выяснили, что ‘домовой’, ‘леший’ и ‘водяной’ имеют следующие символические значения: ‘огонь’, ‘предок’, ‘достаток’ и ‘благополучие’, ‘болезнь и смерть’, ‘обман’, ‘судьба’.

Диссертация имеет вектор дальнейшего исследования и открывает ряд перспектив для будущих научных изысканий.

1. В частности, интересным нам представляется вопрос зональной специфики номинаций мифологических персонажей. Отдельные примеры специфической зависимости номинации от особенностей края в диссертации были рассмотрены (*лопухόня, камышáнов, кромéшник, мéльник, волосáтик и dr.*). В Приложении 2 представлены картограммы, позволяющие наглядно увидеть распространение номинаций в России. Эта информация представляется стартовой для нового исследования.

2. Некоторые корни, лежащие в основе номинаций мифологических персонажей, такие как *-бук-, -кур-, -жир-, -кул-*, являются семантически синкетичными и требуют детального изучения.

3. Неисследованным является вопрос о лингвопоэтической функции номинаций мифологических персонажей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Арх.* – Архангельская губерния (область).
- Астрах.* – Астраханская губерния (область).
- Белг.* – Белгородская область.
- Беломор.* – Беломорское городское поселение.
- Брян.* – Брянская область.
- Бурят.* – Бурятская АССР.
- Влад.* – Владимирская губерния (область).
- Волог.* – Вологодская губерния (область).
- Ворон.* – Воронежская губерния (область).
- Вост.-Сиб.* – Восточно-Сибирское.
- Вят.* – Вятская губерния.
- Горн.-Алт.* – Горно-Алтайская автономная область.
- Дон.* – Донское (по р. Дону).
- Енис.* – Енисейская губерния.
- Забайк.* – Забайкальская область.
- Зап.-Сиб.* – Западно-Сибирское.
- Иркут.* – Иркутская губерния (область).
- Казан.* – Казанская губерния.
- Калужс.* – Калужская губерния (область).
- Калин.* – Калининская область.
- Камч.* – Камчатское.
- Карел.* – Карельская АССР.
- Кемер.* – Кемеровская область.
- Киров.* – Кировская область.
- Костром.* – Костромская губерния (область).
- Краснодар.* – Краснодарский край.
- Краснояр.* – Красноярский край.
- Курган.* – Курганская область.

Курск. – Курская губерния (область).

Латв. ССР – Латвийская ССР.

Ленингр. – Ленинградская область.

Липец. – Липецкая область.

Моск. – Московская губерния (область).

Мурман. – Мурманская область.

Нижегор. - Нижегородская губерния.

Новг. – Новгородская губерния (область).

Новосиб. – Новосибирская область.

Олон. – Олонецкая губерния.

Онежс. – Онежское озеро.

Оренб. – Оренбургская губерния (область)

Орл. – Орловская губерния (область).

Пенз. – Пензенская губерния (область)

Перм. – Пермская губерния (область).

Петерб. – Петербургская область.

Пск. – Псковская губерния (область)

Ряз. – Рязанская губерния (область)

Самар. – Самарская губерния

Сарат. – Саратовская губерния (область).

Сев.-Двин. – Северо-Двинское (по р. Северной Двине).

Север. – Северное.

Свердл. – Свердловская область.

Сиб. – Сибирское.

Симб. – Симбирская губерния.

Смол. – Смоленская губерния (область).

Ср. Урал – Средний Урал.

Тамб. – Тамбовская губерния (область).

Твер. – Тверская губерния.

Терск. – Терская область.

Тобол. – Тобольская губерния.

Томск. – Томская губерния (область).

Тул. – Тульская губерния (область).

Тюмен. – Тюменская область.

Урал. – Уральское.

Уфим. – Уфимская губерния.

Чкал. – Чкаловская область.

Эст. – Эстонская ССР.

Южн.-Сиб. – Южносибирское.

Якут. – Якутская область.

Яросл. – Ярославская губерния (область).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ-ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

1. АОС: Архангельский областной словарь: В 20 т. / Под ред. О. Г. Гецовой. – Изд-во Моск. ун-та, 1980-2020.
2. БТСДК: Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т. — М.: ОО «Русский словари»; ОО «Издательство Астрель»; ОО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.
3. ВС: Вершининский словарь: В 7 т. / Глав. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998-2002.
4. ИЭСРГА: Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая: В 7 т. / Под ред. Л. И. Шелеповой; Федеральное агентство по образованию, Алтайский гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос.ун-та, 2007.
5. КГ: Кубанский говор. Опыт авторского словаря. – 2-е изд., уточнённое и дополненное / П.И. Ткаченко. – Краснодар: «Традиция», 2008. – 288 с.
6. ПЦСС: Полный церковно-славянский словарь / сост. Дьяченко Г.М. – М.: Изд. отдел Моск. Патриархата, 1993. – 1125 с.
7. СВГ: Словарь вологодских говоров: В 11 т. / Науч. ред. Т.Г.Паникаровская. – Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983 – 2007.
8. СОВН: Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении /изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А.Мызников, П.А. Дилакторский. – М.: Наука, 2006 – 653 с.
9. ОБКРН: Областной словарь колымского русского наречия / собр. и сост. В.Г. Богораз.– Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1901.
10. ОСВГ: Областной словарь вятских говоров: В 12 т. / Вятский гос. пед. ун-т. – Киров, 1996-2018.
11. СБГ: Словарь брянских говоров: в 5 т - Ленинград: ЛГПИ, 1976-1988.

12. СГП: Словарь говоров Подмосковья / А. Ф. Войтенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МПУ. – Вып. 1. – 1995. – 216 с.
13. СГРС: Словарь говоров русского Севера: В 7 т. / Под ред. А.К.Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001-2018.
14. СГРСБС: Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 22 т. / ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. – Иркутск, 2007-2020.
15. СГСЗ: Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой. – Новосибирск: Издательство СО РАН, ОИГТМ, 1999.
16. СОГ: Словарь орловских говоров: В 16 т. / Науч. ред. Т.В.Бахвалова. –Ярославль, 1989–2016.
17. СПГ: Словарь пермских говоров: В 2 т. / Под ред. А.Н.Борисовой, К.Н. Прокошевой. – Пермь: Кн. Мир, 2000-2002.
18. СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994-2005.
19. СРГСПК: Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл.ред. И. И. Русинова. – Пермь: Пермский гос. ун-т. – Вып. 1. – 2011. – 363с.
20. СРГСУ: Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. / Подред. А. К. Матвеева. — Свердловск; Екатеринбург, 1964-1900.
21. СРГЦРКК: Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. / О. В. Фельде (Борхвальдт). – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003-2011.
22. СРГЮП: Словарь русских говоров Южного Прикамья: В 3 т. / И.А. Подюков и др. – Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2010-2012.
23. СРНГ: Словарь русских народных говоров в 52 т. / Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1965–2021.
24. ССГ: Словарь смоленских говоров: В 11 т. / Под ред. доц. А.И.Ивановой. – Смоленск, 1974-2005.

25. ЯОС: Ярославский областной словарь: в 10 т. /М. Т. Афанасьева и др. – Ярославль, 1981-1991.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии и статьи

1. Абыякая, О. В. Мифологическая лексика русского языка влингвокультурологическом аспекте и принципы её лексикографического описания: автореф. дис. канд. филол. Наук: 10.02.01 / Абыякая Олеся Викторовна. – Петербург, 2004. – 23 с.
2. Агапкина, Т. А. Лес / Т. А. Агапкина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2004. – Т.3. – С. 97-100.
3. Агапкина, Т. А. Символика освоенного пространства: угол / Т. А. Агапкина // Пространство и время в языке и культуре. – М.: Индрик, 2011. – С. 13–53.
4. Алексеев, А. В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики / А. В. Алексеев. – М.: МГПУ, 2013. – 164с.
5. Алексеев, А. В. Символическое значение слова в этимологии и истории русского языка / А. В. Алексеев // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – Вып. 3 (29). – С. 107-112.
6. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-семасиологическое содержание языкового знака / Н. Ф. Алефиренко // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманит. науки. – 2005. – Вып. 3 (48). – С. 5-10.
7. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смыслоное пространство языка: Учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.
8. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография/ Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 227 с.
9. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян // Избр. труды. – М., 1995. – Т. 1. – 442 с.

10. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка /И. В. Арнольд. – Л., 1973. –302 с.
11. Арнольд, И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения / И. В. Арнольд // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской конференции; отв. ред. В. А. Ильиш. – Л.: 1970. – С. 87- 90.
12. Афанасьев, А. Н. Ведун и ведьма / А. Н. Афанасьев. — М.: тип. А. Семена, 1851. — 78 с.
13. Афанасьев, А. Н. Дедушка домовой / А. Н. Афанасьев // Архив историко-юридических сведений. – Кн. 1. – 1850. – С. 13-29.
14. Афанасьев, А. Н. Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея, волк / А. Н. Афанасьев // Отечественные записки. – 1852. –№1-3.
15. Афанасьев, А. Н. Мифическая связь понятий: Света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи / А. Н. Афанасьев. — М.: тип. А. Семена, 1854. — 16 с.
16. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи смифическими сказаниями других родственных народов: в 3-х т. / А. Н. Афанасьев. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865-1869.
17. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Анатолий Павлович Бабушкин.– Воронеж, 1997. – 330с.
18. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин – Л.: Наука, 1983. – 191 с.
19. Балли, Ш. Французская стилистика/ Ш. Балли // пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда.– М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

20. Баранов, Д. А. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. // СПб.: Искусство – СПБ, 2005. – 688 с.
21. Барт, Р. Основы семиологии/ Р. Барт // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 114-163.
22. Бекетова, Н. А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах: на материале суффиксальных имен существительных: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Бекетова Наталья Александровна. – Белгород, 2014. – 231 с.
23. Белова, О. В. Красный цвет / О. В. Белова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – Т. 2. – С. 647-651.
24. Белова, О. В. Свой – чужой / О. В. Белова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 425-426.
25. Белова, О. В. Цвет / О. В. Белова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 280-281.
26. Берегова, О. Символы славян / О. Берегова. – СПб, изд-во «Диля», 2008. – 432 с.
27. Березович, Е. Л. Ещё раз о русском диалектном демониме кулеш / Е. Л. Березович // В созвездии слов и имён сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут. – Екатеринбург, 2017. – С. 26-46.
28. Березович, Е. Л. Из словаря «Славянские древности»: Шуликуны / Е. Л. Березович, Л. Н. Виноградова // Славяноведение. – 2010. – №6. – С. 49-52.
29. Березович, Е. Л. Наименования нечистой силы в русских проклятиях/ Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2020. – №67. – С. 5-27.

30. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е. Л. Березович. – Екатеринбург, 2000. – 532 с.
31. Березович, Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. — 338 с.
32. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
33. Берестнев, Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте / Г. И. Берестнев. – Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2002. – 149 с.
34. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – М.: Прайм-Еврознак, 2004. – 320 с.
35. Богданович, А. Е. Пережитки древнего миросозерцания убелорусов: этнографический очерк / А. Е. Богданович. – М.: Слава, 2009. – 158 с.
36. Булаховский, Л. А. Энантиосемия. Развитие противоположных значений / Л. А. Булаховский // Русская речь. – 1988. - № 2. – С. 68-70.
37. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – СПб.: Д.Е. Кожанчикова, 1861. – Т. 1. – 643 с.
38. Быкова, О.И. Мифологема как культурный концепт/ О. И. Быкова, О. Н. Ракитина // III Житниковские чтения. Динамический аспект лингвистических исследований. Материалы Всероссийской научной конференции. — Ч. 1. — Челябинск, 1999. – С. 133-140.
39. Валенцова, М. М. Колодец / М. М. Валенцова, Л. Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Международные отношения. – 1999. – Т.2. – С. 536-541.

40. Валенцова, М. М. Шерсть / М. М. Валенцова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения. – 2002. – Т.5.– С. 492-493.
41. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика/ Л. М. Васильев. – М., 1990. – 176 с.
42. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1980. – 320 с.
43. Веселовский, А. Н. Сравнительная мифология и её метод /А. Н. Веселовский // Вестник Европы: журнал. — 1873. — № 10. — С.637—680.
44. Виноградов, В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 369-459.
45. Виноградова, Л. Н. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80-90-х годов XX века: в 4-х т./ Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М.: Языки славянских культур, 2010-2019.
46. Виноградова, Л. Н. Вода / Л. Н. Виноградова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 80-81.
47. Власова, М. Н. Энциклопедия русских суеверий / М. Н. Власова. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 624 с.
48. Волхв Велеслав. Веда Заговоров (Славянский заговорник)/ Волхв Велеслав. — М.: Торговый дом ИОИ, 2012. – 232 с.
49. Гайденко, В. П. Природа в религиозном мировосприятии / В. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С.43-52.
50. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. Проф. МГУ В. В. Виноградову. – М., 1958. – С. 103-124.
51. Глебова, В. Д. Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края/ В. Д. Глебова. – Орёл-Брянск: Изд-во ОГУ, 2011. – 405 с.

52. Говердовский, В. И. Коннотатемная структура слова / В. И. Говердовский. — Харьков: Высшая школа, 1989. — 95 с.
53. Голева, Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Голева Татьяна Геннадьевна.— Екатеринбург, 2008. — 293 с.
54. Гордлевский, В. А. Из османской демонологии / В. А. Гордлевский // Избр. соч. — М. — 1962. — Т. 3. — С. 312-315.
55. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Гумбольдт В. // Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 2001. — С. 37–298.
56. Гура, А. В. Демонологические свойства животных в славянских мифологических представлениях/ А.В. Гура // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. — М.: Индрик, 2000. — С. 303-313.
57. Гура, А. В. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь: б-м) / А. В. Гура // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. — М.: Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики, 1984. — С. 137-178.
58. Гура, А. В. К характеристике ритуальных форм речи у славян / А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая // Структура текста – 81: тезисы Симпозиума / ред. В. В. Иванов, Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. — 1981. — С. 47-48.
59. Гура, А. В. Кошка / А. В. Гура // Славянские древности. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. — М.: Междунар. отношения. — 2004. — Т. 3. — С. 637-640.
60. Гура, А. В. Ласка / А. В. Гура // Славянские древности. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. — М.: Междунар. отношения. — 2004. — Т.3. — С. 82-85.

61. Гура, А. В. Медведь / А. В. Гура // Славянские древности. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2004. – Т.3. – С. 211-215.
62. Гура, А. В. Опыт семантической реконструкции славянской свадьбы / А. В. Гура // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2003. – №3. – С. 133.
63. Гура, А. В. Россомаха/ А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2009. – Т.4. – С. 474-574.
64. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – С. 228-229.
65. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика/ В. Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 254 с.
66. Долинин, К. А. Стилистика французского языка / К. А. Долинин. — М.: Просвещение, 1987.—303 с.
67. Дынин, В. И. О номенклатуре русских мифологических персонажей / В. И. Дынин // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политол. Социол. – 2012. – № 1. – С. 96-100.
68. Ефименко, А. Я. Исследования народной жизни: Обычное право / А. Я. Ефименко. – М.: URSS. – 1884. – Вып. 1. – 398 с.
69. Жбанков, М. Р. Миф / М. Р. Жбанков // Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
70. Журавлёв, А. Ф. Болезни/ А. Ф. Журавлёв // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 1995. – Т.1. – С. 222-225
71. Забылин, М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 541с.

72. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике/ А. А. Зализняк. – М.: Русский міръ, 2010. – 238 с.
73. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления: дисс. докт. фил. Наук: 10.02.19 / Зализняк Анна Андреевна.– М., 2002. – 461 с.
74. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 507 с.
75. Зеленин, Д. К. Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сиб. народов: 84 рис. в тексте/ Д. К. Зеленин. – М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 436 с.
76. Земская, Е. А. Современный русский язык/ Е. А. Земская. – М: ФЛИНТА, 2011. – 328 с.
77. Зиновьев, В. Г. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / В. Г. Зиновьев. — Новосиб.: Наука, 1987. – 400 с.
78. Зубов, Н. И. О теониме Мокошь/ Н. И. Зубов // Этимологические исследования. – Свердловск. – 1981. – Вып. 2. – С. 149-160.
79. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей/ В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
80. Ивашинина, Н.С. Амбивалентность семантики женского образа домового в лексике русских народных говоров / Н.С. Ивашинина // Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П.А. Леканта / Ред.: Н.Б. Самсонов [и др.]. – 2019. – С. 191-195.
81. Ивашинина, Н. С. Внутренняя форма диалектных номинаций лешего как источник его семантического портрета / Н. С. Ивашинина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (145). – С. 166-173.
82. Ивашинина, Н. С. Внутренняя форма номинаций домовых женского пола в русских народных говорах / Н. С. Ивашинина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 166, кн. 5. – С. 144-158.

83. Ивашинина, Н. С. Семантический портрет духов воды в говорах северорусского наречия/ Н. С. Ивашинина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (146). – С.145-152.
84. Ивашинина, Н. С. Символическое значение ‘огонь’ в диалектных номинациях домового / Н. С. Ивашинина // Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. – М.-Яросл., 2021. – С. 241-246.
85. Ивашинина, Н. С. Цветовой семантический признак внутренней формы в диалектных номинациях домового / Н. С. Ивашинина // Лекантовские чтения. Материалы Международной научной конференции. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 148-152.
86. Ивашинина, Н. С. Явление энантиосемии в диалектных номинациях мифологических персонажей / Н. С. Ивашинина // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы международной научной конференции. – Владимир: Транзит-ИКС, 2021. – С. 113-118.
87. Калашников, В. Русская демонология / В. Калашников. – М.: Ломоносовъ, 2014. – 212 с.
88. Карапеева, М. В. Геоморфология Европейской части СССР / М. В. Карапеева. – М.: Изд-во Московского университета, 1957. – 315 с.
89. Кириллова, И. В. Структура лексического значения диалектной демонологемы / И. В. Кириллова // Лингвокультурология. – 2010. – №4. – С. 73–79.
90. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М., 2004. – 350 с.
91. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ - понятие – символ / В. В. Колесов. – Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1992. – Т.2. – № 2. – С. 3-40.

92. Колесов, В. В. «Первосмысл» концепта / В. В. Колесов. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2018. – Т.15. – Вып. 3. – С. 438–452.
93. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов // С-Пб.: Юна, 2002. – 448 с.
94. Колшанский, Г. В. Принципы и методы семантических исследований. / Г. В. Колшанский. – М., 1976. – 379 с.
95. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. / В.Н.Комиссаров// Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. — 424 с.
96. Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова/ Н. Г. Комлев. – М.: УРСС, 2003. – 192 с.
97. Кононенко, А. А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии / А. А. Кононенко. – Харьков: Фолио, 2013. – 1920 с.
98. Кононова, И. В. Проблема выявления структуры этических концептов (на материале английского языка) / И. В. Кононова // Языковые коммуникации в системе социально-культурной деятельности: Материалы научно-практической конференции. – Самара: СГАКИ, 2005. – С. 201-208.
99. Корепова, К.Е.Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М.Шеваренкова. – СПб: Тропа Троянова, 2007. – 496 с.
100. Кошарная, С. А. Лексикализация мифа как лингвокогнитивный феномен / С. А. Кошарная // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы IV Междунар. конгр. исследователей рус. яз. – Москва, 2010. – С. 254-255.
101. Кошарная, С. А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Кошарная Светлана Алексеевна.– Белгород, 2003. – 452 с.

102. Кошарная, С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. – 287 с.
103. Кошарная, С. А. Миф как метафора / С. А. Кошарная // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т.11. – № 3. – С. 24.
104. Крегждис, Р. Этимология русс. диал. Анчутка / Р. Крегждис. – Acta baltico-slavica – 2011. – №35. – С. 131-141.
105. Криничная, Н. А. Легенды, предания, бывальщины / Н. А. Криничная. – М.: Современник, 1989. – 286 с.
106. Криничная, Н. А. Магия слова и народный этикет: к семантике и тождеству формул приглашения домового в новое жилище / Н. А. Криничная // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. – С. 67-77.
107. Криничная, Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа/ Н. А. Криничная. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1988. – 191 с.
108. Криничная, Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора/ Н. А. Криничная. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. – 1008 с.
109. Крючкова, О. Е. Славянские магические узлы и заговоры/ О.Е.Крючкова, Е.А. Крючкова. – Издательство: Велигор, 2014. – 143 с.
110. Кубрякова, Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный»/ Е. С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4-10.
111. Курегян, Г. Г. Лингвопрагматический статус оксюморона : на материале русского языка : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Курегян Гаянэ Гургеновна// Адыг. гос. ун-т. - Майкоп, 2007. - 24 с.
112. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс // Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. — М.: Республика, 1994. — 384 с.

113. Леви-Строс, К. Структурная антропология/ К. Леви-Строс// *Anthropologie structurale* // Пер. с фр. В. В. Иванова. — М., 2001. — 512 с.
114. Левкиевская, Е. Е. Водяной / Е. Е. Левкиевская // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М.: Междунар. отношения, 2002. — С. 82-83.
115. Левкиевская, Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дисс.... д-ра филол. наук: 10.02.03 / Левкиевская Елена Евгеньевна. — М., 2007. — 634 с.
116. Левкиевская, Е. Е. Домовой / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. — М: Международные отношения.— 1999. — Т.2. — С. 120-124.
117. Левкиевская, Е.Е . Железо / Е. Е. Левкиевская // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М.: Междунар. отношения, 2002. — С. 159-160.
118. Левкиевская, Е. Е. Змея домашняя / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. — М.: Междунар. отношения. — 1999. — Т.2. — С. 339-341.
119. Левкиевская, Е. Е. К вопросу об одной мистификации, или Гоголевский Вий при свете украинской мифологии / Е. Е. Левкиевская // Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. — М.: Институт славяноведения РАН, 2007. — С. 232-243.
120. Левкиевская, Е.Е. Леший / Е. Е. Левкиевская // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М.: Междунар. отношения, 2002. — С. 280-281.
121. Левкиевская, Е.Е. Металлы / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. — М.: Междунар. отношения. — 2004. — Т. 3. — С. 245-248.

122. Левкиевская, Е. Е. Мифологизированные явления и состояния: субъекты или объекты мифологизации? / Е. Е. Левкиевская // Демонология как семиотическая система. – М., 2014. – С. 58-60.
123. Левкиевская, Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и функции / Е. Е. Левкиевская // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов / Отв. ред. А. М. Молдован –Словения, 2003. – С. 376-388.
124. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа/ Е. Е. Левкиевская. — М.: ООО «Издательство Астрель»; «Издательство ACT», 2000. — 528 с.
125. Левкиевская, Е. Е. Подпол / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2009. – Т. 4. – С. 103-106.
126. Левкиевская, Е. Е. «Русалка на ветвях сидит...»: литературный образ и его изобразительные трансформации в xix-xxi вв / Е. Е. Левкиевская // Маргиналии-2020. Тезисы международной конференции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Науч.-иссл. вычисл. центр; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. 2020.
127. Левкиевская, Е. Е. Русская народная мифология / Е. Е. Левкиевская. – М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2009. – 378 с.
128. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 38 с.
129. Лосев, А. Ф. Бытие. Имя. Космос / А.Ф . Лосев. — М.: Мысль,1993. – 958 с.
130. Мадлевская, Е. М. Русская мифология. Энциклопедия / Е. М. Мадлевская.– Мидгард, Эксмо, 2005. – 784 с.
131. Маковский, М. М. Феномен Табу в традициях и в языке индоевропейцев: сущность - формы – развитие / М. М. Маковский. - 3-е изд., испр. – М.: URSS, 2008. – 275 с.

132. Маковский, М. М. Язык-миф-культура / М. М. Маковский. – М., 1996. – 329 с.
133. Максимов, С.В. Легенды и мифы России / С. В. Максимов. – Ростов на Дону: Феникс; СПб.: Северо-Запад, 2006. – 416 с.
134. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – СПб.: Изд-во ТОО «Полисет», 1994. – 446 с.
135. Маркина, Л.В. Бранные слова иустойчивые выражения как проявление вербальной агрессии всемье вотношении детей в русских говорах / Л. В. Маркина // Проблемы современного филологического образования. Сб. науч. ст. XI Всероссийской научно-практической конференции. – М.-Яросл, 2021. – С. 208-214.
136. Маркина, Л. В. Гендерные стереотипы в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин)/ Л. В. Маркина // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии. – М.: Книгодел, 2019. – Вып. 13. – С. 245–254.
137. Маркина, Л. В. Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин) / Л. В. Маркина // Неофилология. 2020. – Т. 6. - № 21. – С. 5-14.
138. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М.: Академия, 2005. – 304 с.
139. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений / В.А . Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
140. Маслова, В. А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека/ В. А. Маслова // Этнопсихолингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 116-120.
141. Матвеев, А. К. Субстратная топонимия русского севера и мерянская проблема / А. К. Матвеев.– Вопр. Языкоznания. – 1996. – №1. – С.3-23 с.

142. Матвиенко, Е. В. Языковая репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Матвиенко Елена Викторовна.– М., 2010. - 18 с.
143. Медведева, А. В. Символическое значение как тип значения слова (на материале русских и английских обозначений обиходно-бытовых ситуаций, предметов и явлений материальной культуры) / А. В. Медведева. – Воронеж, 2000. – С. 46–48.
144. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. –М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 407 с.
145. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин // Учебное пособие. — 2-е изд., доп. и испр. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 819 с.
146. Николенко, О. Ю. Названия мифических существ: история лексической группы по лексикографическим источникам / О. Ю. Николенко, Н. А. Файлерт. – Вестник Омского государственного педагогического университета. Сер. Гум. иссл. – 2014. – №3 (4). – С. 54-57.
147. Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 290 с.
148. Новиков, Л. А. Избранные труды: в 2 т.: Проблемы языкового значения / Л. А. Новиков. – М.: РУДН, 2001. – Т.1. – 674 с.
149. Норман, Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии / Б. Ю. Норман // Язык и культура: докл. Третьей междунар. конф. – Киев, 1994. – С. 53-60.
150. Огольцева, Е. В. Внутренняя форма отсубстантивного имени прилагательного как проявление диалектического единства языка и мышления / Е. В. Огольцева // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Материалы XIX межд.науч. конф., посвящ. 100-

летию со дня рождения В. И. Кодухова / Отв. ред. А. В. Пузырёв. –2019. – С.37-39.

151. Панов, М. В. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М. В. Панов. – М., 1984. – 351 с.
152. Пенюкова, И. В. Явление табуирования в народном мышлении и диалектной речи / И. В. Пенюкова // Русистика. Сер. Русск. яз. – 2010. – №2. – С. 95-101.
153. Пименова, М. В. Семантическая деривация и синкремизм / М. В. Пименова// Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. – № 5. – С.132-136.
154. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С. А. Питина. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. – 191 с.
155. Плотникова, А. А. Бобы / А. А. Плотникова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 1995. – Т.1. – С. 201-202.
156. Померанцева, Э. В. Рассказы о домовом / Э. В. Померанцева //Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – С.92–117.
157. Потебня, А. А. Мысль и язык / Потебня А. А. // Полн. собр. трудов. – М.: Лабиринт. – Т. 1. – 1999. – С. 90–110.
158. Потебня, А. А. О купальских огнях и сродных с ними представлениях / А. А. Потебня // Древности: Археол. вестник, изд. Моск. археол. о-вом. — М., 1867. —С. 97-106.
159. Потебня, А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий / А. А. Потебня // Соч. А.А. Потебни. – М.: Унив. тип., 1865. – 310 с.
160. Потебня, А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен: в 2 т. / А. А. Потебня. – Варшава, 1883-1887.

161. Пронина, Е. Е. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 320 с.
162. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М.: «Лабиринт», 2000. — С. 225.
163. Ремизов, А. М. Посолонь / А. М. Ремизов // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Рус. кн. – Т. 2. – 1996. – 207 с.
164. Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 12. Нижнее Поволжье и Западный Казахстан. – Вып. 2. – Л.: ГМИ. – 512с.
165. Ровнова, О. Г. Бабушка. Языковой портрет-воспоминание / О. Г. Ровнова // В сб.: Русские в Прибалтике. Таллинский ун-т, Рус. дом, Эстония. – Москва, 2010. – С. 328-368.
166. Русинова, И. И. Злые духи, связанные с колдуном, в мифологической традиции пермского края / И. И. Русинова // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. – 2014. – С. 266-271.
167. Русинова, И. И. Кто такие бусеньки и кулешата? / И. И. Русинова // Северорусские говоры. – 2014. – № 13. – С. 229-241.
168. Русинова, И. И. Отражение представлений о колдовстве и знахарстве пермскими диалектными словарями / И. И. Русинова // Вестник Пермского университета. Росс. и зар. фил. – 2011. – № 4 (16). – С. 40-52.
169. Русинова, И. И. Отражение сюжетных мотивов в номинациях домового и лешего (на материале мифологических рассказов пермского края) / И. И. Русинова, М. А. Гранова // Фил. науки. Вопр. теор. и практ. – 2016. – №12-2 (66). – С. 160-162.
170. Русинова, И. И. Пермские названия злых духов – помощников колдуна на северорусском языковом фоне / И. И. Русинова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. – № 9. – С. 124-128.
171. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – 2-е изд. – М.: Наука, 1994. – 373 с.

172. Рыбников, П. Н. Народные поверья и суеверия в Олонецкой губернии / П. Н. Рыбников // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1864 г. – Петрозаводск, 1864. – Отд. 2. – С. 191—207.
173. Рябцев, Ю. С. История русской культуры. Художественная жизнь и быт XI – XVII вв./ Ю. С. Рябцев. – М.: Владос, 1997. – 336 с.
174. Свасьян, К. А. Философия символических форм Кассирера / К. А. Свасьян. – Ереван, 1989. – 238 с.
175. Седакова, И. А. Мельница / И. А. Седакова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – Т. 3. – С. 222-225.
176. Синица, Н. А. Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках): автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.19. / Синица Наталья Александровна. – Екатеринбург, 2018. – 25 с.
177. Скворцов, О. Г. Происхождение и структурно-семантические особенности поля английских существительных, обозначающих понятия «света» и «темноты»: Дисс. ... кандидата филологических наук:10.02.04 / Скворцов Олег Георгиевич. – М., 1991. – 172 с.
178. Стародубец, С. Н. Особенности функционирования обряда «проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Культура и цивилизация. – 2016.– № 4. – С. 438-448.
179. Стеблин-Каменский, М. И. Труды по филологии / М. И. Стеблин Каменский. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 928 с.
180. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 253 с.
181. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.

182. Соколов, М. Н. Лес / М. Н. Соколов // Мифы народов мира. – М.: изд. Советская энциклопедия. 1980. – Т.2. – С. 49-50.
183. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология: учеб. Пособие / Ю. П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт. – 2-е изд. – М.: Наука, 2003. – 259 с.
184. Сторожева, Е. М. Коннотация и её структура / Е. М. Сторожева // Вестник Челябинского государственного университета Языкоzнание и литературоведение. – Вып. 14. – № 13. – 2007. – С. 113-118.
185. Тараканова, Д. А. Символический компонент диалектного слова на материале говоров Среднего Приобья): дисс.канд. филол. наук: 10.02.01 / Тараканова Дарья Александровна. – Томск, 2012. – С. 42–43
186. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
187. Телия, В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 270 с.
188. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении / С. М. Толстая. – 2002. – №1 (3). – С. 112-127.
189. Толстик, С. А. Национальный образ внешности: к истории и этимологии русского диалектного прилагательного букатый / С. А. Толстик // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 3 (41). – С. 66-75.
190. Толстой, Н. И. Белый цвет / Н. И. Толстой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 1995. – Т.1. – С. 151-154.
191. Толстой, Н. И. Славянская лексикология и семасиология / Н.И. Толстой // Избранные труды.– М.: «Языки русской культуры», 1997.–Т.1. – 520 с.

192. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по слав. мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.
193. Топоров, В. Н. Из истории балто-славянских языковых связей: анчутка / В. Н. Топоров. – «Baltistica». – 1973. – С. 29–44.
194. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.
195. Топоров, В. Н. О мифопоэтическом пространстве: Избр. ст. Pisa / В. Н. Топоров. – ECIG, 1994. – 316 с.
196. Топоров, В. Н. Теория и некоторые частные ее приложения / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. — М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т.1. — 816 с.
197. Узенёва, Е. С. Петух / Е. С. Узенёва, А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2009. – Т.4. – С. 28-35.
198. Улуханов, И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2010. — 320 с.
199. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов // Российская акад. наук, Инт русского яз. им. В. В. Виноградова. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 258 с.
200. Усачёва, В. В. Лихорадка / В. В. Усачёва // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2004. – Т. 3. – С. 117-123.
201. Усачёва В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян / В. В. Усачёва. — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 368 с.
202. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 248 с.

203. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков [Текст] / АН СССР. Инт языкоznания. – Москва : Наука, 1974. – 205 с
204. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт ещё одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. – М.: МГУ, 1996. – С. 139-162.
205. Ушаков, Д. Н. Материалы по народным верованиям великоруссов / Д. Н. Ушаков // Этнографическое обозрение. Год 8-й, 1896. – М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1897. – № 2–3, кн. 29–30. – С. 146–204.
206. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. — 3-е изд., испр. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 878 с.
207. Филиппов, А. В. К проблеме лексической коннотации / А. В. Филиппов // Вопросы языкоznания. – М.: Наука. – 1978. – № 1. – С. 57-63.
208. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики в 2-х т./ П. А. Флоренский. – М.: Академический проект. – Т.1. – 2013. – 684 с.
209. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М.Фрайденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 449 с.
210. Фуфаева, И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными: на материале русского языка: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Фуфаева Ирина Владимировна. – М., 2017. – 258 с.
211. Ханова, З. Д. Коннотативная лексика в создании языковой картины мира учащихся национальной школы / З. Д. Ханова, Р. Г. Давлетбаева // Инновационный потенциал молодежной науки. Материалы Всероссийской научной конференции. – 2012. – С. 340-343.
212. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // РЯШ. – 1976. – № 3. – С. 67-68.

213. Цзинхуэй, Х. Мифологические персонажи в современной русской языковой картине мира: на фоне китайского языка: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Цзинхуэй Хань. – Санкт-Петербург, 2012. – 137 с.
214. Черемисина, Н. В. Структура лексического значения и давление текста на слово / Н. В. Черемисина // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / под ред. Н. А. Лукьяновой. – Новосибирск, 1991. – С.3-51.
215. Черепанова, О. А. Мифологическая лексика русского языка: дис. ... д-ра филол. наук:10.02.01 / Черепанова Ольга Александровна. – М., 1983. – 434 с.
216. Черепанова, О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера/ О.А. Черепанова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.– 212 с.
217. Черных, А. В. «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья/ А. В. Черных, И. И. Русинова, Ю. А. Шкураток // Традиционная культура. – 2016. – № 2 (62). – С. 62-79.
218. Шадеко, В. П. К вопросу о мифологической картине мира / В. П. Шадеко. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – С. 380-391.
219. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) / Е. В. Шелестюк // «Вопросы языкоznания». – М.: 1997. – № 4. – С. 125–142.
220. Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) / В. И. Шерцля. - Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1884. – 83 с.
221. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики/ Д.Н. Шмелёв. – М., 1973. – 274 с.
222. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Избранные работы по языкоznанию и фонетике. – Л., 1958. - Т. 1. – 180 с.
223. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / М. Элиаде // пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. – СПб.: Алетейя, 1998. – 249 с.

224. Якушевич, И. В. Лингвокогнитивная типология символа / И.В.Якушевич // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 4. – С.5–13.
225. Якушевич, И. В. Семантическая структура символа ‘огонь’: опыт словарной статьи лексемы-символа/ И. В. Якушевич // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2011. – № 2. – С. 28–33.
226. Якушевич, И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте / И.В. Якушевич. – Владимир: Транзит-ИКС, 2018. – 182 с.
227. Якушевич, И. В. Символ «кошка»: языковая реализация в диалектной лексике и русских фольклорных текстах / И.В. Якушевич. – Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1 (144). – С. 171-177.
228. Якушевич, И. В. Символическое значение ‘водяной’, мотивированное ландшафтными, гидрологическими и биогеографическими особенностями края / И. В. Якушевич, Н. С. Ивашинина. – Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. -№04. – С. 181-186.
229. Якушевич, И.В. Символическая модель «печь – человек» в диалектной лексике / И.В. Якушевич // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIII Междунар. науч. конф. – Владимир: Транзит-ИКС, 2019. – С. 481-485.
230. Якушевич, И. В. Энантиосемия в лексико-семантической структуре символа/ И. В. Якушевич // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2012. № 2 (19). – С. 72–77.
231. Frege, G. On sense and reference / G. Frege // In: Logic and philosophy for linguists. – The Hague, 1974.
232. Ricoeur, P. The problem of double-sense as hermeneutic problem and assemanitic problem / P. Ricoeur // Myths and symbols. – Chicago, 1969.

Словари и их сокращения

233. БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.
234. БЭС: Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М., 1998. — 685 с.
235. ЕВРАС: Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: в 2 т. / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. — М.: Инст. Яз. РАН, 2014. — Т.2. От реакции к стимулу. — 763 с.
236. Крылов: Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. — СПб.: Victory, 2004. — 428 с.
237. КЭСМ: Краткая энциклопедия славянской мифологии: Около 1000 ст. / Н. С. Шапарова. — М.: АСТ и др., 2001. — 622 с.
238. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
239. МАС: Словарь русского языка: В 4т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: 1981.
240. МС: Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 672 с.
241. НСРЯ: Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000.
242. Ожегов: Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.
243. ПиПРН: Пословицы и поговорки русского народа: В 2 т. / В.И.Даль. — М.: Художественная литература, 1984.
244. РГ80: Русская грамматика: В 2-х т. / Н. Ю. Шведоваи др. — М.: Наука, 1980.
245. РЭС: Русский этимологический словарь: В 13 т. / А. Е. Аникин. — М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2007.

246. САР: Словарь академии российской: В 6 т. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789.
247. САС: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. — М., 2004. — 800 с.
248. СГТ: Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М., 2002.
249. СЛТ: Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – М.: Книга по Требованию, 2013. – 608 с.
250. Срезневский: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. / И. И. Срезневский. – СПб: Типография императорской академии наук, 1903.
251. СРЛИ: Словарь русских личных имён / Н. А. Петровский. – М.: Рус. яз., 1980. – 384 с.
252. СРС: Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Н. Новг.: Рус. купец; Братья славяне, 1995. – 559 с.
253. СРЯ11-17: Словарь русского языка XI–XVII вв.: В 30 т. / ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1975-2016.
254. СРЯ18: Словарь русского языка XVIII века: В 22 т. / Под ред. Ю. С. Сорокина. — Л.: Наука, 1984-2019.
255. ССА: Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
256. ССЛТ: Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
257. ССМ: Словарь славянской мифологии / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – Н. Новг.: Рус. купец; Братья славяне, 1995. – 367 с.

258. ТСЖВЯ: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Типогр. Лаз. Инст. Вост. Язык., 1863-1866.
259. Ушаков: Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
260. Фасмер: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1964- 1973.
261. ФС: Философский словарь/ Под ред. И. Т. Фролова. – М., 2001.
262. ЭСРЯ1: Краткий этимологический словарь русского языка // Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
263. ЭСРЯ: Этимологический словарь русского языка: В 2 т. / Н. М. Шанский. – М.: Изд. Мос. ун-та, 1963-2007.
264. ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: в 41 т. Праслав. лекс. фонд / О. Н. Трубачев, В. А. Меркурова, Ж. Ж. Варбот и др. // Под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1964-2018.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблица 1 – Значения мифологических персонажей в толковых словарях.

Таблица 2 – Значения мифологических персонажей в ассоциативных словарях.

Таблица 3 – Оценочные корневые морфемы в номинациях домового, лешего и водяного.

Таблица 4 – Экспрессивные деминутивы в номинациях мифологических персонажей.

Таблица 5 – Энантиосемия и оксюморон в номинациях домового, лешего и водяного.

Таблица 6 – Ключевые понятия внутренней формы.

Таблица 7 – Типология номинаций домового по внутренней форме.

Таблица 8 – Типология номинаций лешего по внутренней форме.

Таблица 9 – Типология номинаций водяного по внутренней форме.

Таблица 10 – Типология номинаций домового по гендерному признаку.

Таблица 11 – Типология номинаций лешего по гендерному признаку.

Таблица 12 – Типология номинаций водяного по гендерному признаку.

Таблица 13 – Символическое значение номинаций домового, лешего и водяного.

Таблица 14 – Собирательные семантические портреты домового, лешего и водяного.

Рисунок 1 – Количественное соотношение значений домового в толковых словарях.

Рисунок 2 – Количественное соотношение значений лешего в толковых словарях.

Рисунок 3 – Количественное соотношение значений водяного в толковых словарях.

Рисунок 4 – Концентрические круги пространства домового.

Рисунок 5 – Мифологические персонажи в русской избе.

Рисунок 6 – Мифологические персонажи в крестьянском дворе.

Рисунок 7 – Мифологические персонажи в русском поле.

Рисунок 8 – Количество соотношение символовических значений номинаций мифологических персонажей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СЛОВНИК НОМИНАЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

1. **Албáстый** – леший [СРНГ, т. 1, с. 233].
2. **Алба́ста** – русалка, шутовка, водяная [СРНГ, т. 1, с. 233].
3. **Амбárник** – нечистый дух, домовой, живущий в амбаре [СРНГ, т. 1, с. 251].
4. **Амбárный** – домовой, обитающий в амбаре [СРНГ, т. 1, с. 251].
5. **Анци́бал** – болотный чёрт, водяной. Дьявол, сатана [СРНГ, т. 1, с. 262].
6. **Анчúтка** – леший; домовой [СРНГ, т. 1, с. 262]
7. **Бáбушка, бáушка** – дух, который живёт в бане [СПГ, т. 1, с. 15].
8. **Бáбушка-сосéдушка** — женская ипостась домового [СГРС, т. 1, с. 34].
9. **Багáн** – добрый или злой дух, покровитель скота [СРНГ, т. 2, с. 33].
10. **Бáенка Пустохорóминка** – банный дух [СГРС, т. 1, с. 41].
11. **Бáенник** – мифическое существо, обитающее в бане [СГРС, т. 1, с. 41].
12. **Бáиная бáушка** – дух, живущий в бане [СРНГ, т. 2, с. 52].
13. **Байдáрошник** – дух двора, надворных построек [СРГЮП, т. 1, с. 36].
14. **Байстрóк** – леший, чертёнок [СРНГ, т. 2, с. 57].
15. **Бáнна жихóня** – нечистая сила, живущая в бане (банный дух) [СРНГ, т. 2, с. 200].
16. **Бáнька-пáрушка** – обращение к духу бани, используемое с целью оберега [СРГСПК, т. 1, с. 57].
17. **Бáннушка** – банный дух [СРГЮП, т. 1, с. 40].
18. **Бáнник** — злой дух, живущий в бане, род домового [СПГ, т. 1, с. 20]

19. **Бáнница** – злой дух, живущий в бане, вид домового [СВГ, т. 1, с.21].
20. **Батамáн** – домовой [ОСВГ, т. 1-2, с. 56].
21. **Батáнушка(о)** – домовой, живущий в дому, и дворовой, покровитель скота [СРНГ, т. 2, с. 141].
22. **Бáтьюшка** – обращение к домовому [СГРС, т.1, с. 77].
23. **Бéлая бáба** – мифическое существо, обитающее в лесу [СГРС, т. 1, с. 90].
24. **Белолáпко** – дух моря, к которому обращаются находящиеся вплавании, чтобы вызвать ветер во время штиля [СРНГ, т. 2, с. 221]
25. **Белúн** – добный домовой, с белой бородой, в белом саване, сбелым посохом, является с просьбой утереть ему нос и за это сыплет деньги носом [СРНГ, т. 2, с. 228].
26. **Бéля** – дух моря, к которому обращаются находящиеся вплавании, чтобы вызвать ветер во время штиля [СРНГ, т. 2, с. 221].
27. **Бестéнный бóка** – домовой в виде старца с бородою, неимеющий тени [СРНГ, т. 2, с. 281].
28. **Бирю́к** – домовой [СРНГ, т. 2, с. 294].
29. **Блуд** — злой дух, нечистая сила; леший[ССГ, т. 1, с. 193].
30. **Бобóвница** – нечистая сила, водящаяся в огороде[СПГ, т. 1, с. 41].
31. **Болótеник** – мифологический персонаж, обитающий в болоте[СРГК, т. 1, с. 89].
32. **Болотяни́к** — род лешего или водяного, живущего в болоте[СРНГ, т. 3, с. 80].
33. **Болотníца** — мифическое существо, дух болота в образе молодой женщины, увлекающей мужчин в болото [СРНГ, т. 3, с. 79].
34. **Болотник** — злой дух, живущий в болоте [СРНГ, т. 3, с. 79]

35. **Болотнóй** – мифическое существо, обитающее в болоте [СГРС, т.1, с. 142].

36. **Большáк** – домовой, мифическое существо, покровительствующее дому. Леший [СРНГ, т. 3, с. 86].

37. **Большóй дýдя** – леший [СРНГ, т. 3, с. 93].

38. **Большóй мужíк** – мифическое существо, живущее в лесу, леший [СГРС, т. 7, с. 353].

39. **Боровóй** – леший [СРНГ, т. 3, с. 107].

40. **Бородáтка** – мифическое существо [СГРС, т. 1, с. 159].

41. **Ботамáнушко** – домовой, леший [СРНГ, т. 3, с. 130].

42. **Братáнушко** – домовой. Дедушко-братанушко [СРНГ, т. 2, с.141].

43. **Букáнка** – фантастическое существо, живущее в доме; домовой

44. **Букáнко** – домовой [СРНГ, т. 3, с. 262].

45. **Буканáй** – фантастическое существо, вроде домового, обитающее в конюшне, на сеновале или в подполье. «Сейчас пугают детей» [СРНГ, т. 3, с. 262].

46. **Букари́ца** – фантастическое существо, живущее и подполье дома [СРНГ, т. 3, с. 264].

47. **Букárка** – сказочное страшилище, которым пугают детей [СРНГ, т. 3, с. 264].

48. **Букусéтка** – сверхъестественное существо, обитающее в бане, которым пугали детей [СГСЗ, с. 58].

49. **Бúхра-бáхра** – домовой [СГРС, т. 1, с. 237].

50. **Бúчер** – мифическое существо, обитающее в бане [АОС, т. 2, с.194].

51. **Бучéриха** – мифическое существо, обитающее в бане [АОС, т. 2, с. 194].

52. **Ваниóшка** – домовой [СГРС, т. 2, с. 22].

53. **Варахтáн** – мифическое существо [АОС, т. 3, с. 44].
54. **Варахтáнница** – мифическое существо [АОС, т. 3, с. 44].
55. **Ватáмушко** – мифическое существо, обитающее в бане [АОС, т. 3, с. 54].
56. **Верещíха** – мифическое существо [СГРС, т. 2, с. 63].
57. **Вещíца** – нечистая сила, лесной дух, часто в образе красиво окрашенной белки или бесхвостой сороки [ИЭСРГА, т. 2, с. 96].
58. **Вещúнья** – дух, предвещающий беду, опасность [СРНГ, т. 4, с.229].
59. **Водéник** – водяной [СРГК, т. 1, с. 211].
60. **Водыльник** – водяной [СРНГ, т. 4, с. 348].
61. **Вóдя**– водяной (дух, хозяин водяных вместилищ) [СРНГ, т. 4, с. 348].
62. **Водянáя** – русалка [СРГСПК, т. 1, с. 253].
63. **Водянёно́к**– детёныш водяного духа [СРНГ, т. 4, с. 348].
64. **Водянéц** – злой дух, обитатель вод [СБГ, т. 3, с. 38].
65. **Водянíца** – русалка [СГРСУ, т. 1, с. 86].
66. **Водяни́ха** – водяной дух женского рода. Русалка [СРНГ, т. 4, с.351].
67. **Водянíк** – дух, обитающий в воде [ССГ, т. 2, с. 66].
68. **Водяновка**– водяной дух женского рода. Русалка [СРНГ, т. 4, с.351].
69. **Водяну́ха** – водяной дух женского рода. Русалка [СРНГ, т. 4, с.354].
70. **Вóдяный** – обитающий в воде (о водяном духе, водяном), Водяной дедушка (дедушко) [СРНГ, т. 4, с. 353].
71. **Волосáн** – мифическое существо, живущее в водоёмах, Водяной [СГРС, т. 2, с. 157].
72. **Волосáти́к** – нечистый дух, чёрт. Леший [СРНГ, т. 5, с. 58].

73. **Волосатка** – нечистая сила. «Означает духа женского пола, овинного домового, стерегущего овины с домашними животными [СРНГ, т.5, с. 58].
74. **Больный** – леший, нечистый дух [СРНГ, т. 5, с. 87].
75. **Ворогуша** – русалка, сказочное существо, живущее в воде [СВГ, т. 1, с. 83].
76. **Борог** – леший [СРНГ, т. 5, с. 108].
77. **Ботчинник** – мистическое существо, дух – покровитель местности, помогающий на охоте [СРНГ, т. 5, с. 163].
78. **Враг** – леший, нечистая сила [СГРС, т. 2, с. 198]
79. **Выем** – мифическое существо, хозяин поля [СГРС, т. 2, с. 221].
80. **Гадюга** – водяной [СРГК, т. 1, с. 322].
81. **Гнётка** – дух, давящий по ночам спящих, вызывающий кошмары [СРНГ, т. 6, с. 241].
82. **Гнеткé** – домовой, который по ночам гнетёт, давит человека, вызывает кошмары [СРНГ, т. 6, с. 241].
83. **Гнеткó** – «Нечистый вроде домового; принимает образ домашних животных; душит, гнетёт по ночам» [СРНГ, т. 6, с. 241].
84. **Гнютёница** – дух, давящий по ночам спящих, вызывающий кошмары [СРНГ, т. 6, с. 251].
85. **Голбёшный** – дух, обитающий в подполье (голбце) [СПГ, т. 1, с. 168].
86. **Грец** – дьявол, злой дух; чёрт, леший [СРНГ, т. 7, с. 135].
87. **Гробовка** – мифическое существо, живущее в воде; русалка [СГРС, т. 3, с. 136].
88. **Гумённик** – дух, домовой, живущий, по народному преданию, на гумне [СРНГ, т. 7, с. 228].
89. **Гумённый** – домовой, обитающий, по народному преданию, на гумне [СРНГ, т. 7, с. 229].

90. **Двóрник** – злой дух, живущий в бане, вид домового [СВГ, т. 2, с.12].

91. **Дворнóй** – мифическое существо, обитающее в помещении для скота [АОС, т. 10, с. 338].

92. **Дворовíк** – сверхъестественное существо, добрый или злой дух, якобы живущий во дворе [СРНГ, т. 7, с. 300].

93. **Дворовóй** – мифическое существо, обитающее в помещении для скота [СГП, т. 1, с. 167].

94. **Дворовúха** – мифическое существо, обитающее в помещении для скота [АОС, т. 10, с. 339].

95. **Дворóвшко** – домовой [СВГ, т. 2, с. 13].

96. **Дворúха** – мифическое существо, обитающее в помещении для скота [АОС, т. 10, с. 339].

97. **Дед** – сверхъестественное существо, нечистый дух. Чёрт. Домовой. «Почётное прозванье домового» [СРНГ, т. 7, с. 328].

98. **Дéдка** — сверхъестественное существо, нечистый дух. Домовой [СРНГ, т. 7, с. 329].

99. **Дéдко** – сверхъестественное существо, нечистый дух. Домовой. Леший [СРНГ, т. 7, с. 329].

100. **Дéдко-рыгáч** – мифическое существо, живущее в овине [СГРС, т. 3, с. 198].

101. **Дедúха** – мифическое существо, обитающее в бане [АОС, т. 10, с.417].

102. **Дéдушко водянóй** – мифическое существо, обитающее в водоёмах [АОС, т. 10, с. 419].

103. **Дедушíха** – русалка [АОС, т. 10, с. 417].

104. **Дéдушка** – домовой. Леший [АОС, т. 10, с. 415].

105. **Дéдушка лесnóй** – леший [СРНГ, т. 7, с. 331].

106. **Дедушко** – домовой [СРНГ, т. 7, с. 332].

107. **Дéюшка** – дедюшка лесной. Леший [СРНГ, т. 7, с. 332].
108. **Дéя** – леший [СРНГ, т. 7, с. 332].
109. **Дíдько** – чёрт, бес, а также домовой [КГ, с. 107].
110. **Дíкий** – леший. Чёрт, сатана, дьявол [СРНГ, т. 8, с. 57].
111. **Дíконы́кий** – нечистый дух, леший, живущий в лесах и полях [СРНГ, т. 8, с. 64].
112. **Доброхóдушко** – то же, что дедушко-соседушко. «Соседко» скажут или «домовой» [СВГ, т. 2, с. 31].
113. **Доброхóт** – домовой [СВГ, т. 2, с. 32].
114. **Домáха** – жена домового [СРНГ, т. 8, с. 117].
115. **Домовáя** – мифологическое существо женского пола, обитающее в доме [СГП, т. 1, с. 183].
116. **Домовáя лásка** – мифическое существо, домовой в образе ласки [СГРС, т. 3, с. 248].
117. **Домовéдушка** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 119].
118. **Домовéйко** – мифическое существо, живущее в доме [СГРС, т. 3, с. 248].
119. **Домовéюшко** – мифическое существо, живущее в доме [СГРС, т. 3, с. 248].
120. **Дóлгий дáрюшка** – леший [СРНГ, т. 8, с. 106].
121. **Домовíд** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 119].
122. **Домовíдушко** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 119].
123. **Домовíк** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 119].
124. **Домовíнка** – мифическое существо, дочь домового [СРГСУ, т. 1, с. 141].

125. **Домови́ха** – мифическое существо, живущее в доме [СГРС, т. 3, с. 249].

126. **Домови́чо́к** – добный или злой дух, живущий в доме; домовой [СГРС, т. 3, с. 249].

127. **Домови́тушко** – добный или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 120].

128. **Домово́й** – сверхъестественное существо, живущее в доме [ВС, т. 2, с. 150].

129. **Домо́вушко** – добный или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 121].

130. **Доможи́л** – добный или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 122].

131. **Доможи́рко** – добный или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 123].

132. **Доя́к** – мифологически персонаж, который на заре доит коров [БТСДК, с. 139].

133. **Друга́я полови́на** — домовой или леший [СРНГ, т. 8, с. 210].

134. **Ду́мова** – злой дух, живущий в доме [СРНГ, т. 8, с. 257].

135. **Дурно́й** – злой дух, нечистая сила; домовой [СРНГ, т. 8, с. 270].

136. **Дяди́ны ребя́та** – духи, живущие в бане [СРНГ, т. 8, с. 306].

137. **Ела́нья** – лесной дух [СРНГ, т. 8, с. 338].

138. **Ёлс** – леший, чёрт [СРНГ, т. 8, с. 348].

139. **Еретни́к** – домовой [СРНГ, т. 9, с. 23].

140. **Жарени́к / Жарени́ца** – мифическое существо, обитающее нагороховищах [СОВН, с. 128].

141. **Железня́чка** – дух, обитающий в огороде [СРНГ, т. 9, с. 106].

142. **Жиро́вик** – нечистый дух, домовой [СРНГ, т. 9, с. 185].

143. **Жиро́вой чёрт** – живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 9, с. 186].

144. **Жиро́вый** – домовой [СРНГ, т. 9, с. 186].

145. **Жытэль** – водяной, домовой и т.д.[СРГК, т. 2, с. 66].
146. **Жихарёк** – домовой [СРГК, т. 2, с. 70].
147. **Жихарыха** – жена домового[СРГК, т. 2, с. 70].
148. **Жыхарь** – злой дух, обитающий в жилище человека, домовой [СРНГ, т. 9, с. 198].
149. **Жихорычка** – мифическое существо, злой дух женского пола [АОС, т. 14, с. 238].
150. **Жыхорько** – злой дух, обитающий в жилище человека, домовой [СРНГ, т. 9, с. 198].
151. **Жихорюшко** – нечистая сила, живущая в конюшне, заплетающая в косы гривы и хвосты лошадей [СРНГ, т. 9, с. 200].
152. **Забаенник** – мифическое существо, злой дух, живущий в бане [СРНГ, т. 9, с. 241].
153. **Заде(и)риха** – мифическое существо, живущее в бане [АОС, т. 16, с. 234].
154. **Зализуха** – мифическое существо, живущее в колодце [СГРС, т. 4, с. 116].
155. **Залутчик** – тот, кто заманивает, залучает. «Леший залутчик, заманщик; он же залучник, если выгоняет зайцев прямо на охотника» [СРНГ, т. 10, с. 224].
156. **Залутчица** – женск. к залутчик [СРНГ, т. 10, с. 224].
157. **Запечельница** – дух, обитающий за печкой [СРГК, т. 2, с. 173].
158. **Запеченик** – дух, бес, обитающий в доме за печкой [СРНГ, т. 10, с. 315].
159. **Запечнушко** – домовой, живущий за печью [СГРС, т. 4, с. 153].
160. **Зверинка** – полумифическое существо, обитающее в конюшнях, хлевах, которое мучает коров, заплетает косичками гриву лошадей [СГРС, т. 4, с. 252].
161. **Зелезнячка** – дух, обитающий в огороде [СРНГ, т. 10, с. 245].

162. **Землянóй царь** – дух огорода [СРГЮП, т. 3, с. 331].
163. **Зыбочник** – леший, который живет в лесах и качается над деревьях [СРНГ, т. 12, с. 32].
164. **Ивáн Чародéй** – мифическое существо, обитающее в лесу, леший [СГРС, т. 4, с. 297].
165. **Игрéц** – нечистый или злой дух, бес; домовой [СРНГ, т. 12, с. 70].
166. **Игрунóк** – мифическое существо, обитающее в лесу, леший [СГРС, т. 4, с. 304].
167. **Изводённый** – водяной, черт [СРНГ, т. 12, с. 108].
168. **Извóдень** – существо, издающее неприятные, надоедливые звуки [СВГ, т. 3, с. 8].
169. **Калёная пέчка** – фантастическое существо, злой дух [СРНГ, т. 27, с. 7].
170. **Камышáнов** — водяной [СРНГ, т. 13, с. 33].
171. **Кикýмора** – домовой, проказящий по ночам с пряжей, веретеном, коробами, вышкой [ОСВГ, т. 5, с. 41].
172. **Кикýморка** – мифическое существо, кикимора [ОСВГ, т. 5, с. 41].
173. **Кикúмора** – домовой [СПГ, т. 1, с. 383].
174. **Кладовíк** – дух, охраняющий клад [СРНГ, т. 13, с. 258].
175. **Кладовоý** – дух, охраняющий клад [СРНГ, т. 13, с. 258].
176. **Кожедёр** – леший, чёрт [СРНГ, т. 14, с. 51].
177. **Коловёрши** – фантастические существа, живущие под печкой или полом в домах тех людей, которые обладают даром колдовства, внешним видом похожие на чёрных кошек с большим мешкообразным зобом [СРНГ, т. 14, с. 150].
178. **Колóдечник** – дух, обитающий в колодце [Черепанова 1983, с. 68].
179. **Кондрашка** – мифологический персонаж, обитающий в воде [ОСВГ, т. 5, с. 84].

180. **Коноплянница(нка)** – мифологический персонаж, обитающий в огороде [ОСВГ, т. 5, с. 86]

181. **Конюшник** — домовой, живущий в конюшне [СРНГ, т. 14, с.278].

182. **Костолом** – чёрт, леший [СРНГ, т. 15, с. 77].

183. **Корбеник** – лесной дух, леший [СРГК, т. 2, с. 421].

184. **Кормилица** — домовой [СРНГ, т. 14, с. 336].

185. **Кормильчик** – то же, что кормилица [СРНГ, т. 14, с. 336].

186. **Кормынчик** – домовой [СРНГ, т. 14, с. 336].

187. **Котанко**— домовой, чёрт [СРНГ, т. 15, с. 101].

188. **Красная баба** – мифическое существо, которое насыщает болезнь [СГРС, т. 6, с. 135].

189. **Красноплеший** – леший [СРНГ, т. 15, с. 184].

190. **Криовохвостик** — водяной, нечистая сила [СРНГ, т. 15, с. 247].

191. **Кромешники** – общее название водяных, леших, домовых и т. п.[СРНГ, т. 15, с. 275].

192. **Круговой** – домовой [ССГ, т. 5, с. 112].

193. **Кузотка** – бес; домовой [СРНГ, т. 16, с. 29].

194. **Кузя** – домовой [СРГЮП, т. 1, с. 440].

195. **Кука** — леший, живущий в бане [СРНГ, т. 16, с. 30]

196. **Кукан** – мифическое существо, обитающее в лужах, болотах.

Фантастическое существо, которым пугают детей, бука [СРНГ, т. 16, с. 31].

197. **Куляш**– чертенок или водяной [СРНГ, т. 16, с. 78].

198. **Куранко** – леший [СРНГ, т. 16, с. 111].

199. **Кутинья** – дух женского пола, обитающий в углу дома[СРНГ, т.16, с. 169].

200. **Кухтахта** – мифический лесной зверь [СГРС, т. 6, с. 327].

201. **Лад** – леший [СРНГ, т. 16, с. 227].

202. **Ламан** – леший [СРНГ, т. 16, с. 252].

203. **Лásка** – зверёк, который, по поверьям, является домовым [СГРС, т. 7, с. 31].
204. **Ласíца** – мифическое существо, дворовой в облике ласки [СРГК, т. 3, с. 98].
205. **Легáн** – леший [СРНГ, т. 16, с. 309].
206. **Лéман** – нечистая сила, чёрт, леший, дьявол [СРНГ, т. 16, с. 346].
207. **Лéмбой** – леший, чёрт, домовой [СРНГ, т. 16, с. 347].
208. **Лéмор** — дух, обитающий в лесу; леший [СРНГ, т. 16, с. 350].
209. **Лес** — главный лесной дух; леший, дьявол вообще [СРНГ, т. 16, с. 368].
210. **Лес честnóй** – обращение к главному духу, хозяину леса [СРНГ, т. 16, с. 368].
211. **Лесик** – леший [СРНГ, т. 16, с. 370].
212. **Лéсман** – леший [СРНГ, т. 16, с. 372].
213. **Лесначíха** – женщина-леший [СРНГ, т. 16, с. 372].
214. **Лесnáя дéвка** – девушка, по воле лешего долго блуждавшая полесу [ССГ, т. 3, с. 5].
215. **Лесníк** — лесной дух, леший [СРНГ, т. 16, с. 372].
216. **Лесnóй дéдушко** – главный лесной дух; леший [СРНГ, т. 16, с. 373].
217. **Лесnóй дítятко** – мифическое существо, обитающее в лесу [АОС, т. 11, с. 156].
218. **Лесnóй херувíм** – леший [СРНГ, т. 16, с. 373].
219. **Лесnóй хозяин** – то же, что лесной дедушко [СРНГ, т. 16, с. 373].
220. **Лесnóй дáдя** – леший [СРНГ, т. 16, с. 373].
221. **Лесnóй** – лесной дух, леший [СРНГ, т. 16, с. 373].
222. **Лесnúха** – мифологический персонаж в лесу [ОСВГ, т. 5, с. 187].
223. **Лесовíк** – лесной дух, леший [СРНГ, т. 17, с. 10].
224. **Лесовíха** – жена лесовика (лесного духа) [СРНГ, т. 17, с. 10].

225. **Лесовóй дéдушко** — главный лесной дух, леший [СРНГ, т. 17, с.11].

226. **Лешáк** — лесной дух в образе очень высокого человека; леший [СРНГ, т. 17, с. 30].

227. **Лешачíха** — лесной дух в образе женщины; жена лешего; иногда русалка [СРНГ, т. 17, с. 31].

228. **Лешáчка** — лесной дух в образе женщины; жена лешего; иногда русалка [СРНГ, т. 17, с. 31].

229. **Лешачónок** — маленький леший [СРНГ, т. 17, с. 31].

230. **Лешенý** — маленький леший [СРНГ, т. 17, с. 31].

231. **Лешенýта** — дети лешего [СРНГ, т. 17, с. 32].

232. **Лéшман** — леший [СРНГ, т. 17, с. 75].

233. **Лизúн** — домовой, живущий в подполье, под печкой и т.д.[СРНГ, т. 17, с. 44].

234. **Лихáч** — нечистая сила, черт, леший

235. **Лихóй** — нечистая сила, домовой, злой дух [СРНГ, т. 17, с. 78].

236. **Лихомáнник** — сверхъестественное существо, живущее в лесу, леший [СРНГ, т. 17, с. 80].

237. **Лопухóня** — мифическое существо, живущее в водоёме и насылающее болезни [СГРС, т. 7, с. 138].

238. **Лопáстый** — домовой [СРНГ, т. 17, с. 132].

239. **Лукáнька** — дьявол, сатана, леший [СРНГ, т. 17, с. 188].

240. **Лýско** — нечистая сила, живущая в доме [СРГК, т. 3, с. 164].

241. **Ляд** — злой дух, бес, нечистый. Чёрт. Домовой. Леший [СРНГ, т.17, с. 259].

242. **Мáвка** — девочка, умершая некрещённой и превратившаяся послесмерти в русалку [СРНГ, т. 17, с. 287].

243. **Ман** — нечистый дух, живущий в доме, бане или на колокольне [СРНГ, т. 17, с. 354].

244. **Мани́лко** – домовой, нечистый дух [СРНГ, т. 17, с. 360].
245. **Мани́ло** – мифическое существо, которым пугали детей [СГРС, т. 7, с. 236].
246. **Мáра** – существо женского пола, обитающее в доме, которое ночью допрядывает то, что оставлено недопрядённым, причём путает и рвёт кудель и пряжу [ОСВГ, т. 6, с. 19].
247. **Мардáс** – мифологическое существо типа домового, оставляющее синяки на теле человека [СГРС, т. 7, с. 239].
248. **Мáртушка** – нечистая сила, обитающая в воде [СРГЮП, т. 2, с. 59].
249. **Мару́шка** — фантастическое существо, незаметно похищающее вещи [СРНГ, т. 17, с. 377].
250. **Мáтица-доброхóтица** – сверхъестественное существо, добрый дух, живущий в доме [СВГ, т. 4, с. 74].
251. **Мáтушка-домовáя** – мифологическое существо, живущее в доме [СГРС, т. 7, с. 254].
252. **Мáтушка-подворёнка** – мифологическое существо, живущее на скотном дворе [СГРС, т. 7, с. 254].
253. **Медвéдко** – мифологический персонаж, который давит по ночам [ОСВГ, т. 6, с. 33].
254. **Медвéдушка** – мифическое животное, охраняющее скот [СГРС, т. 7, с. 260].
255. **Медéница** – мифическое существо в виде женщины в красном сарафане [СГРС, т. 7, с. 261].
256. **Мека** – нечистый дух, которым пугают детей в темноте [ССГ, т. 6, с. 92].
257. **Мéльник** — водяной, живущий, под колесами мельницы, принимающий вид красивой женщины или белой собаки [СРНГ, т. 18, с. 104].

258. **Мельничный** – злой дух, обитающий в доме, воде и т. п. [СРНГ, т. 18, с. 105].
259. **Милák** – домовой [СРНГ, т. 18, с. 159].
260. **Мотови́лиха** – мифическое существо, «контролирующее» количество пряжи [СРГС, т. 7, с. 342].
261. **Мохнатка** – мифическое существо, которым пугали детей [СГРС, т. 7, с. 346].
262. **Мохнáч** — домовой [СРНГ, т. 18, с. 310].
263. **Мохово́й** — злой дух, живущий в моховых болотах [СРНГ, т. 18, с. 312].
264. **Мужичóк** – леший [СРНГ, т. 18, с. 334].
265. **Мúка** – мифическое существо, которым пугали детей. Запугивали букой да мукой [СГРС, т. 7, с. 355].
266. **Мякильница** – дух плодородия и достатка, обитающий в помещении, где хранится мякина [СРНГ, т. 19, с. 77].
267. **Навно́й** – домовой [СРНГ, т. 19, с. 170].
268. **Невéдомый** – леший [СРНГ, т. 20, с. 329].
269. **Негóдные** – нечистая сила; черти, лешие [СРНГ, т. 20, с. 374].
270. **Некрещёный** – леший [СРНГ, т. 21, с. 65].
271. **Неспíха** – мифологический персонаж, вредящий беременным женщинам [ОСВГ, т. 6, с. 238].
272. **Нéчисть ба́нная** – нечистая сила, злой дух, который живёт в бане [СВГ, т. 5, с. 109].
273. **Норовóюшко** – домовой [СВГ, т. 5, с. 112].
274. **Носáк** – мифологическое существо, способное приносить молоко [СРГК, т. 4, с. 43].
275. **Обáнак** – чёрт, леший [СРНГ, т. 21, с. 348].
276. **Обанáт** – чёрт, леший [СРНГ, т. 21, с. 348].

277. **Обдериха** – женщина – злой дух, живущий в бане, вид домового [СРНГ, т. 22, с. 22].
278. **Облам** – нечисть; домовой [СРНГ, т. 22, с. 84].
279. **Облом** – нечистая сила, злой дух, домовой, который портит, «обламывает» лошадей, а иногда и людей [СРНГ, т. 22, с. 108].
280. **Обмён** – ребёнок лешего, черта, подмененный на человеческого дитя [СРНГ, т. 22, с. 123].
281. **Овйнник** – домовой, живущий в овине [СРНГ, т. 22, с. 299].
282. **Овйнница** – дух, обитающий в овине [СРНГ, т. 22, с. 299].
283. **Овйнничиха** – дух, обитающий в овине [СРНГ, т. 22, с. 299].
284. **Овйнушко** – дух, обитающий в овине [СРНГ, т. 22, с. 299].
285. **Овйнщик** – мифическое существо, домовой в овине [ССГ, т. 7, с. 148].
286. **Огородница** – мифическое существо, обитающее в огороде [СРГЮП, т. 2, с. 221].
287. **Озеревик** – хозяин озера, водяной [СРНГ, т. 23, с. 90].
288. **Озерной** – чёрт, живущий в озёрах [СРНГ, т. 23, с. 92].
289. **Омутник** – дух, обитающий в речных и озерных омутах [СРНГ, т. 23, с. 207].
290. **Омутница** – дух, живущий в речных и озерных омутах [СРНГ, т. 23, с. 207].
291. **Омутной** – дух, живущий в речных и озерных омутах [СРНГ, т. 23, с. 207].
292. **Он и ён** – табуистическое наименование чёрта, дьявола, домового [СРНГ, т. 23, с. 213].
293. **Онгон** – божество, дух, покровительствующий домашним животным [СРНГ, т. 23, с. 214].
294. **Они** – табуистическое наименование чертей, домовых, леших и т.п. [СРНГ, т. 23, с. 215].

295. **Оны и ёны** – табуистическое наименование чертей, домовых, леших и т.п. [СРНГ, т. 23, с. 228].

296. **Осáд** – домовой [СРНГ, т. 23, с. 350].

297. **Пámха** – чёрт, леший [СРНГ, т. 25, с. 187].

298. **Пárница** – мифологический женский персонаж в бане [ОСВГ, т. 7, с. 205].

299. **Пастéн** – домовой; нечистый дух, давящий, по народному поверью, человека во сне [СРНГ, т. 25, с. 262].

300. **Пережíнница** – дух в образе женщины в рубашке с распущенными волосами, которая якобы сжинает чуткую рожь [СРНГ, т. 26, с. 106].

301. **Печáя** – мифологическое существо, хозяйка печи [СРНГ, т. 26, с. 346].

302. **Печnой хозяин** – домовой [СРНГ, т. 27, с. 9].

303. **Погребníца-пыхтéлка** – злой дух, обитающий в погребе и пожирающий детей [СРНГ, т. 27, с. 312].

304. **Подови́нник** — нечистый дух, бес, живущий (в ямах) под овином; домовой [СРНГ, т. 28, с. 109].

305. **Подови́нный** – злой дух, нечистая сила, обитающие под овином; домовой [СРНГ, т. 28, с. 109].

306. **Подpéчник** – домовой [СРНГ, т. 28, с. 135].

307. **Подполýник** – дух, живущий в подполье [СРНГ, т. 28, с. 145].

308. **Полдневóй** – домовой, появляющийся в полдень [СРНГ, т. 29, с. 43].

309. **Полевíк** – дух, живущий в поле [ОСВГ, т. 8, с. 117].

310. **Полéсовик** – леший [СРНГ, т. 29, с. 59].

311. **Полудéнный домовой** – домовой, действующий в дневное время (в полдень) [СРНГ, т. 29, с. 143].

312. **Полудница** – мифологическое существо, живущее в доме или вбане, в воде, в лесу и т.п.[ОСВГ, т. 8, с. 131].

313. **Полуночна** – мифологический персонаж, появляющийся в полночь [СРГЮП, т. 2, с. 395].

314. **Полуночник** – домовой, который в полночь обходит всю деревню и возится по задворкам [СРНГ, т. 29, с. 156].

315. **Полуночница** – мифологический персонаж, появляющийся в полночь [ОСВГ, т. 8, с. 132].

316. **Полунощница** – нечистый дух, появляющийся в полночь и беспокоящий спящих детей [СРНГ, т. 29, с. 157].

317. **Полянница** – злой дух, живущий в полях, на земле [СРНГ, т. 29, с. 190].

318. **Поляха** – жена духа полей [СРНГ, т. 29, с. 192].

319. **Постён** – домовой, нечистый дух [СРНГ, т. 30, с. 225].

320. **Постέнь** – домовой, нечистый дух, якобы давящий спящего человека [СРНГ, т. 30, с. 225].

321. **Пополудница** – дух, охраняющий огороды, поля [СРНГ, т. 29, с. 333].

322. **Похозяйственник** – мифологически персона (домовой), функционально связанный со скотом (вредит или оберегает) [БТСДК, с. 413].

323. **Праведный** – леший [СРНГ, т. 31, с. 52].

324. **Привал** – домовой, домовик [СРНГ, т. 31, с. 128].

325. **Притчун** – мифическое существо, приносящее вред беременным женщинам [СВГ, т. 6, с. 68]

326. **Проклянённый** – леший, водяной, живущий в камышах [СРНГ, т. 32, с. 159].

327. **Проклятый** – нечистая сила [СРНГ, т. 32, с. 160].

328. **Пряха** – сверхъестественное существо женского пола, которое поночам прядёт, путает пряжу [СВГ, т. 6, с. 106].

329. **Пúжанка** – домовой, нечистая сила, дьявол [СРНГ, т. 33, с. 111].
330. **Пыхтéлка** – сверхъестественное существо, дух, привораживающий, заманивающий человека в лес [СВГ, т. 6, с. 116].
331. **Рéйский** – дух, живущий в риге, гумне [СРНГ, т. 35, с. 44].
332. **Рековой** – речной дух, водяной [СРНГ, т. 35, с. 45].
333. **Ржани́ца** – мифическое существо в цветущей или поспевающей ржи [СВГ, т. 8, с. 56].
334. **Ригáчник / ригáшник** – сверхъестественное существо, обитающее в риге, овине [СРНГ, т. 35, с. 101].
335. **Рижáник** – дух, обитающий в риге [СРНГ, т. 35, с. 102].
336. **Рижница** – сверхъестественное существо, хозяйка риги [СВГ, т.в8, с. 56]
337. **Родíмец** – нечистая сила, черт, домовой [СРНГ, т. 35, с. 133].
338. **Росомáга / росомáха** – один из огородных духов, которыми пугали маленьких [СРГЮП, т. 3, с. 47].
339. **Русáлка** – водяной [СРГК, т. 5, с. 584].
340. **Руслáнка** – русалка [СРГК, т. 5, с. 583].
341. **Русомáга** – один из огородных духов, которыми пугали маленьких [СРГЮП, т. 3, с. 54].
342. **Рýжный** – нечистая сила, обитающая в риге и способная превращаться в домашних животных [СРНГ, т. 35, с. 306].
343. **Садолóм** – нечистая сила, домовой [СРНГ, т. 36, с. 35].
344. **Сам** – домовой [СРНГ, т. 36, с. 72].
345. **Сáма** – домовой [СРНГ, т. 36, с. 72].
346. **Сараюха** – мифологическое существо, живущее в сарае [СВГ, т.9, с. 94].
347. **Сатайла** – о чёрте, дьяволе, лешем[СРНГ, т. 36, с. 150].
348. **Сатанá**– нечистая сила, леший, живущий в болоте [СРНГ, т. 36, с. 150].

349. **Святки** – черти, водяные и т.п. [СРНГ, т. 36, с. 343].
350. **Седушко-буканушко** – домовой [СРНГ, т. 37, с. 119].
351. **Секуниха** – сверхъестественное существо, охраняющее огород [СРНГ, т. 37, с. 128].
352. **Сэндушиный** – леший [СРНГ, т. 37, с. 163].
353. **Сенной** – домовой [СРНГ, т. 37, с. 167].
354. **Сесильный** – сказочное существо, живущее в лесу – леший [СРНГ, т. 37, с. 232].
355. **Синеобразный** – с тёмной кровью (о леших, водяных и др. нечистой силе) [СРНГ, т. 37, с. 326].
356. **Скотный кормилец** – домовой, который ухаживает за скотом [СРНГ, т. 38, с. 117].
357. **Скотной суседка** – дух, живущий на скотном дворе [СРНГ, т. 38, с. 117].
358. **Соломия-бабушка** – мифический персонаж, банный дух [СПГ, т.1, с. 14].
359. **Сосед** – домовой [СРНГ, т. 40, с. 41].
360. **Соседка** – женщина-домовой [СРНГ, т. 40, с. 41].
361. **Соседко** – домовой [СРНГ, т. 40, с. 41].
362. **Соседушка** – домовой. Соседушка-буканушка [СРНГ, т. 40, с. 42].
363. **Соседушко** – домовой [СРНГ, т. 40, с. 42].
364. **Сусед** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 295].
365. **Суседиха** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 295].
366. **Суседка** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 295].
367. **Суседушка** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 297].
368. **Суседушка-баканушка (буканушка)** – эпитет домового, обращение к домовому [СРНГ, т. 42, с. 297].

369. **Сусéдушка-бурéушка** – обращение к домовому [СРНГ, т. 42, с.297].

370. **Сусéдушко** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 297].

371. **Стень и стинь** – домовой, нечистый дух [СРНГ, т. 41, с. 137].

372. **Стогáфья** – мифическое существо, якобы живущее в стогу [СВГ, т. 10, с. 122].

373. **Страхилáт** – мифическое существо, домовой [СРНГ, т. 41, с.291].

374. **Страхилáтка** – мифическое существо, устрашающее своим видом [СРНГ, т. 41, с. 291].

375. **Стрýга** – домовой [СРНГ, т. 41, с. 339].

376. **Стриж** – мифическое существо в виде птицы, которое живёт вхлеву и выстригает шерсть у животных [СРНГ, т. 42, с. 5].

377. **Сутóрма** – мифическое существо [СРНГ, т. 42, с. 319].

378. **Туруса́лка** – мифическое существо в образе женщины, приносящее несчастье [СВГ, т. 11, с. 77].

379. **Удéльница** – мифическое существо в виде женщины с чёрными распущенными волосами, живущей во ржи, которая причиняет вред ещёне рождённым или маленьким детям, вызывает болезнь родимец [СРНГ, т. 46, с.290].

380. **Ужáк** – мифическое существо, живущее во дворе дома [БТСДК, с. 540].

381. **Ужáка** – мифологический персонаж, хозяйка во дворе [БТСДК, с.540].

382. **Ужáчка** – мифическое существо, живущее во дворе дома [СРНГ, т. 46, с. 331].

383. **Укýн** – злой или добрый дух, обитающий в охотничьих угодьях [СРНГ, т. 47, с. 104].

384. **Упýрь** – дух, обитающий в домах [СРНГ, т. 47, с. 306].

385. **Хáма** – домовой [СВГ, т. 11, с. 177].

386. **Хйтница** — мифологическое существо, обитающее в хозяйственной части дома [СВГ, т. 11, с. 185].

387. **Хозяйка** — мифическое существо женского пола, обитающее в доме. Мифическое существо женского пола, которое прядёт по ночам [СВГ, т. 11, с. 199].

388. **Хозяин** — мифическое существо, обитающее в доме, домовой или живущее во «дворе» и присматривающее за скотом [СВГ, т. 11, с. 189].

389. **Чертáн** — нечистый дух [СРГЮП, т. 3, с. 351].

390. **Чертáшка** — русалка [СРГЮП, т. 3, с. 351].

391. **Шайтáн** — о нечистом духе (лешем, реже банном, домовом) [СРГЮП, т. 3, с. 379].

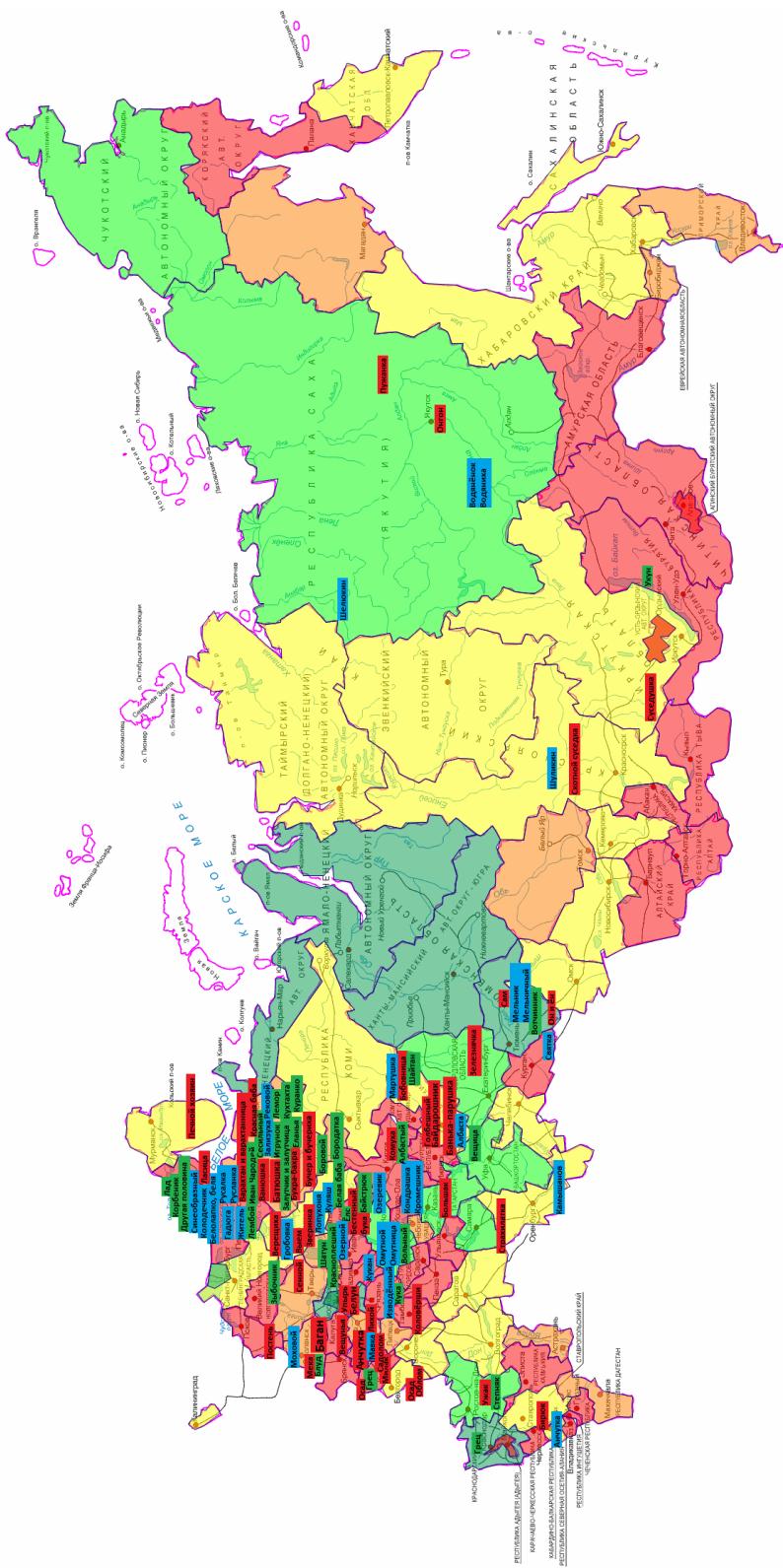
392. **Шатúн** — леший [ЯОС, т. 10, с. 71].

393. **Шелюкин** — водяной дух, живущий в проруби, но по ночам выходящий на лед [ОБКРН, с. 161].

394. **Шиликúн** — нечистый дух, черт, домовой [СОВН, с. 568].

395. **Шули́кин** — водяной [СРГЦРКК, т. 5, с. 152].

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. АТЛАС РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОМИНАЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

А Т Л А С

НОМИНАЦИЙ

ДОМОВЫХ, ВОДЯНЫХ И ЛЕШИХ

Москва – Истра
2021

Пояснительная записка.

Атлас номинаций домовых, водяных и леших построен по принципу максимально возможной локализации этих номинаций по территории РФ.

Локализация произведена по имеющимся в словарях ссылкам.

На всех картах рассматриваемые номинации духов показаны одинаковыми условными обозначениями: шрифтами, цвет которых соответствует «специальности» того или иного мифологического персонажа.

Домовые

Лешие

Водяные

На обзорной карте РФ показаны номинации, не имеющие хотя бы региональной локализации. Также туда включены номинации, относящиеся к Забайкальской области Российской Империи (ныне республика Бурятия почти целиком, Забайкальский край - целиком, части Амурской обл., Иркутской обл., республики Саха), и к Западной области РСФСР (1929-1937 гг) занимавшей территории современных Брянской и Смоленской обл. – целиком, Калужской и Тверской обл – их западные «половины», Псковской обл. – южная «половина». Номинации, не имеющие локализации даже размером с Сибирь, вынесены в легенду на этом же листе карты атласа.

На региональных картах показаны номинации, имеющие региональную и более дробную локализацию. Областные/губернские локализации выносятся в легенду, районные (уездные, волостные) оформлены в виде пунсонов с выносной подписью за границу региона, точечные (сельсовет, населённый пункт), а также локализации ныне упразднённых районов – в виде простого пунсона.

Архангельская обл. Представлена на двух листах карт атласа. На первом показаны областные/губернские локализации (в легенде), и

субрегиональные локализации «Северная Двина», и «Сольвычегодский у-д», (на территории которого ныне расположен целый ряд районов Архангельской и Кировской областей и республики Коми). На втором листе представлены районные и точечные локализации.

Также субрегиональная локализация «Средний Урал» вынесена в легенду на карте Свердловской обл., т.к. большая часть Среднего Урала расположена именно на её территории, а также на территории Пермского края, севера респ. Башкирия и севера Челябинской обл.

На карте республики Саха (Якутия) пунсонами показаны крупнейшие старожильские поселения в локализациях «Колыма» и «Индигирка». На карте Прибалтики, на территории Эстонии – старообрядческие поселения Зачудья.

Подоснова карт – электронные копии «Географического атласа России» изд-во АСТ 2003г.

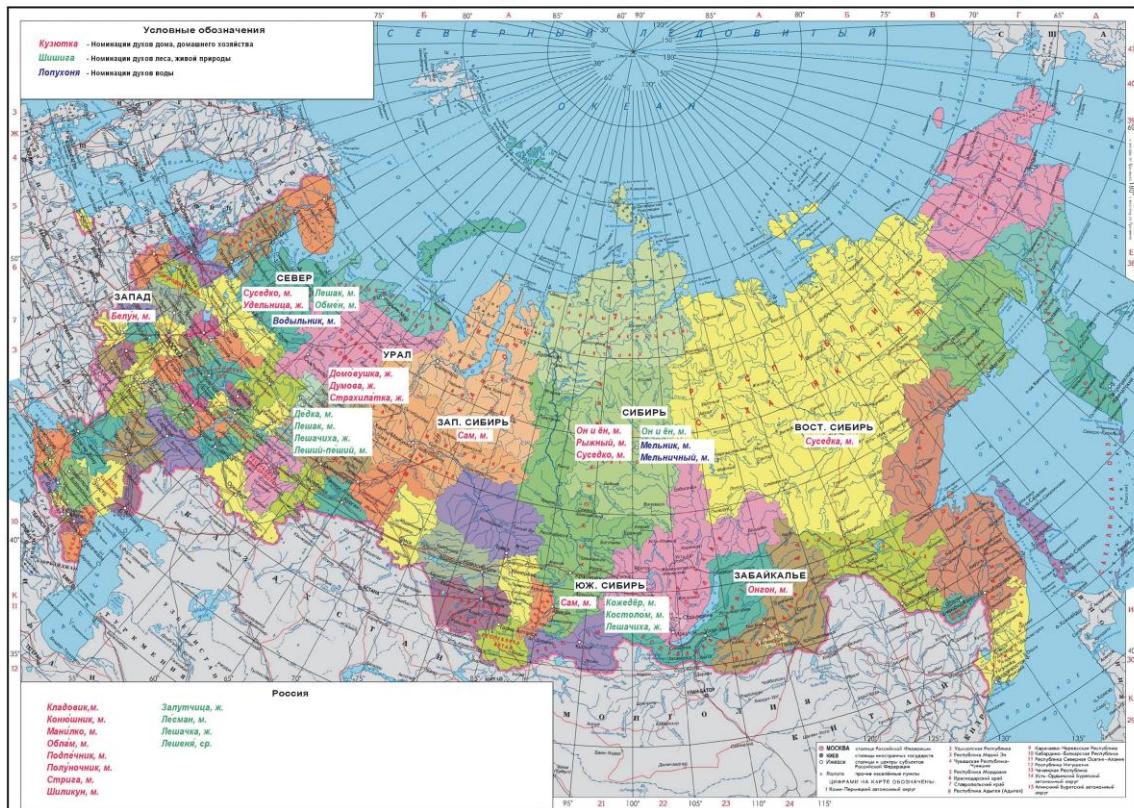
Оформление карт Атласа номинаций домовых, водяных и лесных выполнено в отечественной ГИС «Панорама». Лицензионный договор №Л-58/15 от 04.06.2015. Карты подготовил инженер-геоморфолог, судебный эксперт Всеволод Дибимович Якушевич.

СОДЕРЖАНИЕ КАРТ АТЛАСА

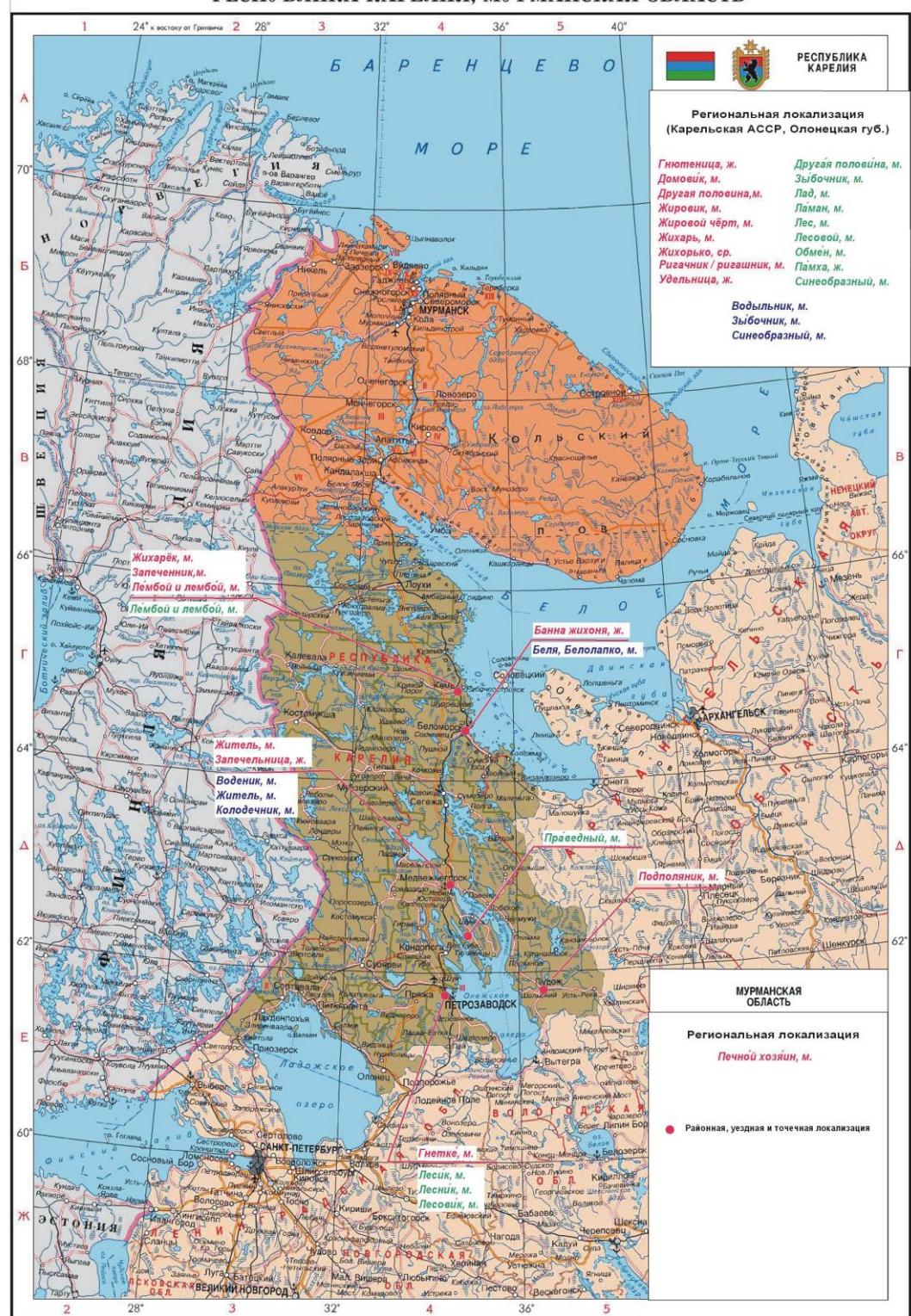
4. Обзорная карта РФ. Номинации, не имеющие чёткой локализации.
5. Республика Карелия, Мурманская область.
6. Архангельская область, Республика Коми.
7. Архангельская область.
8. Вологодская область.
9. Ленинградская, Новгородская, Псковская области, Санкт-Петербург, Калининградская область.
10. Московская, Смоленская, Тверская области.
11. Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская области.
12. Брянская, Калужская, Орловская, Рязанская, Тульская области.
13. Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская области.
14. Республика Марий-Эл, Республика Мордовия, Нижегородская область, Чувашская Республика – Чувашия.
15. Кировская область.
16. Республика Татарстан (Татарстан).
17. Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области.
18. Волгоградская, Ростовская области.
19. Республика Адыгея (Адыгея), Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Краснодарский край, Республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край.
20. Астраханская область, Республика Калмыкия.
21. Пермская область, Удмуртская Республика, Коми-Пермяцкий автономный округ.
22. Свердловская область.
23. Оренбургская область.

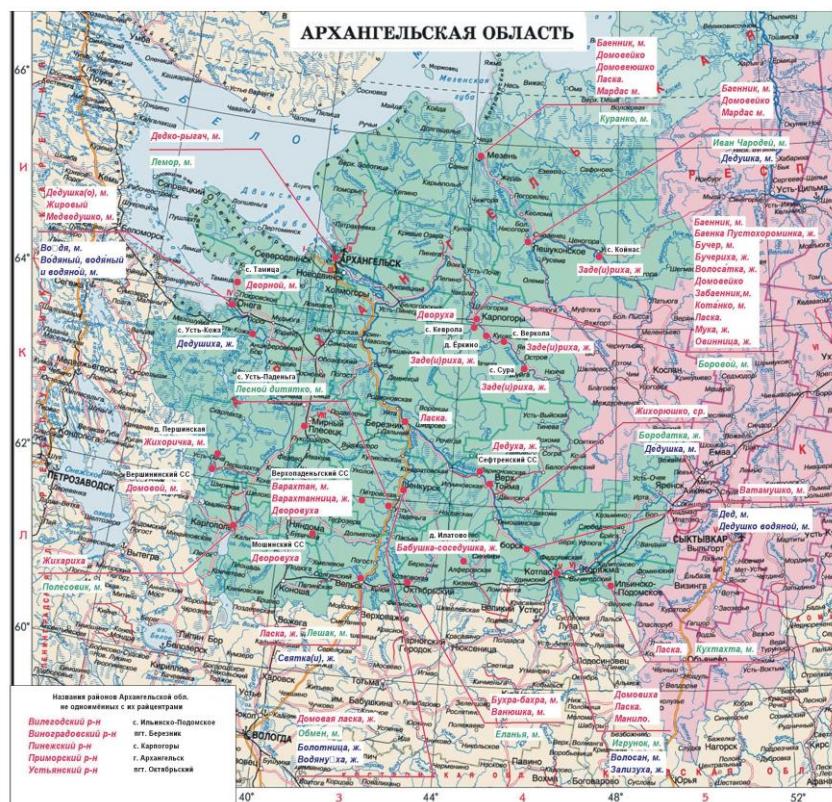
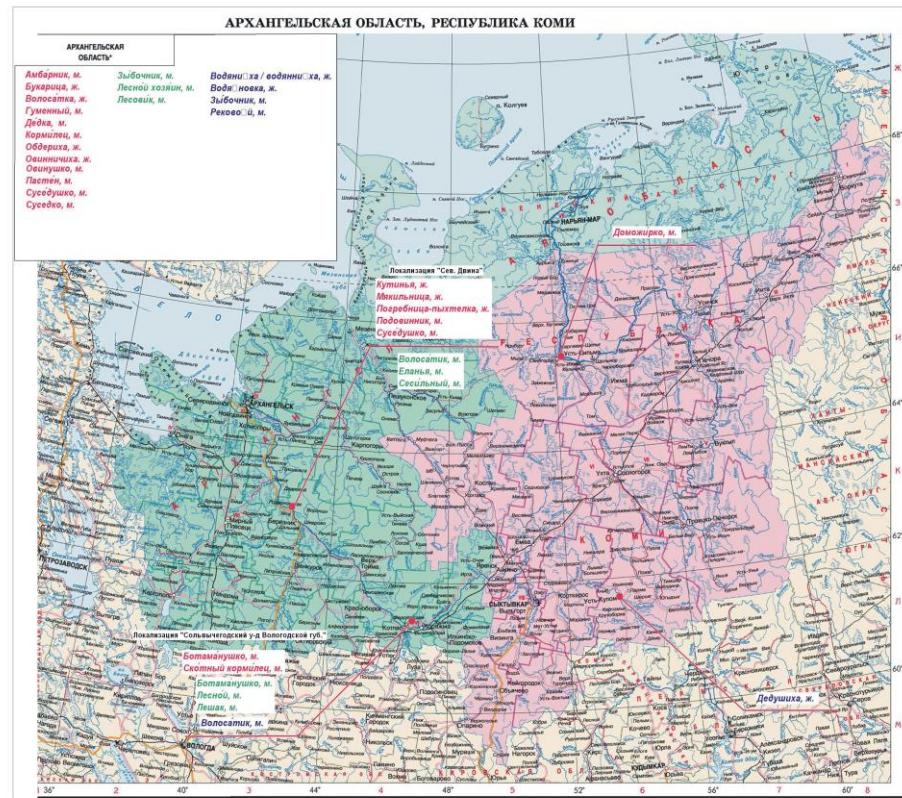
24. Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.
25. Новосибирская, Омская области.
26. Томская область.
27. Кемеровская область.
28. Красноярский край (юг), республика Тыва, республика Хакасия.
29. Республика Бурятия, Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, Читинская область, Агинский Бурятский автономный округ.
30. Республика Саха (Якутия).
31. Камчатская область, Корякский автономный округ.
32. Прибалтика.

Номинации не имеющие чёткой локализации

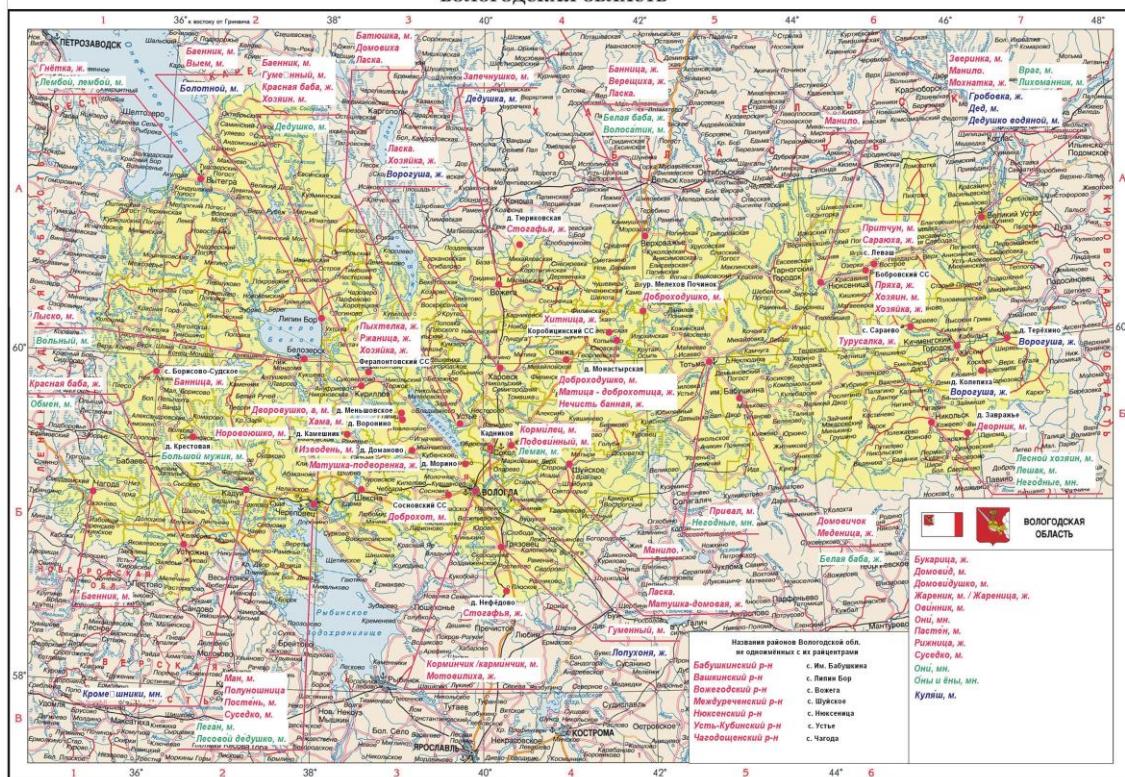

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ, МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

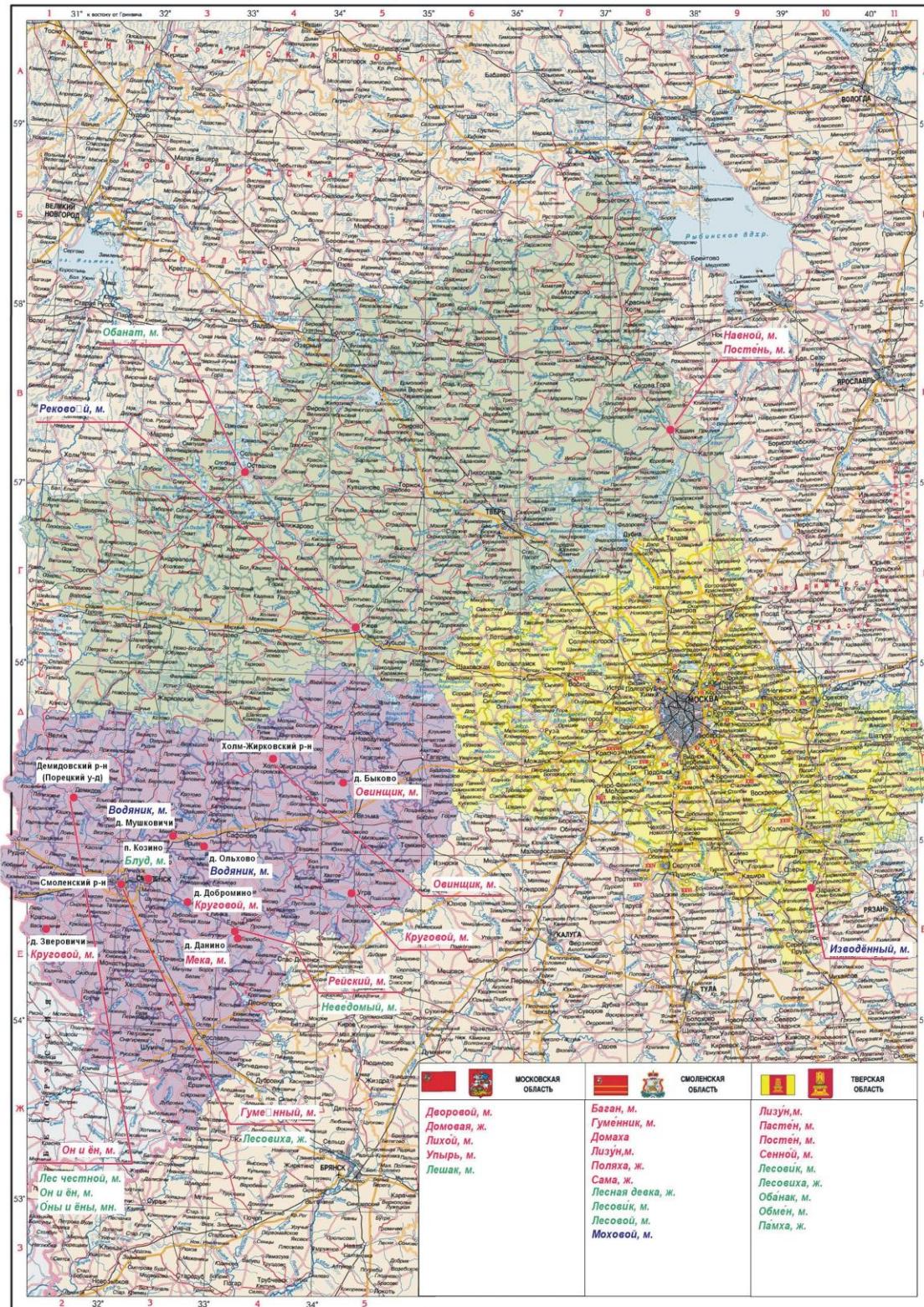
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ

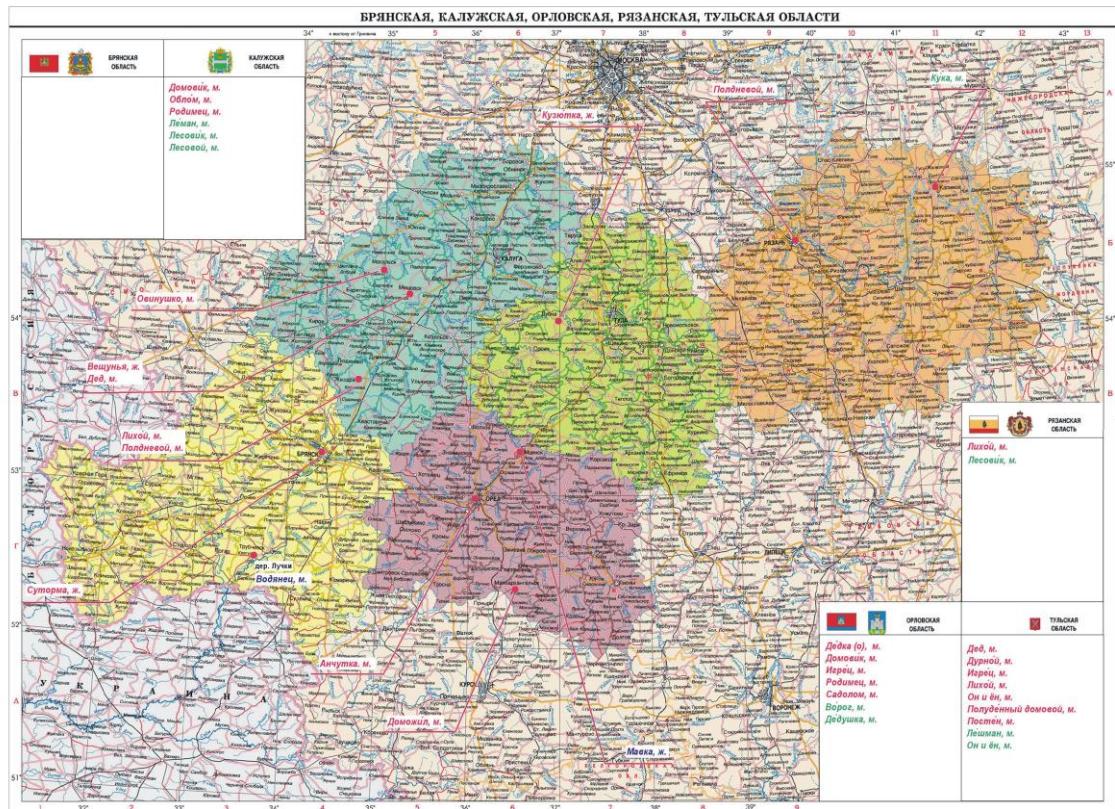
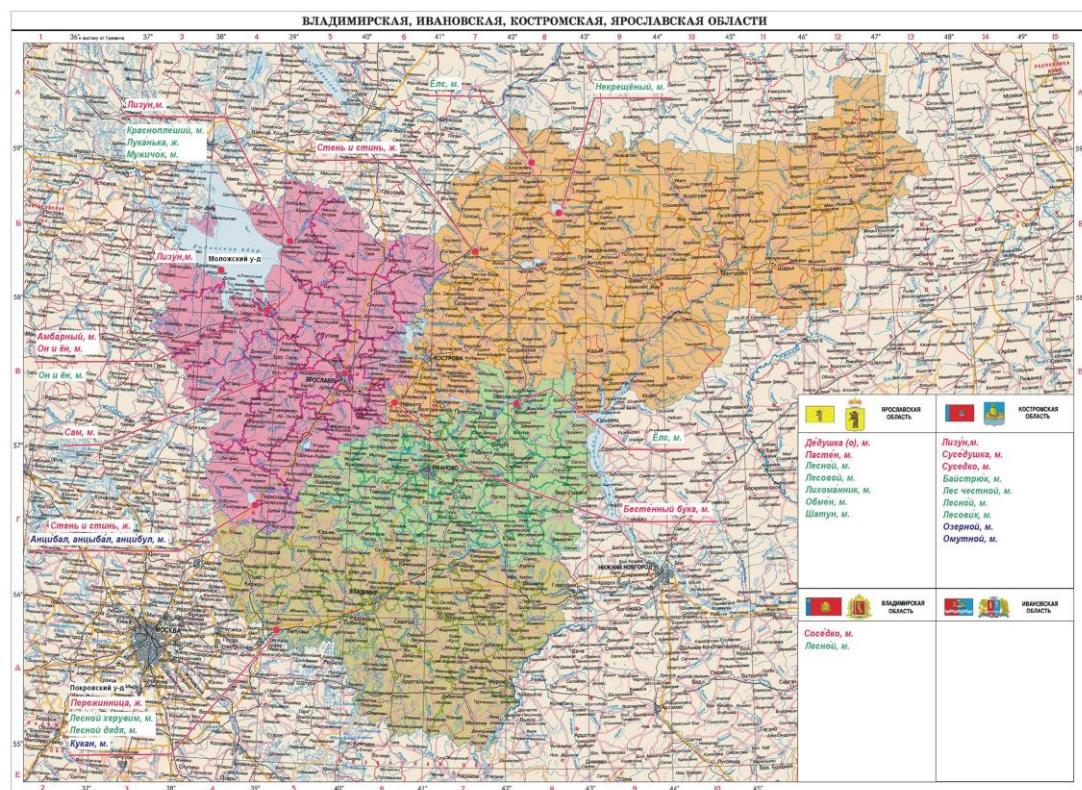

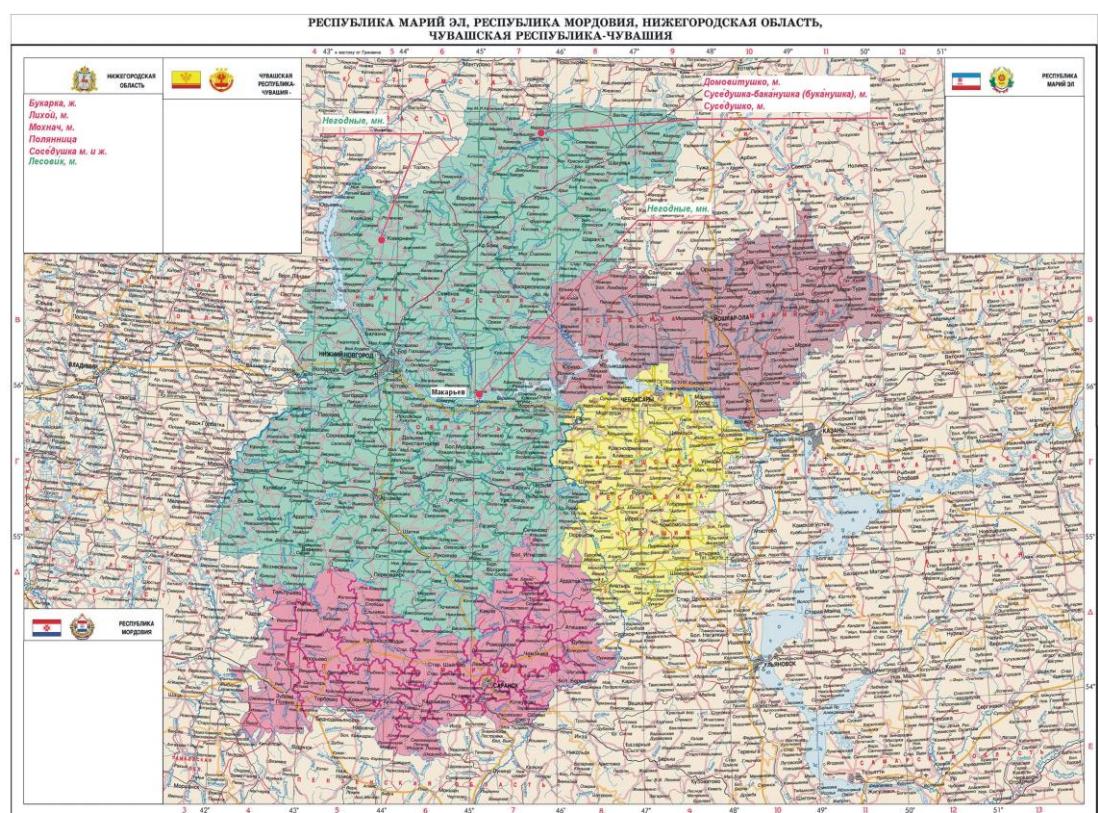
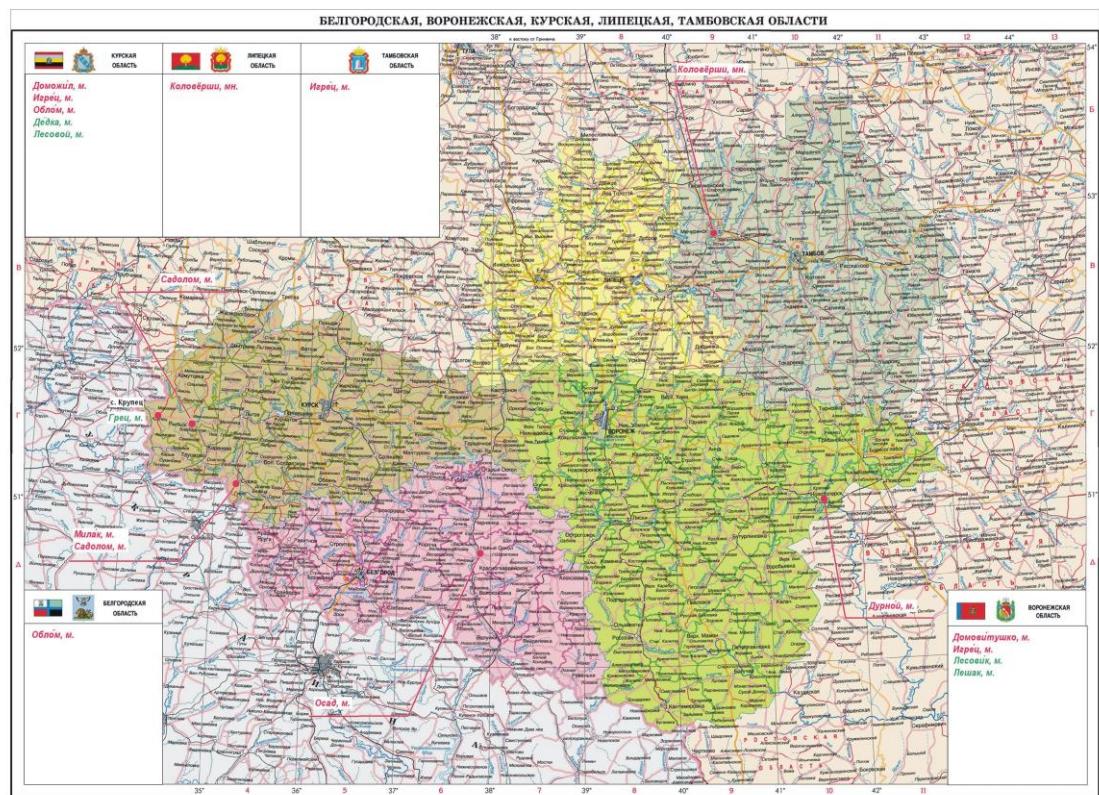
ЛЕНИНГРАДСКАЯ, НОВГОРОДСКАЯ, ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТИ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

МОСКОВСКАЯ, СМОЛЕНСКАЯ, ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТИ

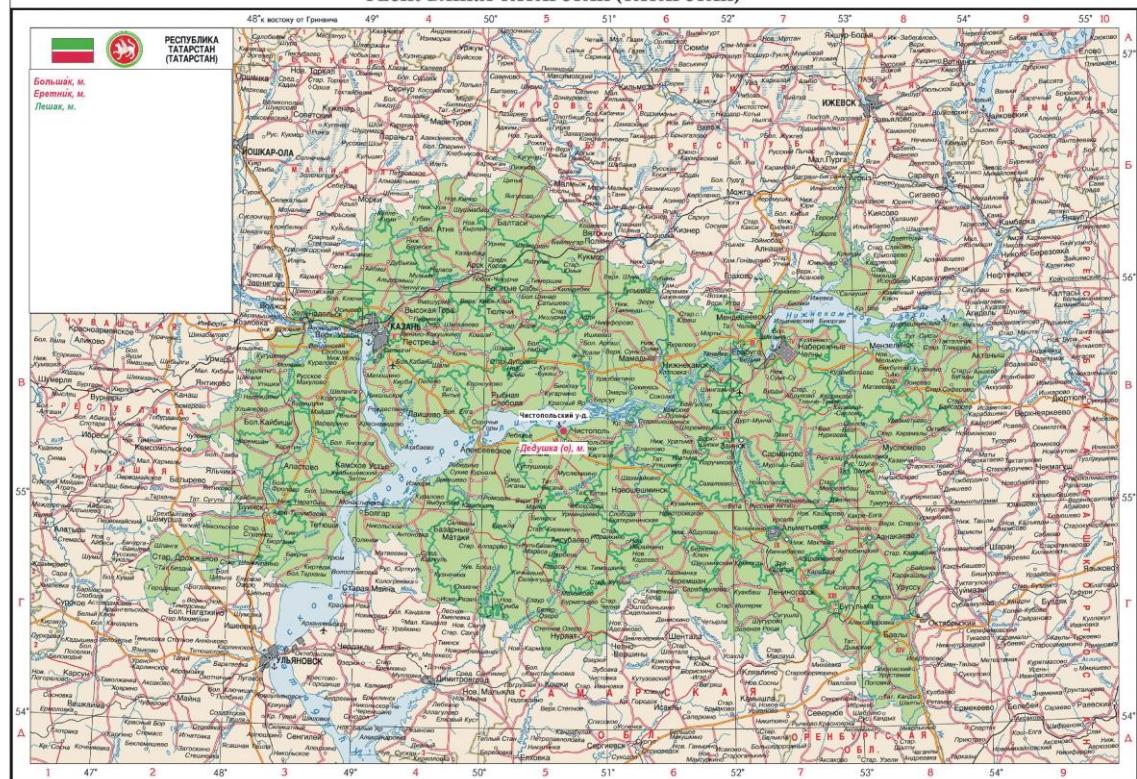
КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Detailed description: This is a comprehensive topographic and administrative map of the Kirov Oblast and its surroundings. The map covers parts of several regions, including the Udmurt Republic, the Republic of Tatarstan, the Chuvash Republic, the Perm Krai, and the Komi Republic. Key features include:

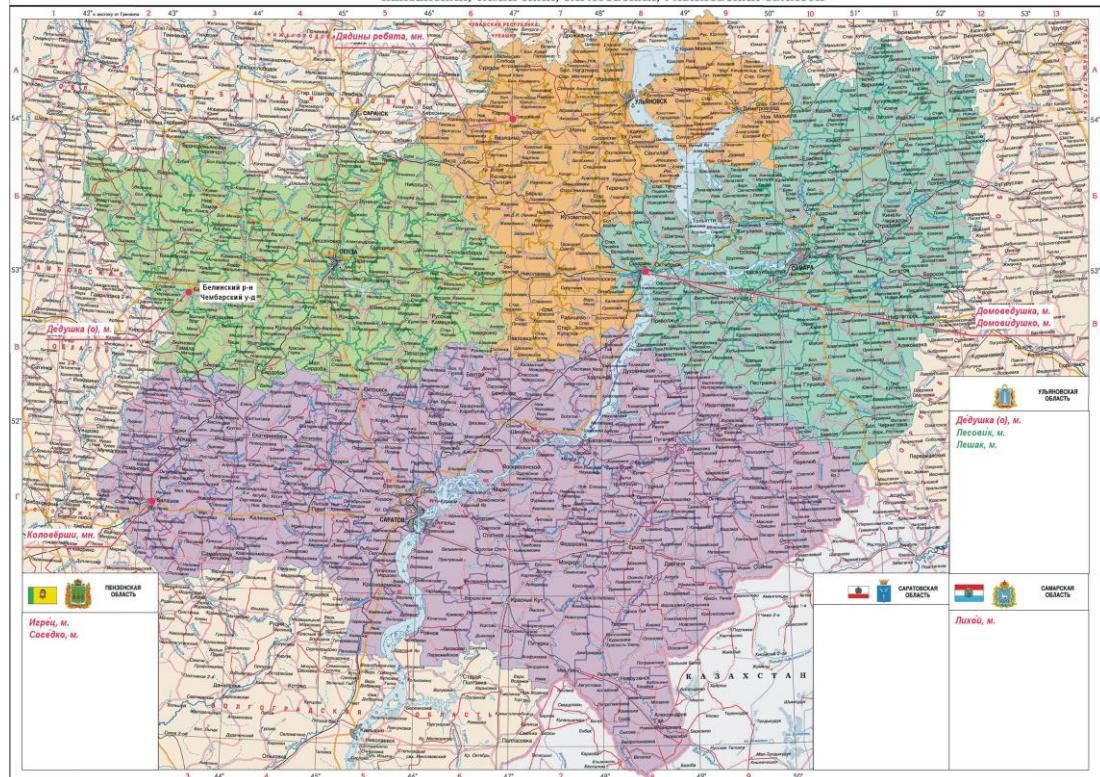
- Administrative Divisions:** The map shows the districts and towns of the Kirov Oblast, such as Kirov, Loshitsky District, Slobodskoye District, etc.
- Cities and Towns:** Major cities like Kirov, Loshitsa, Slobodskoye, and smaller towns like Kondrashka, Poluyanitsa, and Kulykovo are marked.
- Rivers:** Major rivers like the Vyatka, Sura, and Nevezha are shown, along with many smaller streams and lakes.
- Geography:** The map depicts the hilly terrain of the Ural Mountains and the more level land of the Oka-Vyatka lowland.
- Infrastructure:** A dense network of roads and railways is depicted, connecting the various settlements.

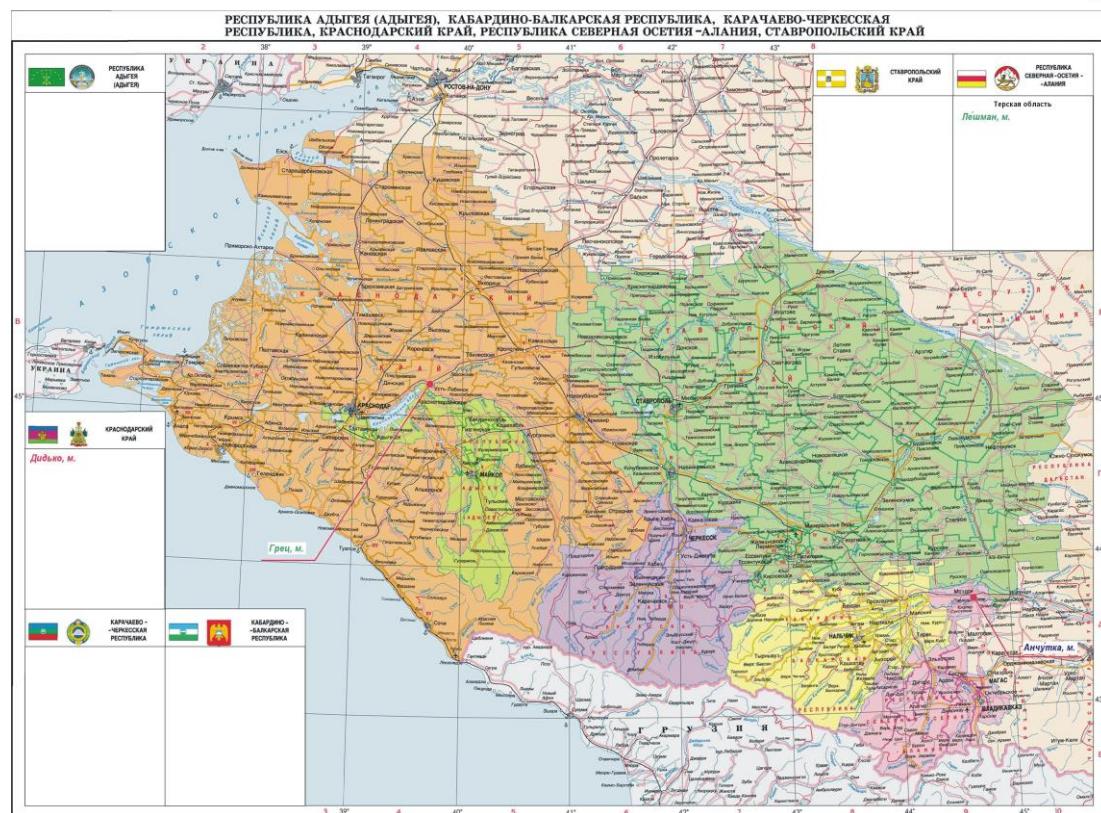
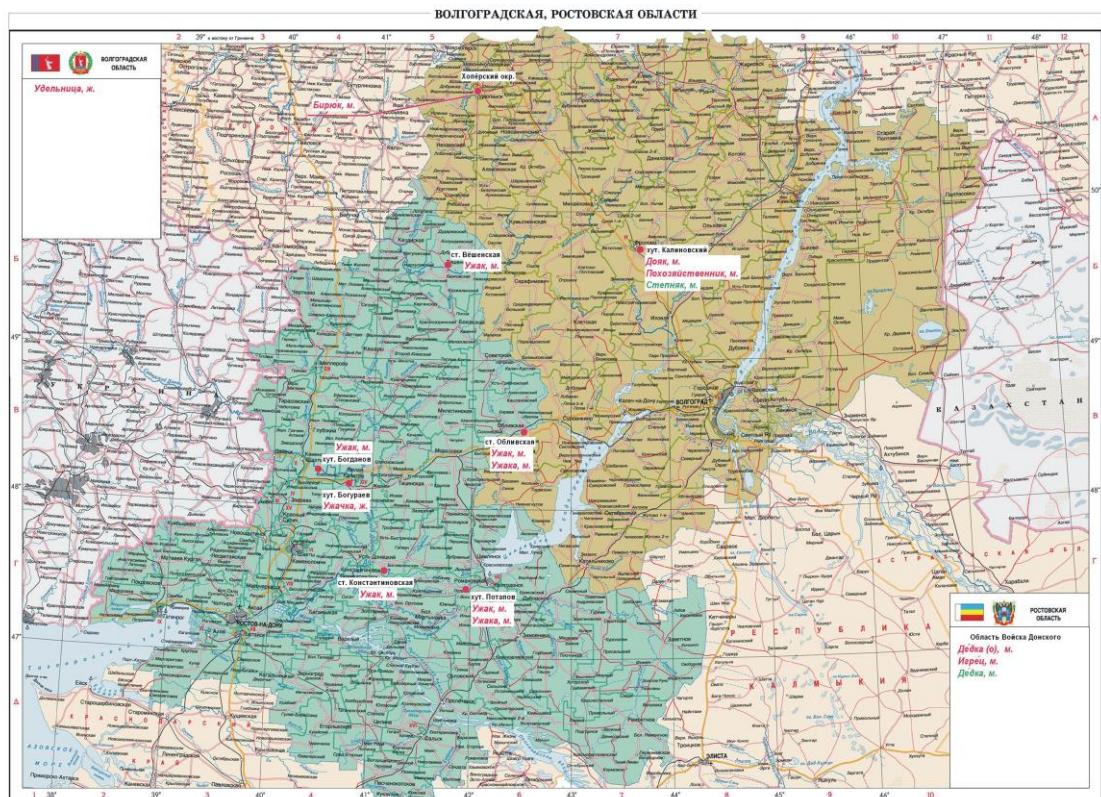
The map is oriented with a grid system and includes a legend in the bottom right corner.

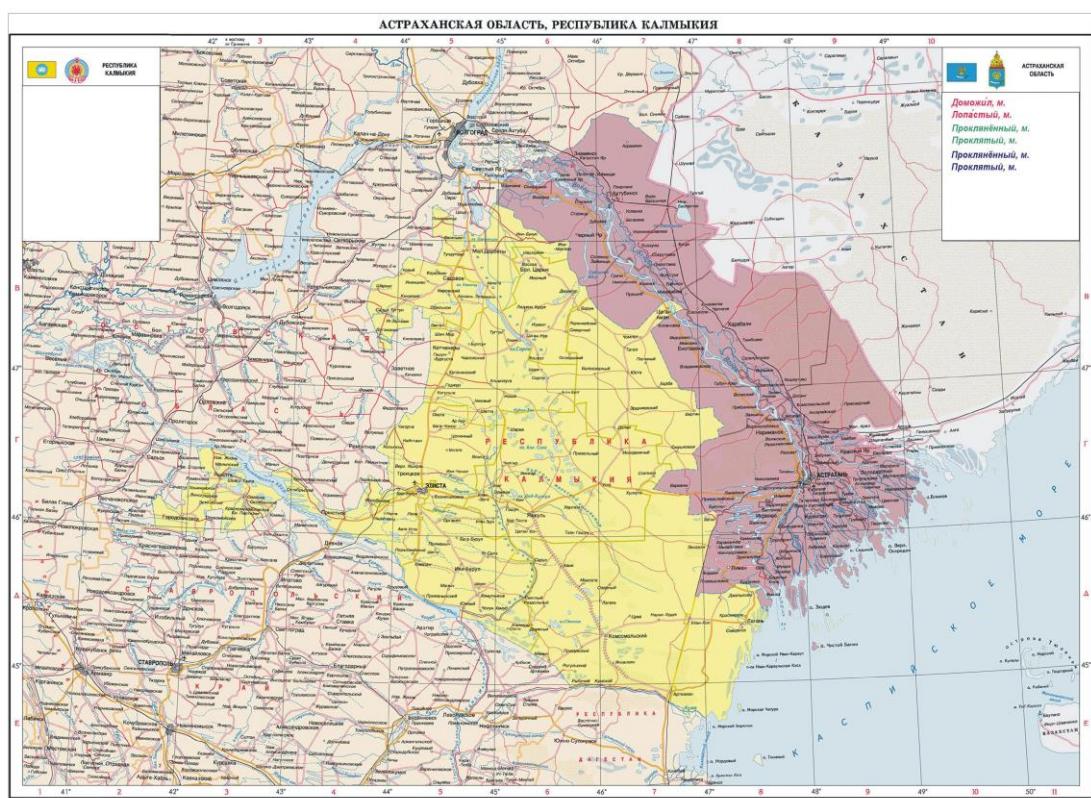
РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН (ТАТАРСТАН)

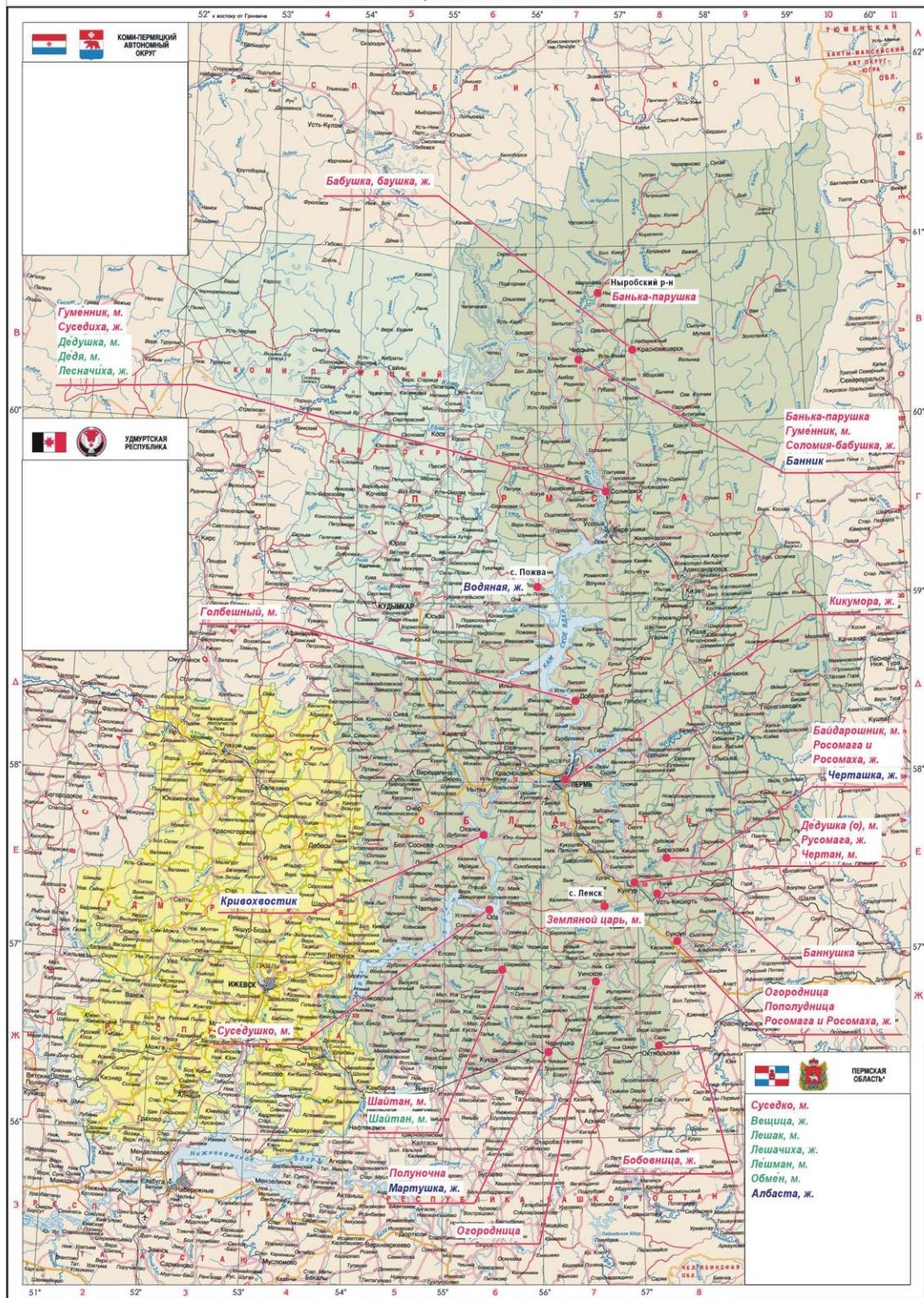
ПЕНЗЕНСКАЯ, САМАРСКАЯ, САРАТОВСКАЯ, УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТИ

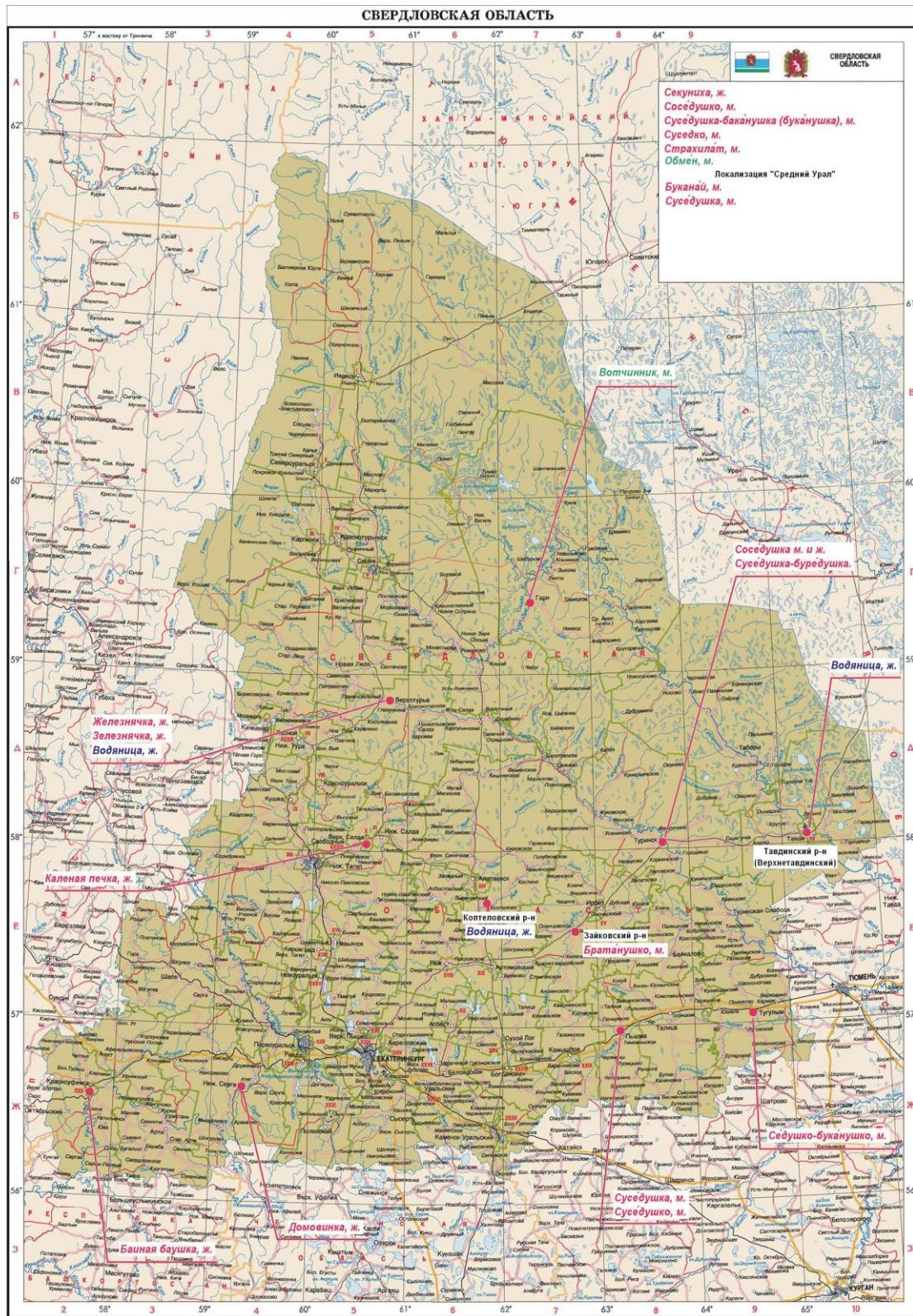

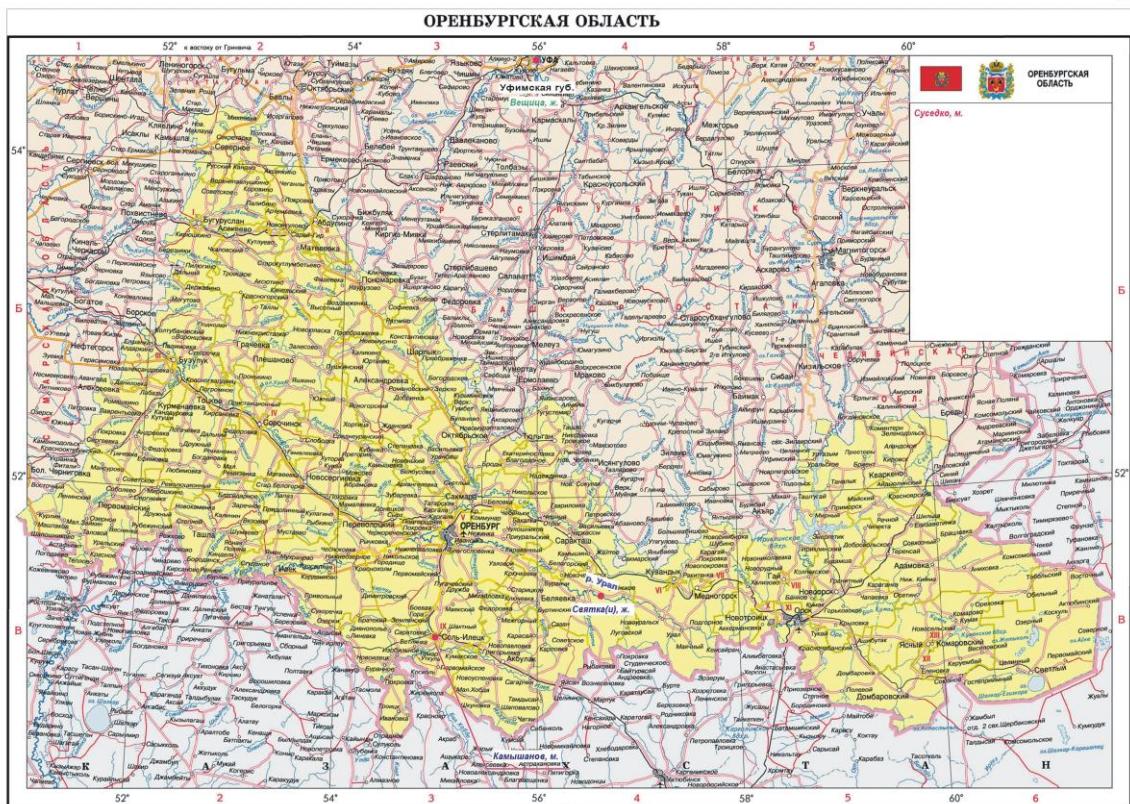

ПЕРМСКАЯ ОБЛАСТЬ, УДМУРТСКАЯ РЕСПУБЛИКА,
КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

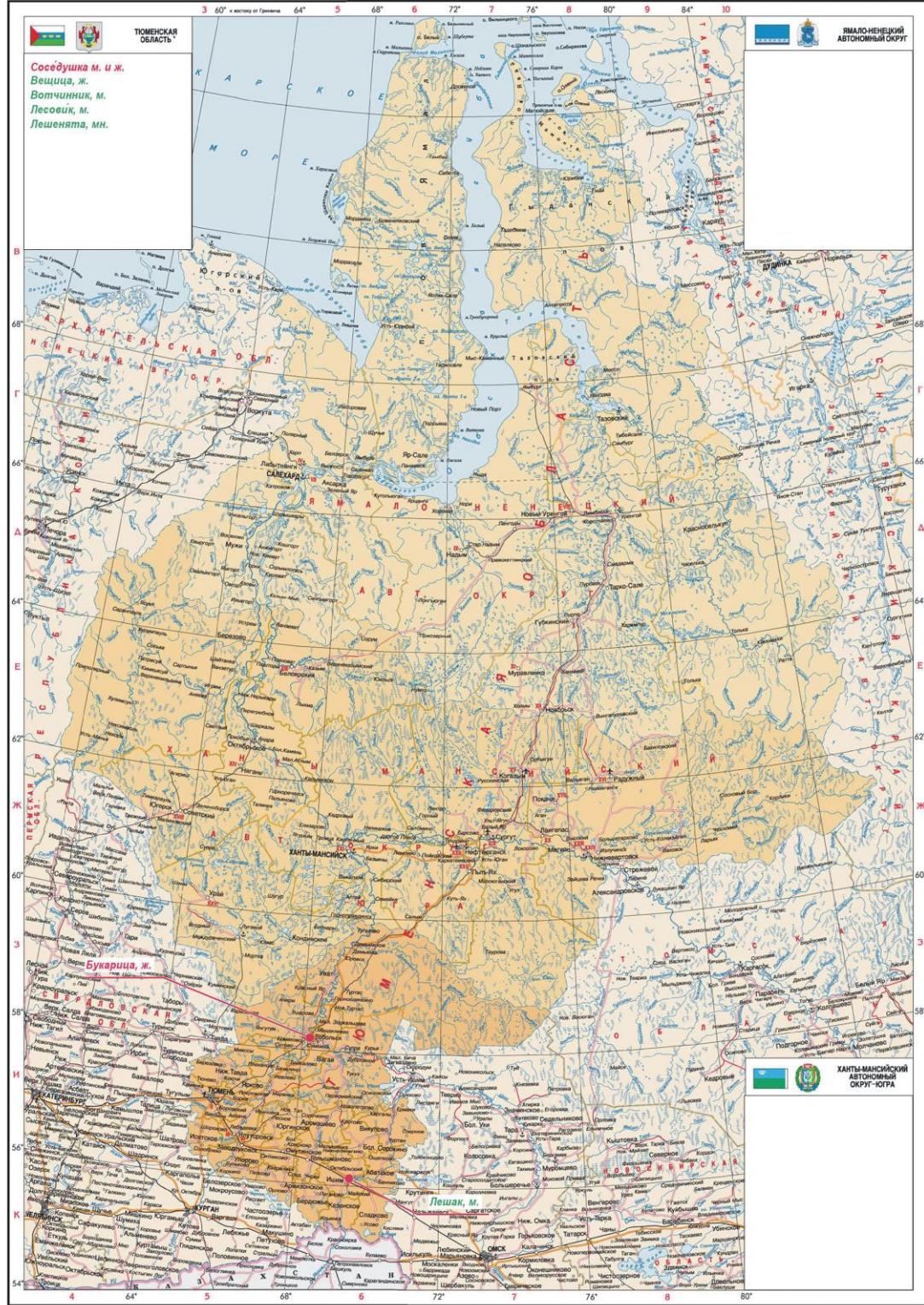

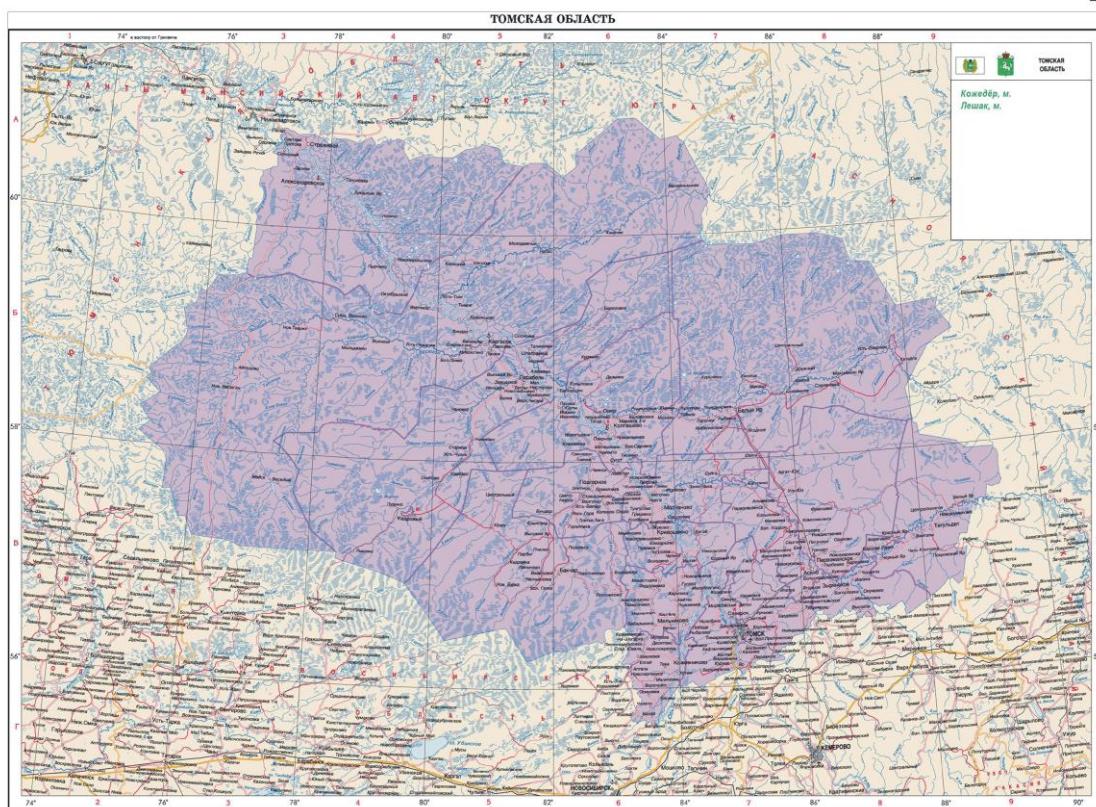
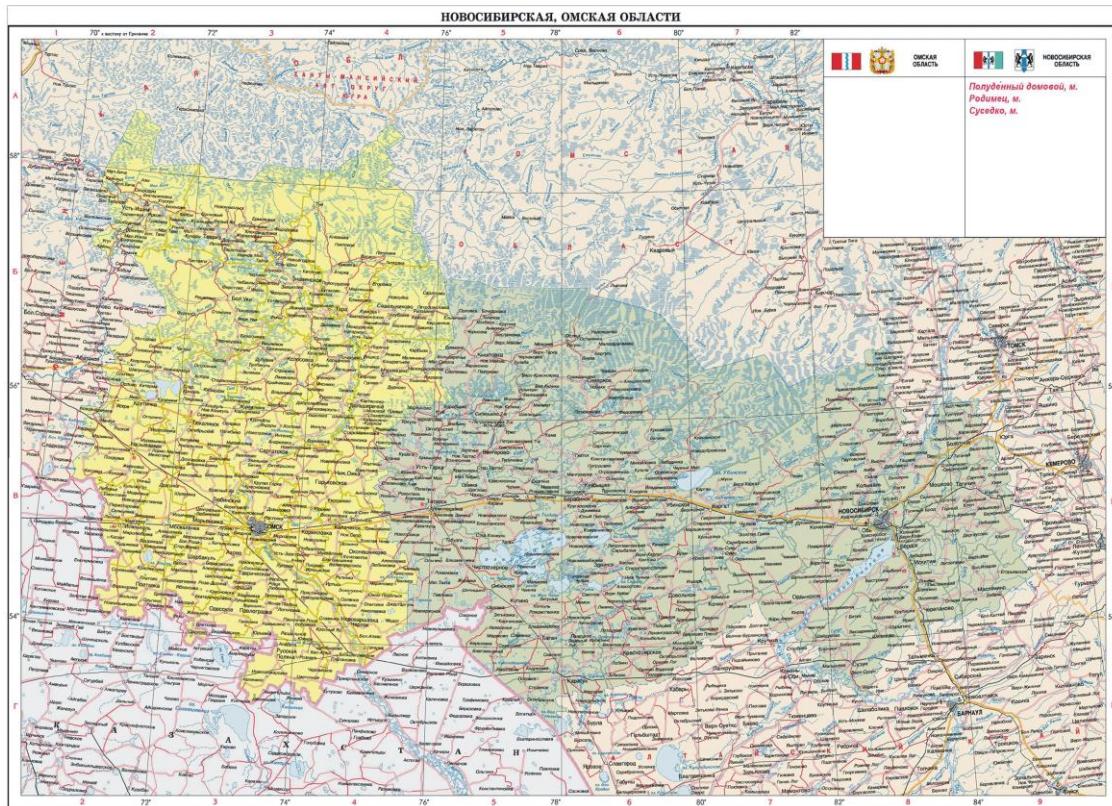
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

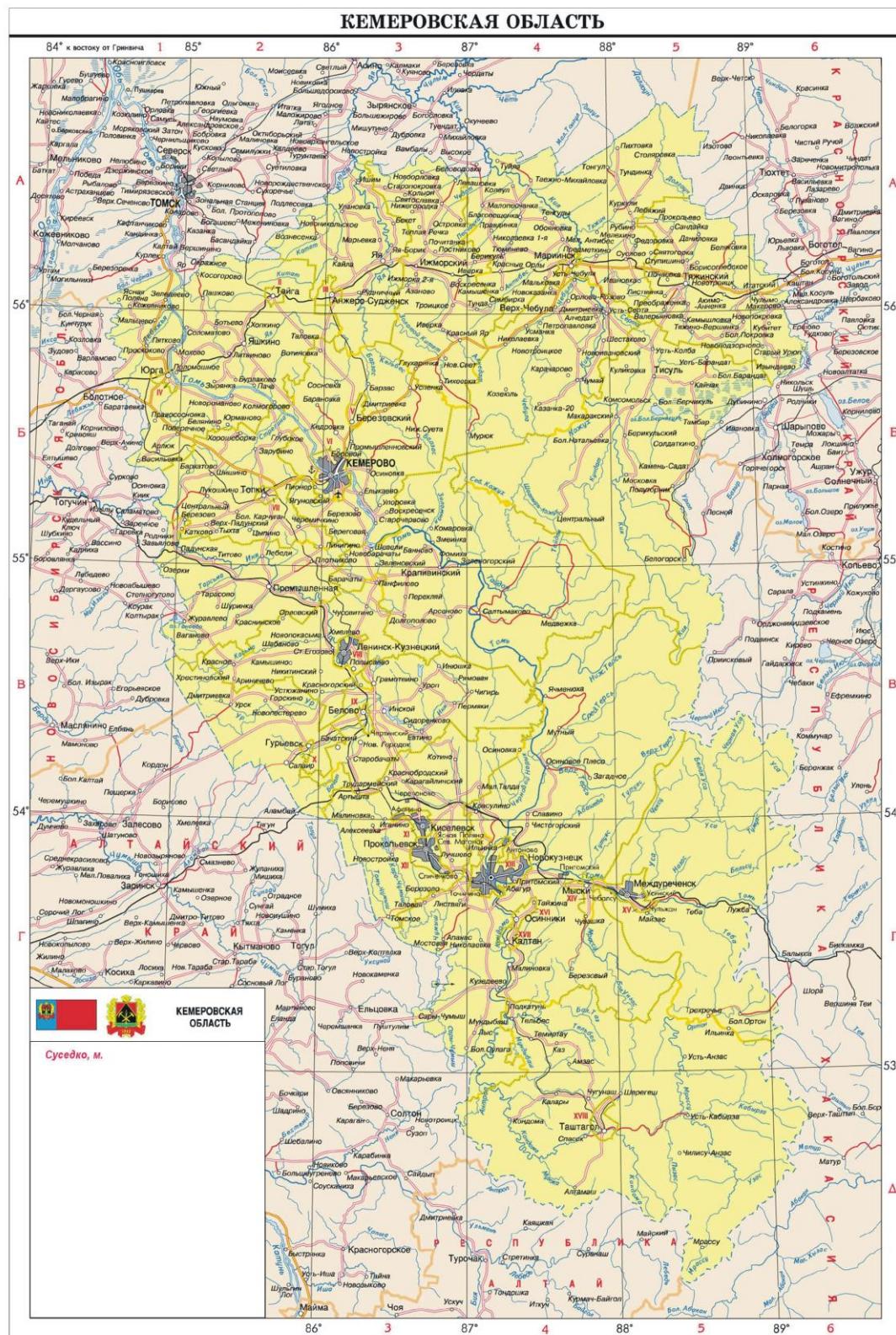

**ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ,
ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ—ЮГРА**

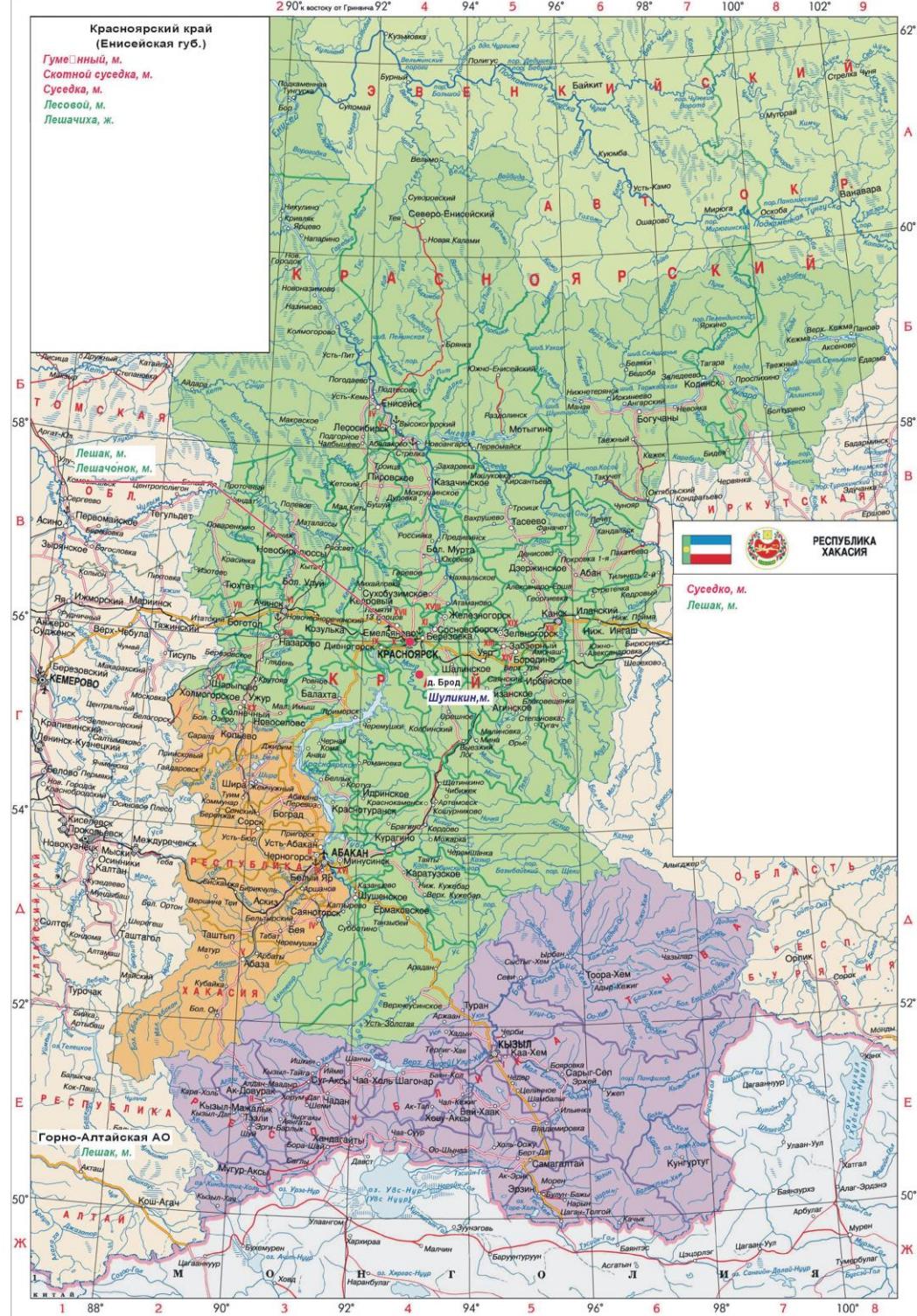

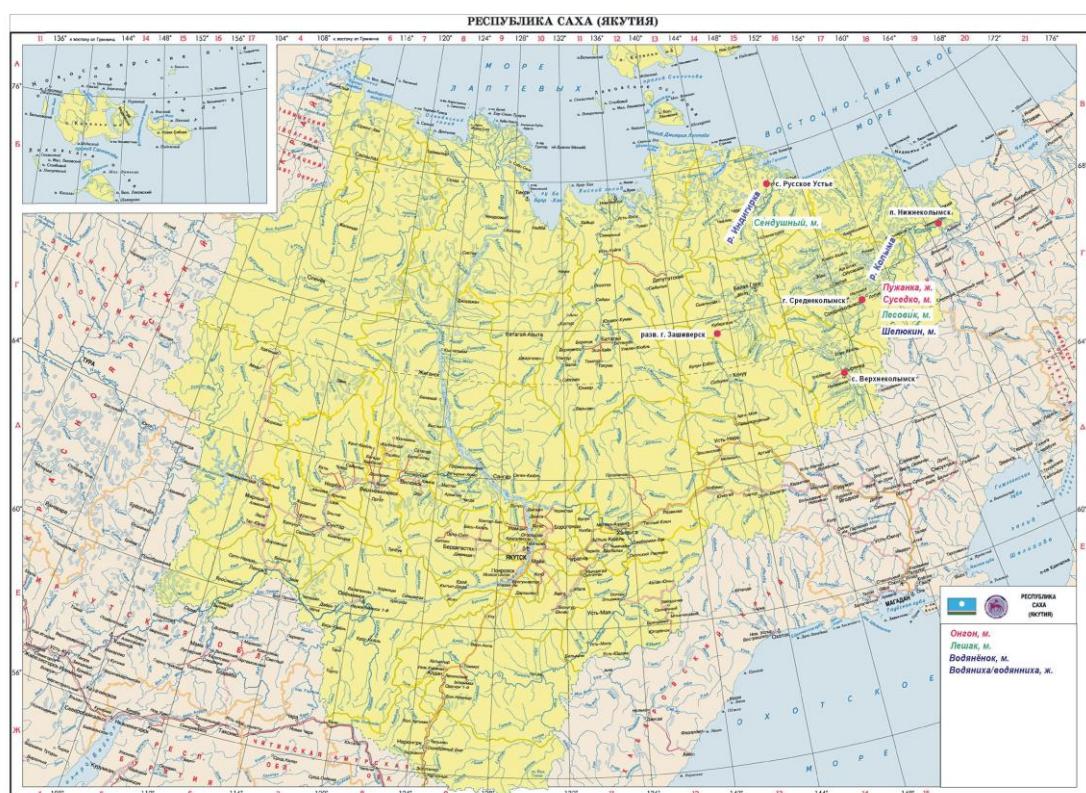
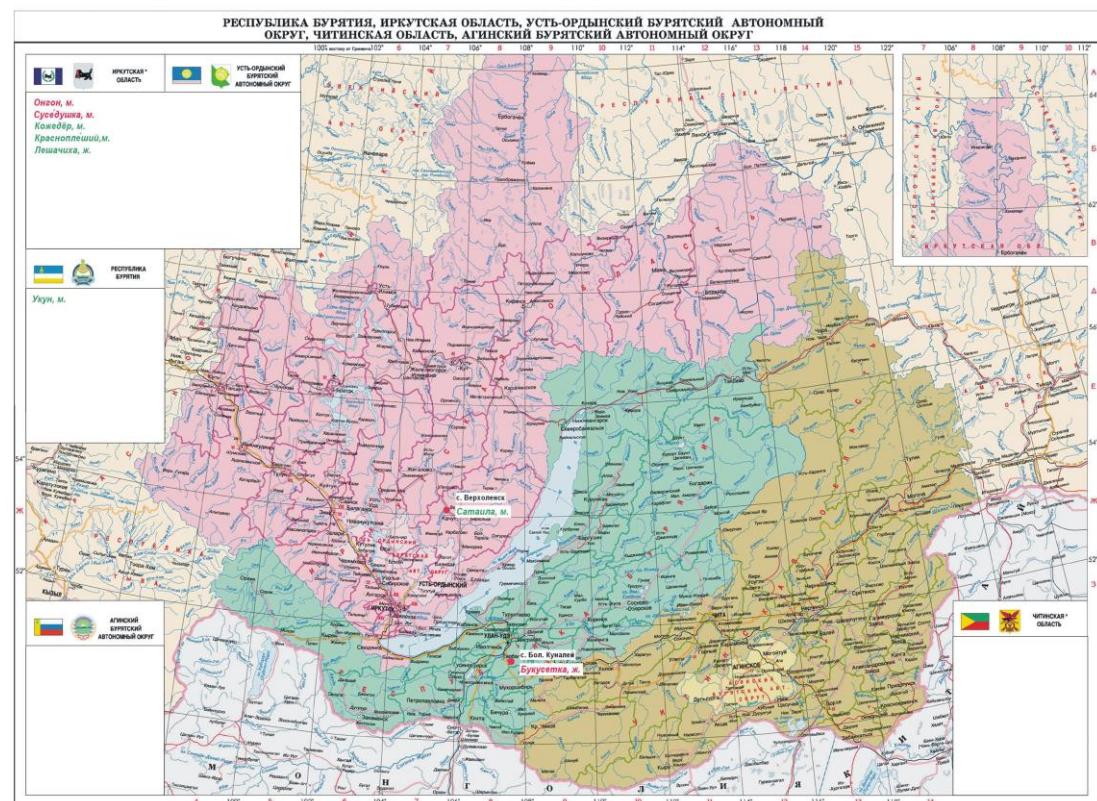

КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ (юг), РЕСПУБЛИКА ТЫВА, РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ

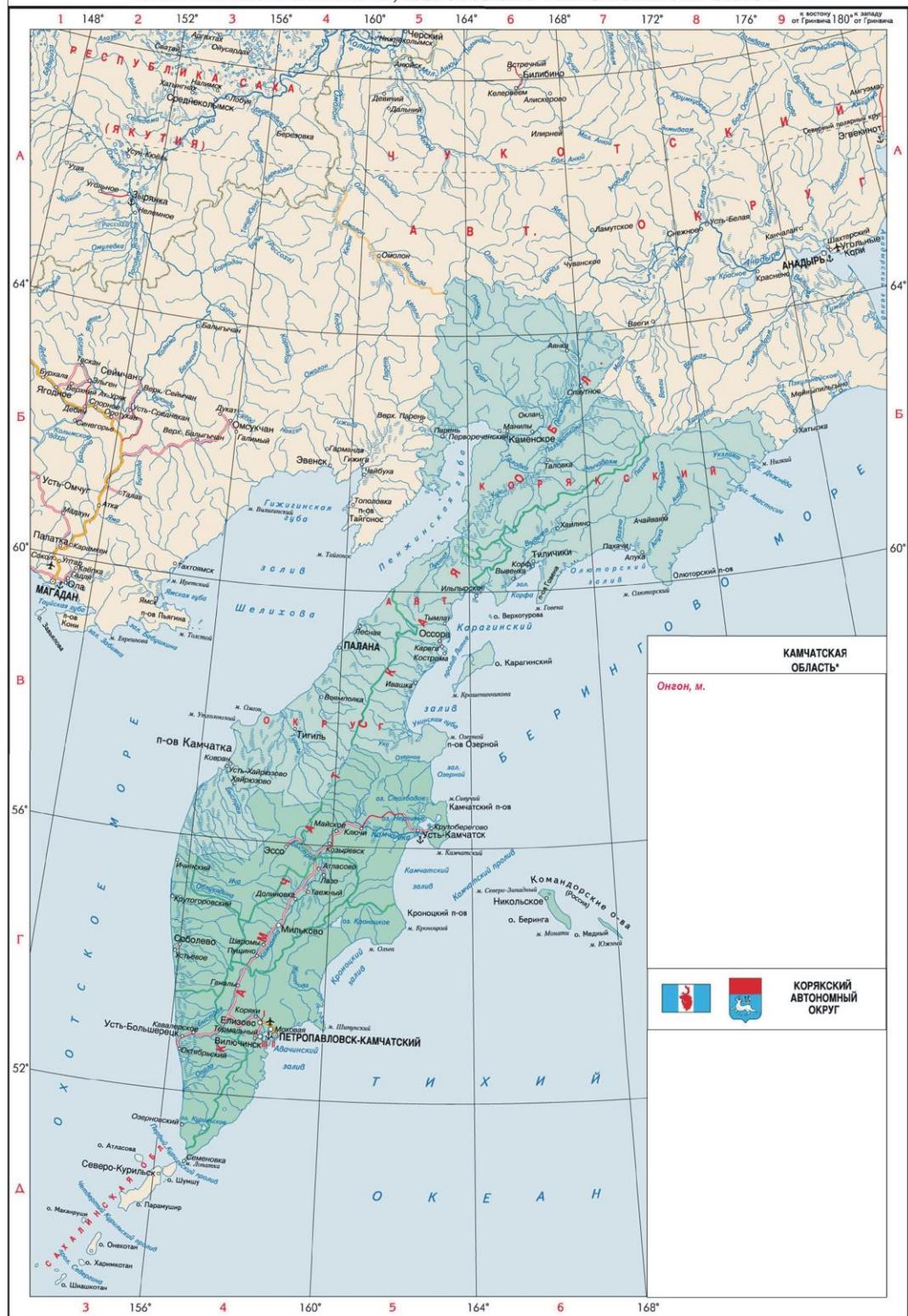
Красноярский край
(Енисейская губ.)

Гумени~~и~~ный, м.
Скотной суседка, м.
Суседка, м.
Лесовои, м.
Лешачиха, ж.

КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ, КОРЯКСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

ПРИБАЛТИКА

